

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
ТАМБОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 14



Тамбов
«Принт-Сервис»
2016

УДК 82
ББК 84
Т17

Главный редактор
Валерий АРШАНСКИЙ

Редакционный совет:
Валентина ДОРОЖКИНА,
Мария ЗНОБИЩЕВА,
Татьяна КУРБАТОВА,
Елена ЛУКАНКИНА

*Издание осуществляется за счет средств субсидии,
предоставленной администрацией Тамбовской области
социально ориентированным некоммерческим организациям*

Тамбовский альманах. – № 14. – Тамбов : Принт-
Т17 Сервис, 2016. – 242 с.

ISBN 978-5-905763-77-9

Альманах (от арабского «календарь») – сборник произведений разных авторов, объединенных по тематическому, жанровому или другому признаку. Литературный альманах в России ввел Н.М. Карамзин в 1796 году.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-905763-77-9

© Тамбовское отделение
Союза писателей России, 2016
© Оформление. ООО «Принт-Сервис», 2016

Содержание

Здесь нет случайных имён.....	5
ПРОЗА	
Владимир САМОРОДОВ. <i>Рассказы</i>	7
Сергей ДОРОВСКИХ. Арбатский Элвис. <i>Повесть</i> ...	17
Денис ГУДИН. <i>Рассказ</i>	50
ПОЭЗИЯ	
Иван АКУЛОВ. Шаганэ. <i>Поэма</i>	55
Маргарита АЛЕКСЕНКО. <i>Стихи</i>	76
Александр ЖУРАВЛЁВ. <i>Стихи</i>	81
Елена ЗАЙЦЕВА. <i>Стихи</i>	90
Мария ЗНОБИЦЕВА. <i>Стихи</i>	97
Елена ЛУКАНКИНА. <i>Стихи</i>	103
Майка ЛУНЁВСКАЯ. <i>Стихи</i>	110
ДРАМАТУРГИЯ	
Андрей КРУЖНОВ. Самая старая сказка. <i>Пьеса</i>	117
ПОЭЗИЯ	
Татьяна МАЛИКОВА. <i>Стихи</i>	140
Алексис МОЙСЕЕВА. <i>Стихи</i>	147
Александра НИКОЛАЕВА. <i>Стихи</i>	152
Владимир САШИН. <i>Стихи</i>	155
Валерий ХВОРОВ. Философия любви. <i>Стихи</i>	162
ИМЕНА	
Александр АКУЛИНИН. Песня для Юльки. <i>Рассказ</i>	167
Семён МИЛОСЕРДОВ. <i>Стихи</i>	176
ИСТОРИЯ	
Владимир АНДРЕЕВ. Дон Кихот из Тамбова. <i>Очерк</i>	183
Татьяна КРОТОВА. Архивные истории. <i>Очерки</i>	191

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Валерий СЕДЫХ. Спрос и предложение. *Интервью* 202

ЮНОСТЬ

Анастасия СЕРОВА..... 211

Вячеслав ТРУБИЦЫН..... 213

Маргарита ШИТИКОВА..... 216

Елена ЯЦКОВА..... 217

Ольга ТЕРЕХОВА..... 219

Анастасия ЧЕЛЮБЕЕВА. *Стихи*..... 222

ПРАВОСЛАВНОЕ

Лидия ПЕРЦЕВА. Сказание о святителе Питириме.
Фрагмент поэмы..... 224

Анатолий ТРУБА. Святые источники. *Очерк*..... 230

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Александра НИКОЛАЕВА. Цветы на граните.
Очерк..... 236

Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Есть над чем работать.
Интервью..... 238

Здесь нет случайных имён...

Четырнадцатый выпуск Тамбовского альманаха почти целиком, за малым исключением, посвящен или отдан молодым литераторам, членам Союза писателей России, а также авторам, не состоящим в творческих союзах, подающим большие надежды. У всех, у каждого автора должна быть надежда либо сделать первый шаг, либо преодолеть первую ступень, либо достичь небывалых высот. Всем сёстрам по серьгам, но всем авторам исключительно по их дарованиям. На самом деле, здесь нет случайных имён. Все, кто стал автором Тамбовского альманаха, сделали свои первые шаги много раньше, альманах же только подтверждает, что эти шаги были в нужном направлении, что они были удачными. Пройдёт немного времени, и кто-то из вновь пришедших будет вправе назвать себя писателем.

В этом выпуске Тамбовского альманаха представлены также мэтры нашей литературы Семён Милосердов, Александр Акулинин, юбиляры наступающего 2017 года Иван Акулов, Лидия Перцева, другие известные авторы, могущие быть ориентиром для молодых или начинающих. А вообще в альманахе огромное количество стихов, стихотворных фантазий, среди них первые, но уже достойные опыты самых молодых авторов из литературно-творческого объединения «Тропинка». С их творчеством можно познакомиться в разделе «Юность».

Когда мы только готовили к опубликованию очерк Владимира Андреева «Дон Кихот из Козлова. Блистательный век Владимира Зельдина», не стало самого героя очерка, не стало Владимира Зельдина, старейшего российского актёра, самого известного нашего земляка, нашего современника. Всю свою театральную жизнь он был на службе в театре Красной Армии, потом Советской Армии, потом – Российской... Служил до конца. Аплодисменты Владимиру Зельдину!

Председатель правления
Тамбовского отделения Союза писателей России
Юрий МЕЩЕРЯКОВ



Владимир САМОРОДОВ

Рассказы

Ключ

Летний аромат прохлады и ненавязчивая трескотня сверчков влетали в растворённое окно домика Владимира Трифоновича. Он почивал, разглядывая безмятежные сны. Под эти звуки ему всегда хорошо спалось. Бывало, в городе ему приходилось ночевать у знакомых, но тогда отдых превращался в муку: проворочавшись всю ночь на чужом диване, на следующий день он чувствовал себя, как после деревенской свадьбы...

Уже утром Владимир Трифонович торговался на базаре с сухим матёрым евреем, пытаясь сэкономить на газовом ключе. Он его давно заприметил, деловито прохаживаясь по торговым рядам. Да и вещь эта при хозяйстве нужная, а то нечем гайку «привертеть». Как отец дом оставил, с тех пор он не прикрутил ни одной гайки.

Самородов Владимир Юрьевич. Родился в Тамбове 1992 году. Закончил юридический факультет ТГУ им. Державина. В настоящее время является практикующим адвокатом. Увлекается литературным творчеством и дореволюционной историей. Неизменный участник литературных Трегуляевских встреч. Рассказы автора неоднократно печатались на страницах периодических изданий: «Рассказ газета», «Литературный Тамбов», «Альманах Трегуляевских сред», «Великорось».

– Сезон отопления скоро, всё может случиться, тогда по дворам просить придётся, ходить, надоедать, – думал он про себя, продолжая торговаться, – да и друг Павлинов от зависти к ключу, может, приутихнет, а то повадился смеяться: «Тебе, мол, друг, жениться надо, чтобы жена в доме порядок чинила – и всё такое».

Через пару минут торг закончился тем, что продавец накинул еще двадцатку, но зато пообещал, что упакует товар по высшему разряду.

Всю обратную дорогу Владимира Трифоновича мучили неприятные воспоминания. Он не мог понять откуда-то на его голову взялся бородатый мужик, что стал прицениваться к «его» ключу. Пришлось брать ключ втридорога: не уступить же его «бородачу».

– Ох, этот ключ, лишивший меня на неделю скромного и отнявший столько сил! Но теперь всё сам чинить стану и ни от кого не буду зависеть. Вещица эта знатная, – успокаивал себя Владимир Трифонович, ощущая приятную тяжесть в руке: газовый ключ лежал на дне пустой авоськи, завернутый продавцом в грязный пакет.

Уже на следующий день к нему пожаловал господин Павлинов и объявил, что ему нужен всего на один день газовый ключ, так как его «изломался», а если угодно, он может его обменять на не менее полезную вещь.

Владимир Трифонович позволил взять ключ и высокопарно, ни говоря лишнего, произнес:

– Пользуйтесь на здоровье, господин Павлинов.

Тот же в подобострастной улыбке отвечал:

– Благодарствую.

– Ох, этот суетной мир, – произнес негромко Владимир Трифонович и отправился отдыхать на постель.

Утром на полу затененной серой веранды была распластана узенькая дорожка кипятка, ведшая к дубовому

столику, за которым сидел с дымящейся фарфоровой чашечкой владелец заветного ключа.

– Утреннее чаепитие на природе, одна из прекраснейших затей человечества, – рассуждал он про себя, любуясь старыми заросшими яблонями и наслаждаясь бархатным гудением пчел.

Но вдруг закрипела калитка, и сад затревожился от знакомого сопения.

– Ах, уважаемый, Владимир Трифонович, я к вам. Весь измучился, и, женой истерзанный, послан прямо с утра за газовым ключом. Тут понимаете такая ситуация, – замямлил сосед.

– Понимаю, – закачал головой Владимир Трифонович и с недовольной миной отправился за ключом.

Потом попивая чай, Владимир Трифонович хмурился и думал о соседе: «Уважаемый теперь. Да ты же неделю назад меня у водокачки впритык не увидел. Да, суетен этот мир...»

Между тем подошло время обеда. Это пора для более глубоких размышлений.

Владимир Трифонович придерживался мнения, что обед готовить должна женщина. Так у него и повелось: стряпала ему знакомая кухарка с соседней улицы, как он любил говорить – за грош, но с любовью. Что он подразумевал под этими словами, было известно только ему самому и кухарке.

А если гостю случалось спросить, что означает эта фраза, то Владимир Трифонович вдруг начинал философствовать на другую тему.

– Понимаете, капуста – это жизнь, она помогает желудку избавиться от голода, особенно когда нет мяса, – многозначительно он произносил, укутывая вилку кухаркиной стряпнёй.

В это же время его озадачил замысловатый стук в дверь.

– Уважаемый, Владимир Трифионович, это я, зять двоюродного брата господина Павлинова, помните там, давным-давно на дне рожденье я вас своей настойкой потчивал. Так вот, я по поводу газового ключика, – с лицемерным подобострастием проговорило знакомое и неприятное лицо в проем приоткрытой двери.

Владимир Трифионович от воспоминания вкуса той настойки почувствовал неприятную горечь во рту и, сморщившись, недовольно отстранил перебинтованную капустой вилку.

– Да, суетен этот мир, но больше так повторяться не может, – думал Владимир Трифионович, обреченно косолапя за ключом...

Хорошо в предвечернее время после прохладного душа укрыться от жары в теневой комнате, возлежать на хлопковой постели и ожидать ужина, что доспевает на летней кухне в предзакатном пейзаже.

Так и Владимир Трифионович лежал, разглядывая картину, изображающую не то осень, не то весну.

Он уже два дня как обменял у господина Павлинова газовый ключ на столь странный пейзаж. Теперь он чувствовал себя прекрасно, беззаботно приговаривая: «Как суетен этот мир, но спокойствие важнее».

Неведомый закон

Владимир Никанорович жил на узкую ногу. К старости он потерял многое, но никак не ожидал, что у него не останется почти ни единого зуба. Это для него было болью повседневной. Накопив денег и купив себе несколько лет назад вставную челюсть, он так и не обрёл утешения. Рацион его менялся редко, каждая копейка бы-

ла распределена на свою нужду. И одна из этих определённых стопок мелочи предназначалась закоренелому попрошайке по имени Филька. Это был бородатый мужик, сидящий на паперти и испрашающий подавание у Владимира Никаноровича, который в свою очередь по непонятным причинам каждый месяц подавал ему строгое количество мелочи. Так уж устроилось, что каждое первое воскресенье нового месяца Владимир Никанорович посещал церковь и при входе опустошал карман от заготовленной мелочи, отдавая её своему попрошайке. Они ни разу не говорили друг с другом, но знали друг о друге всё и уже на протяжении нескольких лет встречались в одном и том же месте, в одно и то же время.

Один раз Владимир Никанорович потратил эту чужую стопочку на столь нужный и вожделенный вставляющийся в рот предмет. Накопления длились три месяца, и он, уже весь истощавшийся, осмелился совершить это такое преступление, добавить себе попрошайнические. Он плавным движением ладони смахнул сию мелочь себе в карман, и, как по какому-то неведомому закону, всё сошло копейка в копейку. Это произошло обыкновенно, и уже к вечеру Владимир Никанорович уверенно грыз грибной суп без единой копейки за душой.

Настал воскресный день, и он отправился по знакомому пути в церковь. Филька, весь облезлый и дряблый, приоткрыл глаза, увидев идущего друга. Бог его знает, какие надежды Филька возлагал на мелочь, уже, казалось, гремевшую у него в руках. Владимир Никанорович как только ни старался не глядеть в сторону просящего, но всё же мельком увидел его заплывшие, полные надежд и благодарности глаза. Эти глаза уже были родные, да и денег им сколько отдано. Но Филькины вытянутые руки так и остались пустыми, а друг его, казалось, как ни в чём не

бывало, зашёл в церковь. Владимира Никаноровича всю службу грызла мысль о том, отдавать ли в следующий месяц Фильке в два раза больше мелочи или дать как обычно. И когда, выйдя из храма, он не увидел своего друга, тогда-то и было решено отдать законные, причитающиеся за два месяца. Так по пути домой он всё говорил себе, что, мол, неудобно получилось, в пятницу-то большой православный праздник был, и Филька теперь непременно говел по-русски. «По-русски теперь говел, – всё повторял Владимир Никанорович. – Да, неудобно, ему, может, на похмелку не хватило, это же у них дело обычное. И вид-то у него не ахти, глаза заплывшие, в ознобе, нет нехорошо, надо всё отдать, а то обидится. Да, решено: отдать надо всё».

В следующий месяц, в первое воскресенье Владимир Никанорович опять шёл по знакомой дороге в церковь. Карман его было тяжелее, чем обычно, а если быть точнее, то тяжелее ровно в два раза. Он играл мелочью в кармане и уже представлял, как обрадует Фильку, подав ему столь непривычно или даже неприлично большую сумму. Церковь всё отчётливее представала перед глазами, и привычный силуэт сидел на том же месте. Всё было, как обычно, но, подойдя к воротам и уже высунув мелочь, Владимир Никанорович озадаченно отшатнулся. На месте Фильки сидел другой. Этот другой смотрел грубо и непристойно, даже как-то осуждающе. Владимир Никанорович, было, хотел открыть рот, но незнакомец опередил его.

– Згас твой Филька, месяц уж как, с похмелья больного.

Стул

Владимир Радович слушал по привычке приёмник у себя на балконе. С третьего этажа его квартиры был хороший обзор местности, и он осматривал её зорко, как орёл, только не летая, а сидя на покрашенной в несколько слоёв белой табуретке. На пенсии это для него осталось чуть ли не единственным способом отдыха и одновременно занятия.

Во дворе его все уважали за здравость суждений и не меньшую здравость осуждений. Он любил давать советы, но не любил их навязывать, поэтому в каждодневной пустой болтовне они ценились и слышались. Он не любил курить, но любил, когда курят, не любил болтать с пустыми пьяницами, но любил наблюдать за ними и порой с интересом слушал про их приключения и проступки. Сам он не был любителем рыбной ловли, но любил спрашивать, где рыба ловится, внутренне понимая, что эти новости могут пригодиться для поддержания другого разговора. Жизнь его уже давно замедлилась, стремления утикли, он жил и снисходительно смотрел на свою жизнь. Как будто слушал приёмник, переключал каналы, становилось то интересно, то скучно, он делал то тише, то громче, но изменить и остановить вещание приемника, как и ход жизни, не мог.

Как раз в этот час приёмник Владимира Радовича монотонил балконному пространству скучным голосом про дешёвые таблетки от всех болезней. И хотя частый собеседник и единственный слушатель приёмника находился в самом эпицентре вещания, он ничего не слышал. Мысли его были далеко от пространства балкона. Он следил за человеком, который нёс что-то в мусорку, но это был не пакет, а твёрдая вещь, потом аккуратно поставленная рядом с контейнерами.

Владимир Радович любил свой балкон ещё за то, что с него очень хорошо было видно всё происходящее рядом с мусоркой и, конечно, идеально виделись всегда переполненные мусорные контейнеры. Это была его тайная страсть. Часто он высматривал там добротные доски, советские подвесные полки и много всякой твёрдой всячины. Но брал их оттуда он редко, зато, когда такое случалось, приспособливал у себя на даче. Не сказать, чтобы он был беден, в квартире у него были спрятаны деньги, которых хватило бы, чтоб справиться, по его словам, пять свадеб или десять похорон. Но была страсть, и в его представлении – дело полезное.

Напряжённый взгляд Владимира Радовича рассмотрел очертания хорошего, обитого мягкой тканью стула. Всё в его теле встрепенулось, мысли стали работать с быстротою наступления опасности. А стул стоял рядом с мусоркой, как сторож.

Через десять минут Владимир Радович уже поспешно кивал головой, от разного рода приветствий знакомых и на ощупь застёгивал пуговицы на плаще. Если бы кто-нибудь сейчас сидел бы на его балконе, то, как всегда, услышал бы монотонный приёмник, и увидел бы во дворе силуэт,двигающийся к мусорке, но с пустыми руками. В самом деле, это Владимир Радович спешит и чуть ли не кричит вслед отдаляющемуся от помойки стулу, с помощью нового, но в годах, старого, оборванного, бородатого хозяина.

– Стой, это моя вещь! – приблизившись, крикнул вору Владимир Радович.

К его удивлению, этого хватило, чтоб бесхозный хозяин старой обивки распрощался с ней. Но бородатый мужик сделал это так же дерзко, как и заполучил злополучный стул, он просто-напросто бросил его в сторону и был таков. Отлетевшая ножка от стула показалась Влади-

миру Радовичу невосполнимой потерей, и он в порыве решимости даже хотел догнать негодяя, но, переведя дыхание и взяв в руки стул, ощутил охватившее его чувство внутреннего торжества.

«Жизнь – это когда ты ещё что-то можешь, – думал Владимир Радович, неся стул домой, – да и зачем он этому оборванцу нужен, с одной помойки на другую носить? Вторую жизнь стул там не получит, а может, вскоре понадобится согреть чьи-то руки», – усмехаясь, двигался он домой.

Ночью сон никак не приходил к Владимиру Радовичу. Он то ворочался, то засовывал руки под подушку, то ложился навзничь и думал: «Скоро зима, стул на дачу везти не стоит, в квартире его хранить негде, куда его деть?» Раздумья привели к мысли отдать стул сыну, который должен заехать на днях. Поворочавшись ещё и окончательно укрепившись в этой мысли, на глубоком выдохе он заснул.

Через день сын заехал к отцу, они дружески обнялись, перекинулись несколькими фразами. Владимир Радович мигом принёс поломанный стул и сказал:

– Вот возьми, дома подчинишь, служить будет, у тебя места много. А то у меня на даче воров полно.

Сын сначала упирался, но потом, чтоб не нервировать старика, взял стул. И уже на улице, укладывая его в багажник машины, через причитания жены думал: «Да, точно с дачи стул, старик думает, что я и не знаю, где он его взял. Наивный он человек, ведь я все стулья наперечёт знаю и в его квартире, и на даче». Тут он взглянул вверх на балкон и увидел добрую улыбку отца, и тоже улыбнулся ему, уезжая.

Чувство сделанного дела кружило голову Владимиру Радовичу, радовало, как в молодости. Он отблагодарил себя походом на улицу и излишней разговорчивостью с

людьми во дворе. Так закончилось его дело под названием «стул».

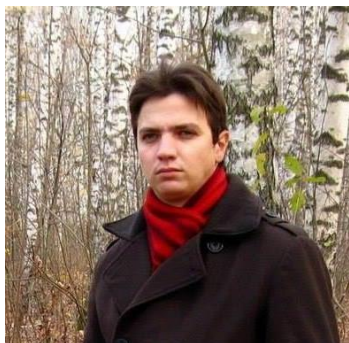
Устав спрашивать про ремонт и надобность, чувствуя, что надоел сыну, Владимир Радович практически забыл про стул. Он также сидел на балконе и слушал приёмник, ходил гулять во дворе и разговаривал со знакомыми. Казалось, что не менялись даже темы для разговоров, интонации и даже люди, о которых они велись. Можно сказать, сама жизнь устала от этого и пустила всё на самотёк, а однажды, вернувшись в этот двор, обнаружила, что ничего не произошло.

В один из таких зимних дней Владимир Радович вышел на улицу, повторяя свой жизненный оборот событий. Ведро с мусором парило в его руке, на раннем морозе. Он шёл, казалось, не думая ни о чём, и вдруг замедлил шаг, остановившись перед мусоркой. Там лежал стул.

Да, множество стульев и разных твёрдых вещей выкидывали в эту мусорку, но, увидав эту, он испытал не чувство находки, дела, прибыльного события, а чувство паники, перемешанное с нематериальной горечью.

– Тот самый, безногий... – сказал он, выдыхая.

Владимир Радович грустил в эту минуту не о вещи, не о стуле, который заметно потерял внешний вид. Он грустил о чём-то большом, необъятном, чего не увидит глазами человек, чего не сможет вылечить врач, передать и объяснить написанная история.



Сергей ДОРОВСКИХ

Арбатский Элвис

Можно сказать, что письмо это появилось случайно. Ну или почти, тут уж трудно судить. В нашей жизни часто всё решает Его Величество случай. В то утро этот господин Случай, одетый в дорогой смокинг и дымящий сигарой, постучался ко мне и сказал: «Парень, очнись, я даю тебе шанс!»

Ну, это если говорить образно.

Было тёплое июньское утро. После завтрака я решил проверить электронную почту и увидел письмо, которое перевернуло мою жизнь. Только сейчас, заглядывая в прошлое, я понимаю, что, может, лучше было стереть и забыть это послание. И жизнь моя пошла бы в ином русле –

Сергей Доровских – прозаик, публицист. Родился в 1986 году в Тамбове. Окончил ТГТУ – факультет «Связи с общественностью». Работал корреспондентом, редактором газет и информационных сайтов. Изданные книги: «Единственный выход» (2004), «Ересь» (2006), «Патриот, хранимый судьбой» (2008), «День твоего имени» (2016). С 2012 года – главный редактор художественно-публицистического и краеведческого журнала «Литературный Тамбов». С недавних пор работает заместителем главного редактора газеты «Тамбовская жизнь». Публиковался в журнале «Наш современник». Женат, воспитывает сына.

хотя не так интересно, как сейчас, зато спокойней. Я так и не создал семьи, ничего не добился, но я знаю мой путь.

Начну по порядку: я с детства был и остаюсь преданным поклонником Элвиса Пресли. Его голос я слышал, ещё когда посасывал пальчик, лёжа в колыбели. К этим песням меня приучил папа. Да и сам отец стал для меня неотделим от Элвиса. Ведь он был не просто поклонником, а во всём подражал Королю рок-н-ролла. В конце 80-х годов, когда начались перемены и многое стало возможным, он устраивал концерты в одном из городских клубов. О, это было что-то новое: целое представление с песнями и танцами! Подражал он Элвису не очень хорошо, но публика принимала тепло. А уж что говорить про отца – он этим жил. И мама была довольна, ведь за выступления что-то перепадало, а время было непростое, бедное, переломное.

Эту любовь, повторяю, папа привил и мне. Меня интересовало всё, что связано с кумиром. В интернете я подписался на рассылку российского фан-клуба Элвиса. И письмо пришло как раз от них. Эх, ну почему я его не стёр! Ведь мог спокойно это сделать: в этих письмах в последнее время приходила всякая мелочь, что продаются солнцезащитные очки Короля, которые он забыл в гостинице во время съёмок фильма «Следуй мечте». Но тут было нечто другое.

Прежде чем открыть письмо, я посмотрел на плакат, висевший над монитором. Естественно, на нём был изображен Король. Что-то насторожило меня в его весёлом взгляде, раньше я этого не замечал. Но вроде бы всё по-прежнему: та же чарующая улыбка и надпись: «Не грусти! Элвис любит тебя!»

Я открыл письмо. Вверху светилась, как вывеска казино Лас-Вегаса, цифра 3000000 \$ и далее: «Эти деньги от американского бизнесмена и благотворителя Билла Тей-

лора достанутся тому, кто найдёт живого Элвиса Пресли. Обнаружены факты, подтверждающие, что Король рок-н-ролла и наш кумир всё же не умер в 1977 году».

Я прочитал это письмо несколько раз. Цифра с длинной вереницей нулей пульсировала перед глазами, сердце стучало в такт, но разум охлаждал, приводил в норму это биение. Факты, изложенные ниже, были стары и неубедительны. Первый из них – до сих пор на надгробии стоит неправильное второе имя Пресли: Аарон вместо Арон. Все родственники, включая отца Вернона Пресли, об этом знали, но почему-то никто так и не исправил ошибку. Это говорит о том, что разочарованный и уставший Король умело инсценировал смерть для тихого ухода. Как христианин, а вернее просто из-за суеверия он не хотел, чтобы на псевдомогиле стояло его полное настоящее имя.

Второй факт – тело, найденное в ванной, по освидетельствованию врачей весило 76 килограммов, хотя Элвис в то время был не из худых парней. Пресли ревниво относился к внешности и попросил указать меньший вес. У певца был чёрный пояс каратэ, однако у тела, лежавшего в гробу, были мягкие пухлые руки без следа мозолей, характерных для каратистов. Более того, во время похорон у покойника чуть не отвалился бакенбард, и парикмахеру пришлось приклеить его прочнее. Получается, что труп был ряженный или восковой. Через два часа после смерти Элвиса некий мужчина, чрезвычайно на него похожий, купил билет до Буэнос-Айреса. Он назывался Джоном Бэрроузом. Элвис не раз пользовался этим псевдонимом...

Были в письме и другие, менее значительные стороны дела о гибели кумира. Всё это, конечно, ничего не доказывало. И дело не в том, что заманчивой выглядела сумма в валюте, обещанная тому, кто найдет Элвиса. Суть не в деньгах. В ту минуту я понял, для чего родился –

чтобы отыскать Короля. Любому здравомыслящему человеку идея начать поиски среди миллиардов жителей Земли престарелого Пресли показалась бы абсурдной. Пусть это избитая фраза, но она как никогда подходит к ситуации: трудно искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет. Тем не менее, я принял решение. Да, я спятил. Можно сколько угодно смеяться, я не обиюсь. Впрочем, прежде дослушайте мою историю.

Я не стал раздумывать слишком долго. В тот же день, когда получил письмо, я спешно стал продавать всё, чего не жаль. Тогда я встречался с девушкой, её звали Лена. Мы давно дружили и между собой секретов не имели. Естественно, она была удивлена моим поведением:

– Серёж, ты не заболел, что с тобой? Зачем всё продаешь? Может, возникли проблемы, расскажи!

Я только улыбнулся в ответ и ляпнул:

– Лен, да всё в порядке. Мне пришло письмо, представляешь: обещано три миллиона долларов тому, кто сумеет найти живого Пресли.

Её взгляд стал строже:

– И что?

– Вот я и решил. Мне почему-то кажется, что он сейчас должен быть где-то в Индии. Духовные и философские искания привели Элвиса на Восток. Я почти уверен – Индия, или Китай. Я продаю несколько ненужных вещей: машину с кучей запчастей, бытовую технику, прочую ерунду. Всё для того, чтобы купить билет и отправиться... Сначала в Калькутту, а потом в Дели. Я просто уверен, что где-то там. Чувствую это.

– Серёжа, шутишь? Скажи, ведь ты меня разыгрываешь? Или ты выпил?

– Я трезвый! – огрызнулся в ответ. – Какие тут могут быть шутки. Знаю, что глупо. Но пойми: внутренний голос подсказывает, что я найду его. Может, я родился

именно для этого. Мой отец поддержал бы меня, если бы не погиб.

Я подошёл к окну:

– Если хочешь, мы поедem вместе. Деньги на билет будут и на тебя: придумаю что-нибудь, постараюсь. Можно у друзей занять.

Она по-прежнему молчала.

– Соглашайся! – сказал я и хотел обнять, но она отвернулась и произнесла со злобой:

– Псих! – и пошла к двери. – Не можешь, что ли, сказать правду?! Решил поиздеваться!

Я понял, что Лена вот-вот заплачет:

– Да я всегда знала, что ты меня не любишь.

Вот те раз!

– Послушай, да ты опять всё неправильно поняла. В смысле... я правда так решил! Это и есть причина, почему я всё продаю.

Она не ответила. Ушла, скрестив руки на груди. В следующий раз я её увидел только через несколько лет, когда вернулся из Америки. Скажу лишь, что разговора у нас снова не получилось.

В тот год я заканчивал институт. Учился на пятом курсе, осваивал профессию пиарщика. Мечтал, что благодаря диплому уеду в Москву, устроюсь в какую-нибудь корпорацию и буду жить, как захочу. Я бросил обучение, когда дело уже подходило к защите дипломной работы и, не сказав никому ни слова, отправился в Индию искать Элвиса Пресли...

Калькутта. Собственно, почему Калькутта? Я знал про этот город только то, что Шрила Прабхупада, научивший весь мир петь «Харе Кришна» и верить в индийских богов, уплыл отсюда на товарном корабле, имея за душой только зонтик и вязанку древних книг. С этой поклажей он вошёл в мир западного человека и стал гуру

для курящей траву молодёжи. Я знаю всё это, потому что помимо Короля также люблю «Битлз», их нельзя не любить. Тот, кто знает толк в «Битлз», поймёт, причём тут кришнаиты. Калькутта, город, откуда в XX веке на Запад поплыл товарный пароход с восточным старцем на борту, представлялся мне сосредоточием путей, энергий. Мне хотелось понять внутренний голос Пресли, когда он после мнимых похорон выбирал место.

Но когда я прибыл, уловил тёплый, влажный и нездоровый воздух, то сразу понял ошибку. Калькутта условно делится на две части: есть «белый» город, где всё относительно хорошо и чисто, и есть «чёрный», который гораздо больше и опасней. Там я боялся всего, даже своей тени, отражённой от стен покорёженных, измазанных не то глиной, не то навозом домов.

Однажды, случайно подойдя к мусорному баку, я увидел мёртвого малыша. Похоже, новорождённого выбросили на корм помойным крысам. До сих пор я часто просыпаюсь, и в кошмаре вижу его, скрюченного, холодного, свернувшегося среди объедков, битого стекла и мятого целлофана. На ум пришла легенда о рождении Элвиса, которую как-то рассказывал отец. Будто когда родился Элвис, то пуповиной задушил своего брата-близнеца, врачи не смогли помочь. Король глубоко переживал это всю жизнь, считая себя убийцей брата. Мне казалось, что в Калькутте я нашёл не Пресли, а его задушенного брата-близнеца в мусорном баке...

Я покинул этот тяжелый город. Может быть, здесь и пересекались пути, но эти меридианы секли меня, будто стрелы.

В других индийских городах, небольших деревушках мне понравилось больше. Что касается Дели, это интересный, огромный и бестолковый город, и конечно, среди разношёрстной толпы не могло оказаться никого,

похожего на Элвиса. В этом городе со мной произошёл особый случай. Однажды, проходя мимо лавок на центральном базаре, который сам по себе был самостоятельным, огромным и шумным городом, я увидел брамина – сухого, как старое дерево, сидевшего на земле в позе лотоса. Борода, длинная и седая, будто он за всю жизнь не брил её, стелилась волосяным ковром по базарной пыли. Вокруг собралась толпа, хотя никакого зрелища старик не показывал: он не двигался, а глаза были открыты и пусты. Я знаю английский язык, на котором тут в основном общались, и понял, о чём перешептываются зеваки: брамин предсказывал судьбу. Но очень редко, иногда, только в полуденный или поздний вечерний час он на миг приходит в себя, жгучие коричневые зрачки выворачивались из-под век, и брамин сообщает только одному избраннику о будущем. Многие ждали часами, даже сутками, желая обхитрить, подкараулить судьбу, узнать о ней всё, но таких старик обходил вниманием.

Я подошёл, и толпа расступилась. Даже обезьяны на пальмах, неугомонные, шумные и вороватые, вдруг стихли. Брамин смотрел. Смотрел на меня жгучими глазами, будто видел все мои прошлые жизни, когда я был земским врачом, инфузорией, лошадьё, вошьё на собаке, алхимиком, шакалом, мастодонтом или ещё кем-то... Он пробормотал что-то. Язык был незнаком. Один из индийцев в джинсовке с оторванными рукавами перевёл мне с трепетом:

– Это не станет для тебя главным.

Я, недоумевая, переспросил:

– Что «это»?

Брамин молчал, зрачки вновь закатились...

Я покинул Индию спустя две недели, и всё время думал об этой фразе. Вернулся домой больной, уставший и... продал всё, что было: квартиру, редкие вещи, драгоценности и прочее, что мне осталось по наследству. Мои

родители погибли. Это случилось летом, когда я готовился к выпускному вечеру в школе. Они попали в чудовищную автокатастрофу. До сих пор с содроганием представляю, как они едут тёплым утром, в магнитоле неизменно поёт Элвис о том, что всё в порядке и не стоит переживать по пустякам. Папа в прекрасном настроении в такт мелодии постукивает подушечками пальцев по гладкому рулю... Из-за поворота выруливает туша грузовика... Лишь на мгновения кулаки папы сжались на руле, и всё было кончено.

Тяжело об этом вспоминать. Непросто было расставаться с вещами, которые напоминали мне о родителях; они будто ещё хранили тепло их рук. Все эти вещи – золотые украшения мамы, папина двенадцатиструнная гитара, старинные часы будто молча роптали на меня.

Но я продал их. И задумался: куда ехать дальше? Видимо, пора на Запад – Элвис всё-таки американец, не стал бы он так радикально менять жизнь. Он наверняка до сих пор живёт неприметно где-нибудь... в Лас-Вегасе, среди тысяч своих же подражателей: ходит там, слившись в блестящей костюмами толпе элвисов, постаревший, и потому меньше всего похожий на себя прежнего.... Это подсказывал мой разум. Но сердце шептало: нет, он всё-таки на Востоке. Но не в Индии, а в Китае. В каком-нибудь красивом и богатом городе. Не в Пекине, долой столицы. В... Циндао!

– Ну, конечно, Циндао! – я подскочил на старом венском стуле в пустой квартире, которую освободил для новых жильцов. Вслушался в непривычное, рождённое пустотой эхо. – Ну, конечно, он там!

Со мной в университете учился парень, иностранный студент. Китаец, на несколько лет старше меня. Мудрый, молчаливый восточный человек. Он никогда не говорил по пустякам, даже не поддавался на мои попытки

развить философские темы, но почему-то так много и красочно рассказывал про свой город, и притом только мне. Теперь стал ясен намёк судьбы. Она специально свела меня с Ваном, чтобы он подсказал мне, где именно искать Элвиса на Востоке. Дожидаясь самолёта, я долго бродил в одиночестве по аэропорту, вспоминая рассказы китайца о дивном и красивом местечке на берегу Жёлтого моря.

И я отправился туда... Китай мне представлялся страной Советов, таким же красными совком, украшенным жёлтыми звёздами. Нет, это совсем другой мир, с компромиссам ради выгоды. Циндао встретил меня небо-скрёбами, наподобие тех, с которыми у нас ассоциируется Америка. Я узнал о том, что редко можно услышать: оказывается, китайцы, не отставая от других, глушат пиво не хуже чехов, и едят в основном пельмени с разными начинками. Рис, палочки, зелёный чай – всё это ерунда. Что же касается коммунизма, красные знамёна неплохо гармонировали здесь с не менее алыми вывесками «Кока-колы», и китайская мечта казалась мне сладкой шипучкой, а не каким-то грозным советским буревестником.

Циндао – это люди, люди, люди. Я брёл среди них, надеясь, что меня выведет на Элвиса. Где-то здесь, в густой и кажущейся однородной толпе, или тёплым вечером на побережье моря, мы встретимся. Мы встретимся. Встретимся. Я брёл и бредил, бредил и брёл в чужом крае, не зная, будет ли этому конец. Бесконечные лица шли перед глазами, вращались, напоминая огненный языческий коловорот или кадры киносъёмки, где режиссёром выступил сам мистер дьявол.

Я потерял сознание и рухнул на мостовую. Странно, но ко мне никто не подошёл и не помог. Я лежал, смотрел на бесконечное небо, вспоминал что-то, плакал и улыбался сквозь слёзы... Где-то рядом плескалось волнами Жёлтое море, в зеленоватой воде плыли черепахи. Я был од-

ной из них. Маленький безумный пловец, ищущий загадочного рака-отшельника, который, может быть, давно умер и сгнил в своей раковине. Ветер менял направление, порой он нёс влагу, порой сухой воздух, и резкие перемены муссонного климата погружали меня в ад.

«О, Элвис...» – сорвалось с моих губ, и ветер унёс имя. Как молитву, как заклинание. Я уже ни о чём не думал. Подавленный, я отправился в аэропорт, чтобы улететь в Россию, где у меня никого и ничего не было.

«Но разве никого?» – когда я прибыл во Внуково, мысль прорвалась сквозь уныние, я вспомнил про двоюродного брата. Он жил в Москве, где-то недалеко от Смоленской площади. Не стоит унывать: отыскать его адрес всё же проще, чем здравствующего Короля рок-н-ролла.

Брат жил один в двухкомнатной квартире. Он был рад мне. Встретил и, как только увидел, крепко обнял, бодро так, по-нашему ударил слегка по плечу. И всё бы, казалось, хорошо, но тут же началось: зачем бросил институт, в какую секту меня заманили, кому я отдал квартиру и сбережения семьи?

– Такая сумма! – восклицал он, когда мы спускались в метро. – Что с тобой вообще? Может, к психологу? Ты не мотай головой, я дело говорю. Их не надо бояться. Они помогут. С тобой дрянь какая-то творится.

Я выслушал этот монолог, не перебивая. Смешно, однако. Я ему ничего не сказал про Элвиса. Пусть лучше думает, что мне в секте промыли мозги. Я открылся Лене, сказал правду и остался один. Вдруг и брат отвернётся от меня, как от прокажённого? Куда мне тогда идти: на вокзал, к бесконечным храмам столицы, где молятся Аллаху, Кришне и хрустящему бигмаку?

С детства я страдаю пороком сердца. Брату я рассказал красивую легенду, будто провинциальные врачи после последнего обследования сказали, что дело худо и

мне недолго осталось. Хотя есть вариант: очень дорогостоящая операция. Таковую только за рубежом могут сделать, у нас – нет. Жизнь дороже, и я и продал всё, что было, лечился в Швеции. Потому, дорогой мой брат, я до сих пор могу ходить по земле и дышать. Только у меня теперь, как видишь, ни кола ни двора, и я приехал к тебе.

Брат поверил, искреннее посочувствовал, а потом произнёс проникновенным голосом: «Главное, Серёжа, что ты будешь жить!» Я чуть не расплакался. А ведь у меня и правда порок сердца, и я давно не был у врачей... и совсем не знаю, почему мне стало плохо в Китае, и чем всё это может закончиться...

Оформив прописку в Москве, я сразу же взялся за дело: принялся зарабатывать деньги. Благо, что брат мой, хоть человек дотошный и надоедливый, но всё-таки добрый и, как говорится, с душой: он не брал с меня ни копейки за жильё и не требовал, чтобы я скидывал что-то в «общий котёл» на продукты, оплату коммунальных услуг и прочее. Он неплохо получал и к тому же в свои тридцать два не был женат, что несказанно меня радовало. Вряд ли я смог бы жить с ним, будь он семейным человеком. Всё, что мне удавалось заработать, целиком шло в «фонд новой поездки». За это я всегда готов сказать брату отдельное спасибо. Я каждому из вас желаю иметь такого брата, как мой Димка.

Правда, как выяснилось позже, я зря копил монету. Днём работал разнорабочим на стройке в Подмосковье, а ночью, если оставались силы, сочинял рекламные тексты для агентства. Банально, конечно, но ничего лучшего я не нашёл. Мои врачи, если бы узнали про то, как я «пахал» на стройке, пришли бы в ужас – ведь проклятая болезнь по-прежнему меня мучила. Кстати, свою ставшую почти нестерпимой боль в груди по понятным причинам я всячески пытался скрыть от брата.

А по выходным я пел на Арбате – тоже заработок. Не ахти, конечно, но всё же лучше, чем лежать дома на диване – за это уж точно никто монетку не бросит. Я знал, что отдыхать некогда. Основным аккордам меня научил отец, так что я дёргаю струны с семи лет и к тому же вполне сносно пою. Только не Элвиса, хотя папа добивался, чтобы я стал подражателем Короля и выступал на концертах. Не получилось, что ж теперь, у каждого своя стезя. Зато почти любые песни, только не очень сложные, я исполнял на Арбате. Пел жалостливо о неразделенной любви девицы к бездушному моряку, за что мне и бросали рублики в чемоданчик. Мне вообще нравилось это занятие – петь на улице под дребезг питерской «шестиструнки», и если бы не идея во что бы то ни стало отыскать живого Пресли, я, скорее всего, продолжал бы выступать и по сей день. Арбат – это жизнь. Арбат – это зависимость навсегда. Арбату я навечно благодарен как сын, хоть и не родился здесь. Ведь именно тут, как говорил Булат Окуджава, пронесший Арбат до конца дней в сердце, «я вновь повстречался с надеждой».

Точнее, с Элвисом Пресли.

Именно так. Я сидел и негромко завывал о том, как всё та же милая девушка решила утопиться в море, потому что грубый матрос уплыл навсегда, наплевав на её чувства, как недалеко от меня с хорошей гитарой, явно не отечественного производства, пристроился старичок лет семидесяти. Слегка напомаженные седые волосы он прилежно зачесал назад. Улыбался. Я же был недоволен: ну что, этот нагловатый дедок, не мог сесть подальше, ведь он будет мне мешать!

От злости я дёрнул струну, и она лопнула, издав на прощание сухой металлический звук. Всё, дальше некуда, ведь запасной, как назло, нет. А сейчас только два часа – домой рано и неохота. К тому же народец щедрый пошёл

– меньше десятки никто не бросает. И всё этот старикашка. Обнаглел, одним словом, неписаных правил не знает, что ли? Ведь на Арбате так не положено: мы же уличные артисты, а не кучка лесных медведей с балалайками.

И тут он, подстроив инструмент, запел:

Love me tender, love me sweet,
Never let me go.
You have made my life complete
And I love you so.

Элвис.

Элвис!

Элвис!!!

Так может петь только он! Немного хриловато, но это ведь от старости, но голос-то его, точно. Да неужели это он, чёрт возьми! Откуда? И по возрасту подходит – именно таким и должен быть Король сейчас, если всё-таки это не его нашли мёртвым в ванной тогда, в августе 77-го. Но почему он... здесь? Это какая-то ошибка. Или я идиот – Индия, духовно-философские поиски, Китай, мудрый Восток, чтоб его! Россия, Москва, Арбат – вот выбор Элвиса Пресли!

Я не знал, что делать, а только дрожал, как во время лихорадки. Я отбросил гитару, словно ненужную и грубую деревяшку, забыв, что она так долго помогала мне собирать средства на поездку. Ведь если бы не она и не Арбат, я не встретил бы Короля!

Я слушал, слушал, слушал. И боялся пошевелиться, не то, что оторваться от стульчика и подойти ближе. Всем своим естеством – душой, мыслями и взглядом я погружался в живого Элвиса, который теперь пел «The next step is love». Я чуть не потерял сознание – точно так же, как недавно в Циндао. У меня не осталось сил удивиться: почему вокруг старого Пресли тотчас не собралась толпа?

Ведь редко кто кидал ему монетку в ящичек из-под апельсинов. Даже меня народ здесь жаловал больше, чем его.

Старика это, впрочем, не беспокоило. Он пел не для денег, а для... не знаю, удовольствия, наверное. Хотя и это не совсем верное слово. Он слегка прикрывал глаза, и морщинки на лице напрягались, становились ещё видней, напоминая нечёткую карту дорог. Казалось, что Элвиса вовсе и нет здесь. Он в воспоминаниях. Боже, что видит арбатский Пресли сейчас, и где он? Вспоминает сцену в конце шестидесятых, микрофон... как он, вытерев пот, бросает толпе поклонниц салфетку, и те в экстазе рвут её, теряют сознание. Должно быть, так. Я был уверен, что чувствую в этот момент то же, что и он, и всё понимаю.

Настоящий Элвис. Отец, если Бог дал бы ему жизнь, с лёгкостью отдал бы её опять, лишь бы оказаться на моём месте. Я пришёл в себя. Оказалось, что пробыл в оцепенении час: именно столько и пел старик. Теперь он бережно убрал гитару в потёртый чехол, выгреб из ящичка мелочь, и ушёл. Я не поднялся ему вслед – застыл, словно статуя, и даже голуби шныряли у самых ног и не боялись меня.

Я опомнился поздно, и когда бежал, натываясь на фонарные столбы, сбивая этюды художников и пугая людей, сердце стучало, в любую минуту готовое вырваться, запрыгать по тротуарной плитке и биться, пока его не затопчут прохожие. К тому же оно ужасно ныло – моя болезнь напомнила о себе. Я теперь понимаю, что тогда всё могло бы закончиться хуже: так, что мне уже никогда не удалось бы показать миру Элвиса. В любую минуту я мог бы упасть, забиться в конвульсиях, а Пресли, которого я, пройдя долгий путь мучений, поисков и лишений, только-только нашёл, медленно ушёл бы в какой-нибудь тихий дворик, где столько лет скрывался от славы.

«Элвис, где ты? Пожалуйста, пожалуйста, нет, нет», – одна и та же мысль, подобно сломанной пластинке, крутилась в голове.

Наконец-то в толпе я сумел различить его. Странно, но со спины Король мне больше напомнил Бориса Ельцина – крупный, плечистый, с серебряными волосами, он шёл походкой самоуверенного, но пьяного человека. И я не знал что, собственно, делать дальше? Остановившись и, переведя дух, крикнул:

– Элвис, постойте!

На меня обернулись все, кроме него. Я сделал неуверенный шаг. Потом ещё и ещё. Вновь побежал и, догнав, обогнул его и встал перед ним:

– Вы – Элвис Пресли?

Да, морщины на его лице были глубокими, и это особенно бросалось в глаза, когда он смеялся. Старик добродушно хохотал, хотя по глазам было видно, что ему вовсе не смешно:

– Парень, ну ты даёшь! Неужели я так хорошо пою эти песни, что ты поверил? Наивный, молодой, – он потечески потрогал мой лоб. – Да ты весь горишь, ничего себе завёлся! А другие говорили, что не похоже. Спасибо, тронут...

И он пошёл от меня, бросив на прощание:

– Вернись, кажется, ты забыл там гитару.

Я не верил, что на этом разговор окончен. Ни о чём не думая, как собачка на поводке, я снова побрёл за ним. Но тут он обернулся, и я попятился, увидев, как исказилось его лицо:

– Да что тебе нужно?! Сказано – не Элвис я. А теперь стой здесь!

Его слова действовали на меня, как гипноз. Он говорил по-русски, но немного с акцентом, а может, мне то-

гда показалось. Я встал, будто солдат, а он пошёл дальше и скоро свернул, окончательно скрывшись с глаз.

Я никогда не забуду ту бессонную ночь после встречи с Королём. В детстве я был ранимым и плаксивым ребенком, никто не мог меня успокоить, если я начинал реветь. Отец повторял: «Серёжа, ну ты что! Мужчины не плачут, они огорчаются». Мне это воспоминание теперь особо не помогало. Но даже если собрать все слёзы, который я выплакал в детстве, то они будут лишь маленькой лужицей по сравнению с тем морем, которое излилось из моих глаз в ту ночь. Стыдно сознаваться в слабости, но что поделать. Отчаяние рвало меня.

К утру немного успокоился, но уснуть так и не смог. Верно говорят: слезами горю не поможешь. Поэтому я умылся и начал думать, как быть дальше. «И всё-таки это был Элвис», – твёрдо решил я. Ночью даже казалось, кто-то нашёптывал мне, что это так. А голос такой, на папин очень похож. Будто его душа в эту минуту была рядом и хотела помочь. Конечно, я не мог ошибиться! Мои руки дрожали, я закурил. Врачи строго-настрого запретили прикасаться к сигаретам, но мне было не до этого. Я погружался в размышления.

Как я сразу не понял очевидное? Раз уж Элвис решил скрыться, сбежать от славы, то он теперь никогда никому не признается, что он и есть Король, который сводил с ума весь мир как певец, как актёр и как личность. Это мог быть только он. Значит, остаётся только один вариант: найти его снова! А что сказать тогда? Неважно, главное встретить.

С утра, естественно, я не пошёл на стройку. Я вообще больше никогда не занимался подобным трудом, и слава богу. Только солнце поднялось, и я после невыносимо долгой и самой тяжёлой ночи побрёл на Арбат. Боялся, что вчера я спугнул удачу и больше никогда не

встречу Элвиса. Что-то мне подсказывало: если это истинный Пресли, то он ни за что не придёт петь, да и вообще вряд ли появится на Арбате. Если он до сих пор ещё в России. Я представил, что сразу же после нашего разговора Элвис покуёт чемоданы, ругая себя, что не вынес соблазна и решил спеть людям. От мысли, что он улетел, выбрав новую случайную точку на карте, у меня всё перевернулось внутри.

Мои опасения оказались справедливыми – в тот день мне не удалось его встретить. Тоже самое повторилось и потом, и на третий день, и спустя неделю... Я сам не свой бродил из стороны в сторону, так что милиция порой останавливала меня, спрашивала паспорт. Так продолжалось бы бесконечно долго, если на девятый день бесплодных поисков я не решил бы от расстройств зайти в закусочную с простым намерением выпить. Один из посетителей, видя, как я машинально заглядываю одну стопку за другой с лицом человека, потерявшего всё на свете, подсел ко мне. Это был весёлый парень с жидкой бородкой, в сером пиджаке и шляпе с узкими и задранными вверх полями:

– Слушай, – обратился он. – Меня Семёном зовут. Можно просто Сёма. Я на трубе играю, тут все про меня знают, можешь доверять. Ты уж прости, что я лезу. Ну, вот взгляну на тебя – и пиво в глотку не лезет, плакать охота. Над тобой как будто облако сизое висит, и на нём написано: «Я повешусь!» Что случилось, может, поделишься? Если нет – так и скажи, отвалю.

Поначалу я так и хотел поступить – послать его и всю ту боль, что накопилась, выплеснуть на него. Но у меня не нашлось сил. Вместо ругани тихо произнёс:

– Я ищу Элвиса. То есть, того старика, который здесь пел в прошлое воскресенье.

– Вот что, только и всего? – Сёма засмеялся и откинулся на спинку. – А я-то думал... оказывается! Тебе повезло, парень. Я Арбат вдоль и поперёк знаю и всё, что тут происходит. Я – настоящий ребёнок Арбата. А уж тех, кто выступает здесь – тем более знаю. Вот ты, – он оценивающе посмотрел на меня, как смотрит учитель в музыкальной школе на подростка, дерзнувшего назвать себя талантливый, – задушевные песенки воешь про матроса и его бабу, правильно говорю? Так, не ахти, банально. Сразу видно, ты не ради искусства и любви это делаешь, а всё во имя пятаков и червонцев в чемодане. Честно сказать, я с такими, как ты, брезгую говорить. Ты случайный на Арбате.

Я кивнул, не желая даже отвечать на вызов, хотя было неприятно выслушивать местного «эстета».

– Ну, пел, – наконец ответил я.

– Эх, певцы, певцы, артисты. Много вас здесь таких. Вот и этот старик. Помню, конечно, но смутно... Он ведь только один раз сюда пришёл. Может, угостишь пивом, говорят, очень хорошо память улучшает. Тогда попробую подсказать, как найти старикашку.

– Старикашку! Это Пресли!

Собеседник хотел закурить, но вынул изо рта сигарету, не в силах сдержать смех:

– Ну, конечно, кто бы усомнился. Парень, ты из какой провинции к нам прибыл? Хувайн-чоу?

– Из Циндао, – ответил я и улыбнулся. И этим победил его колкости: мы смеялись вместе.

– И вот с тех самых пор в ночь с субботы на воскресенье Король рок-н-ролла восстаёт из могилы, садится на метлу, похожую на электрогитару «Гибсон», и при свете полной луны летит в Россию, чтобы спеть на Арбате, – Сёма ржал.

Потом он замолчал, поняв, что над этим я не смеюсь.

– Ну хорошо, хорошо, Элвис – значит Элвис. Вопрос в другом: что, сообразишь кружечку напитка, восстанавливающего память, или я пойду, так ничего не вспомнив?

Я купил ему пиво и пачку сушёных кальмаров, хотя он об этом и не просил. Семён только одобрительно улыбнулся, и, похвалив меня, принялся медленно цедить пиво, жевать белую стружку. Он будто специально тянул время и молчал, издевался, видя моё томление.

Наконец он отстранил пустую кружку, скрестил пальцы, наклонился ко мне, поманив пальцем:

– Так вот, слушай!

В этот момент в закусную вбежали двое. Я сразу понял, что это музыканты, притом один из них точно скрипач: худой, длинный, с маленькой бородкой и похожим на рубильник носом, в очках, в чёрном жилете от костюма-тройки и такой же шляпе, как у Сёмы. Почему я решил, что он скрипач, не знаю. Да и не важно.

– Сёма, мать твою, да где тебя носит! – скрипач запыхался и выражений не выбирал. – Ты хоть за часами-то следи, трубадур, блин. Мы везде ищем, а ты тут прохлаждаешься. Инструмент не пропил?

– Обижаетесь, Марк. Плохие вы ребята, вот что. Вот перестану с вами играть, тогда узнаете. Я про вас хоть кому-нибудь дурное сказал? А вы – «пропил». Это я ведь для творческого вдохновения. Это вы в стельку упиваетесь после каждого выступления. А я – мастер.

– Хватит болтать, мастер! – Марк торопил.

– Ладно, идём.

Он поднялся и пошёл к двери.

– А как же? – крикнул я вдогонку, когда он уже почти вышел из закуской.

– Что? – он обернулся, и на лице его было неподдельное выражение, будто бы он и правда забыл, кто я и о чём спрашивал.

– Элвис.

– Какой Элвис?

– Арбатский Элвис!

– Ах, этот. В общем – иди вон туда, потом на перекрёстке сверни направо, два дома пройдёшь, будет поворот в дворики, там домик в два этажа, дверь без номера, тускло-зеленого цвета. Всё, мне некогда.

Семён обернулся в последний раз:

– Да, забыл. Я не знаю, зачем он тебе нужен, но вот тебе бесплатный совет: купи водки. Иначе разговора не получится. Это я тебе точно говорю.

Я кивком поблагодарил случайного знакомого.

– Ты приходи ещё! – были последние слова Семёны. – Неплохо поёшь на самом деле. Это я пошутил, чтоб тебя позлить. Хотя работать тебе над собой ещё надо и надо.

И он высоким голосом запел строчку из моей песни:

*Она печальна, а пристань, а пристань
Вместе с ней всё грустит и ждёт корабля*

Голос его удалялся, и мне послышалось, что вместо последнего слова он спел «Короля».

И всё, больше с Семёном мы не виделись. Вот бы сейчас хоть разок взглянуть на него. Всё уверяю себя, что, как только закончу дела, то поеду в Москву, пройду по Арбату, встречу его. Может, и гитару с собой возьму, спую. Тогда мы уж точно одной кружкой не ограничимся.

Весь хмель из головы улетучился, как дым в открытую форточку. По совету Семёны я зашел в дорогую винную лавку и на кровные деньги, заработные недельным трудом на стройке, купил бутылку импортной водки. Всё-таки я шёл не к кому-нибудь, а в гости к Элвису Пресли.

Интересно, как это выглядело со стороны? Ведь я забыл купить пакет и шёл по улице вот так, весело размахивая бутылкой, и яркая глянцевая этикетка помигивала мне на солнце.

Не сразу, но всё-таки мне удалось отыскать ту зелёную дверь, о которой рассказал Семён. Я, признаюсь, немного робел, прежде чем нажать на звонок. А вдруг его нет дома, или он, как я опасался, уже давно упаковал вещи и отправился на поиски нового прибежища? А если и до сих пор здесь, то может не открыть или, того хуже, послать и захлопнуть дверь перед носом.

«Может, может, – решил я, стыдясь своей нерешительности, – всякое может, и что? Надо идти до конца. Хотя вот он, конец – за дверью арбатского двора».

Нажал на звонок. И никакого гудка не услышал. Попробовал ещё раз – тот же результат. Стало быть, сломан. Вот те раз, что делать? Представил себе заголовок будущей газеты: «Сенсация! Элвис Пресли жил в России за зелёной дверью с неисправным звонком!»

Я постучал робко указательным пальцем. Никто не ответил. Потом смелее, и ничего. Резко ударил кулаком. Испугался даже, что соседи соберутся на шум. Однако было тихо. Я уже собрался уйти, поняв, что страхи оправдались и теперь мне придётся в одиночку выпить бутылку и выбирать точку на карте, куда ехать на этот раз, чутьём пытаюсь уловить логику Элвиса, как щёлкнул замок и на пороге появился тот самый Король. Он был одет по-домашнему, притом так, как принято в России – в трико и тельняшку. Вот уж великий конспиратор, революционерам далеко до Пресли. Его растрёпанные волосы поблескивали сединой в свете голой лампочки. И лицо было опухшее со сна или перепоя, так что теперь он напоминал Ельцина не только со спины.

Проза

– Что надо? – спросил он довольно грубо, пристально изучая меня голубыми глазами.

– Простите, я по делу. Очень важно, правда.

– Если ты от ментов, можешь идти: тут до тебя один приходил. Это не у меня всё было, а у них, – он кивнул куда-то в сторону. – Так и запиши. Ещё вопросы?

– Да не из милиции я, – сказав это, понял, что Россия действительно великая страна, обладающая такой силой, что способна переломать кого угодно. Раз уж Король так обрусел, то что говорить о других. Но акцент у него был, это точно. Правда, какой-то не англо-американский, а иной.

– По делу пришёл, – повторил я. Тут перед мысленным взором снова появился Семён, говорящий: «Ты водки купи, иначе разговор не получится».

Я достал бутылку, которую, прежде спрятал за пазуху:

– В общем, разговор небольшой есть.

– Раз так, проходи. С этого и начинал бы. Разговоров мне не жалко.

Элвис подносил стакан к губам и, не морщась, тут же выпивал до дна.

– Давно такого поила не пробовал, – произнёс он. Его лицо чуть покраснелось, он стал доброжелательней, хотя когда закусывал, смотрел на меня, щурясь, хитрыми издевающимися глазами. Похоже, что Пресли так и остался большим любителем выпить, ведь это было одно из его «увлечений» наравне со стрельбой из пистолета по баснословно дорогим вещам. Впрочем, судя по его квартире – по серым, отклеивающимся обоям, грязной алюминиевой посуде, неметённому полу и прочему, он давно отказался от второго хобби. Неужели Элвис так сильно обнищал за тридцать лет жизни в тиши от славы...

– Так зачем пришёл?

– Вы – Элвис Пресли?

– Да уж, Пресли. А ты наверно Джон Леннон. Приятно встретиться вновь.

– Я серьёзно.

– И я тоже. С чего ты решил, что я Пресли?

– Но ведь Вы пели на Арбате.

– Там много кто поёт, и что, они все Элвисы?

– Но Вы пели так же, как он, даже более того. И всё сходится.

– Хорошо, я – Элвис Пресли, пусть будет так. Тебе то что нужно?

– В США объявили, что дадут три миллиона долларов тому, кто сумеет отыскать Вас живым. Никто до сих пор не верит, что Вас больше нет.

– Три миллиона, – старик сразу же преобразился. – За меня? Не слышал. И что ты предлагаешь?

– Отправиться со мной в Америку, расходы беру на себя. Я сильно потратился, чтобы отыскать Вас. Я потом расскажу, это долгая история. Я был и в Китае, и в Индии, уже собирался в Латинскую Америку. А теперь, когда нашёл, я не оставлю Вас! Элвис, Вы должны лететь со мной!

Пресли помедлил, он думал о чём-то. Выпив ещё, с удивлением для меня произнес:

– Я согласен лететь в Штаты, хоть сейчас.

– Что? – я не верил.

– Именно так. Во-первых, я не умел правильно тратить, и обеднел. Деньги на счетах давно кончились, я живу в нищете. Я был глупый, толстый и тщеславный мальчишка, когда решил уйти от славы! Я не могу больше так, я хочу встретить смерть дома. Ты, парень, сначала вызвал у меня подозрения, я ведь не знал твоих планов. Но я хочу признаться тебе.

Он налил полные стаканы. Я даже не решался прикоснуться к своему, понимая, с кем я сижу рядом:

– Всё что я сказал, это было во-первых. А вот во-вторых, тогда, в семьдесят седьмом, я дал себе слово, что вновь воскресну для мира, когда появится кто-то, готовый отдать всё на свете, лишь бы отыскать меня. Такой искренний boy, like you. И вот ты пришёл. За тебя, дорогой!

Мы потом ещё долго разговаривали. Элвис пел на гитаре для меня, я заказывал песни и был без ума от счастья. Некоторые песни, правда, он отказывался играть – про одни говорил, что больше не любит их, про другие – что забыл слова и мелодию. Я рассказал про отца, который всем сердцем любил Короля. Пресли сам предложил его помянуть, не чокаясь, потом с неохотой описал мне свои мытарства. С тех пор как скрылся, он жил в Бразилии, потом недолго в Канаде, вернулся в Америку, затем была Румыния, и с девяносто девятого года – Россия. Он говорил о том, как выучил русский язык. Как открывал для себя дивный мир нашей природы и людей. Ведь в Москве он совсем недавно, больше по провинции скитался. Когда ему стало жарко, он снял тельняшку, и на груди среди серебрищихся волосков блестел православный крестик.

– Вы точно никуда не исчезните? – спросил я, прежде чем уйти.

– В смысле?

– Ну, приду я снова, а Вас тут нет. Не обманете? Предупреждаю: у меня больное сердце, я не выдержу! Моя смерть окажется на Вашей совести!

– Успокойся, так не будет.

– Правда?

– Слово Элвиса Пресли.

Да, у него был акцент, теперь я знал это точно после двух часов общения. Не англо-американский, верно, другой какой-то. Но, может, я путаю или ошибаюсь. Вдруг он

в каждой стране, где жил после «смерти», пытался изучить язык, и поэтому так говорит. Хотя тоже глупость.

Сначала я хотел обратиться в российский фан-клуб Элвиса Пресли с сенсационным заявлением о находке, но тут же передумал. Там меня только высмеют: «Ха-ха, Элвис Пресли поёт песни... на Арбате под гитару». Нет уж, спасибо за сообщение про поиски Короля, но я как-нибудь сам отвезу его в Нью-Йорк.

Правда, денег на билеты у меня не было. На помощь опять пришёл брат. Только ему не нравилось, что я уклонялся от вопросов, зачем мне опять понадобились такая сумма. Он сложил руки на груди, что ни копейки не даст, пока я ему всё не объясню. Что ж, пришлось снова врать:

– Дим, это связано с моей болезнью.

– Во-о-от оно что, а почему молчал? Так бы и объяснил сразу. Но ты же говорил, что вылечился.

– Боюсь, это неизлечимо...

Потом я долго стоял у окна, смотрел во двор. Там дети играли с опавшими листьями и веселились. Мне их забавы показались плохими. Что они, не понимают будто, что листья – это мёртвые, опавшие частички чего-то общего, единого, огромного. Они послужили своё, им на смену скоро придут другие. Теперь они нуждаются лишь в покое для того, чтобы сгнить, оставив о себе лишь воспоминания. И не стоит над ними глумиться, опять поднимать в воздух, швырять, пинать ногами. Как можно...

Эх, с детства любил пофилософствовать.

Я зашёл к Пресли. Оказалось, у него был загранпаспорт на имя Ивана Тамма. На фото был он лет шестидесяти – видимо, отличная подделка. Я купил билеты. Перед вылетом Пресли был одет в белый костюм, как в старые добрые времена: без рубашки, видна грудь, только теперь волосы на ней были цвета пиджака. И сам Элвис круто изменился, хотя оделся в своем привычном стиле. Он мне

Проза

почему-то напомнил старого моряка, который на праздник достал форму и теперь не без гордости красуется у зеркала.

– Ну что, в путь, ту boy? – спросил он.

– Да.

– Я наконец-то возвращаюсь домой. К могилам родных, к особняку, меня ждёт Лас-Вегас. А самое первое, что я хочу – это поджаренные бутерброды с арахисовым кремом и бананом.

– У, любимое блюдо Короля! Как же, слышал, знаю.

– Точно. Здесь его совершенно не умеют готовить.

Мы летели через океан. Элвис пил виски и спал. Иногда мы перебрасывались с ним парой-тройкой фраз. Разговор не клеился. Пресли отмалчивался, а мне так хотелось говорить с ним. Я не мог уснуть. Всё время перематывал воспоминания, будто плёнку на магнитофоне, и не верил, что всё скоро кончится.

В самолёте мне стало плохо. Ночью я еле-еле сумел позвать на помощь, точнее, пропищать что-то, и это спасло меня. Сердце будто сжалось до кулачка новорождённого и продолжало еле пульсировать, становясь всё меньше и меньше, а глаза, наоборот, выпячивались, готовые лопнуть или выскочить вон. Я еле дышал, в горле пересохло, а язык словно распух и перестал слушаться. Кто-то из пассажиров услышал стон, и стюардесса позвала врача. Элвис, несмотря на шум, даже не проснулся. Может, он и правда ничего не слышал, потому что был пьян, а скорее всего, только делал вид.

Нью-Йорк встретил нас прохладным дождём. Мы с Элвисом переждали, пока он закончится, в ресторанчике, где Король непременно заказал любимое блюдо, о котором мечтал столько лет, и ещё виски к нему. Я заплатил, понимая, что в кошельке осталось всего ничего. После мы отправились на Манхэттен в верхний Ист-Сайд, где нахо-

дился офис того самого миллионера, обещавшего деньги за Элвиса. Нас принимали в торжественном зале. Собралось немного людей, в основном случайно заглянувших журналистов, фотографов и прочих. Мне почему-то запомнилась одна девушка – такая шустрая, в беретке и клетчатом платье, с сумочкой на плече. Все ждали, когда миллионер Билл Тейлор спустится, чтобы встретить нас.

Наконец он появился – круглолицый, довольный, ну просто Мистер-Твистер, в смокинге и бабочке. Мой Элвис приветливо улыбнулся. Они говорили по-английски:

– Вы – мистер Пресли? – спросил он.

– Да.

– Хорошо.

Потом миллионер обратился ко мне:

– Спасибо. Вам нужно подождать.

Меня поместили в роскошной комнате, где было всё – холодильник, полный еды и алкоголя, огромная кровать, плазменный телевизор, сауна и небольшой бассейн. Я боялся прикоснуться ко всему этому и только ждал. Очевидно, в это время эксперты тестировали моего Пресли. Я волновался, и, несмотря на бесчисленные удобства и тот факт, что измучился и не спал прошлую ночь, я лежал и не мог сомкнуть глаз.

Меня пригласили только следующим утром в кабинет миллионера. Билл Тейлор сидел в кресле с сигарой, любовался видом на Ист-Ривер и пускал колечки. Я неплохо знаю английский, но теперь волновался, что не пойму, о чём меня струшивают.

– Мистер Тейлор?

– Доброе утро, молодой человек. Ну и что же Вы мне теперь скажите? – он улыбался.

– Я не понимаю. Вы отправили меня в комнату, когда я привез Вам Элвиса. Где он?

– Сбежал.

Проза

– То есть?

– Вот так, сбежал. Я же не мог приковать его наручниками.

– Но как же так...

– Не волнуйтесь. Всё равно это был не Элвис Пресли.

– А кто же тогда?

– Не знаю, Вам видней. По-английски говорит, однако он прибалт. Я когда-то имел дело с прибалтами, и он на них похож. Должно быть, аферист, который воспользовался Вашей доверчивостью, чтобы попасть в Америку.

– Но ведь он так похож на Короля.

– То, что это не он, видно невооружённым взглядом. У Элвиса были серые глаза. У Пресли, которого Вы доставили в Америку – голубые. Король мог изменить многое, но уж цвет глаз – вряд ли. Я мог сказать Вам об этом ещё вчера, но Вы специально прилетели из России, а я – гостеприимный человек, и был рад дать Вам возможность отдохнуть. Вас всё устроило?

– Да, спасибо.

– Этому Ивану Тамму как подражателю я бы поставил высший балл. Хороший мог быть актёр... кем бы он ни был, его сгубил алкоголь. Как и многих.

– И что теперь?

– Ничего... Спасибо Вам, молодой человек, – он не хотя поднялся и протянул мне руку. – Я бы с удовольствием побеседовал с Вами ещё, но у меня нет времени. Я рад, что в мире есть такие хорошие парни, которые верят, что Элвис жив. Кто знает, может, повезёт в следующий раз. Приезжайте ещё.

Я покинул небоскрёб и вышел на улицу. Манхэттен – это мечта. Это место, куда хотят попасть многие. Но я знал, что близок мой конец. На любой точке земли я буду лишним. Арбатский Элвис оказался обманщиком, и мои

карманы пусты. Этот некий Иван Тамм понял, что перед ним псих, за счёт которого можно легко попасть в Штаты, ему не стоило труда мне подыграть. А теперь мне некуда идти, негде ночевать. Чужая страна, незнакомые люди. Я сидел на скамейке, смотрел на знаменитый Бруклинский мост и курил. Тогда ко мне и подошла та девушка в беретке, на которую я обратил внимание ещё вчера.

– Курите? – спросила она по-английски.

Я молча кивнул.

– Вам плохо?

– Да.

– Меня зовут Сара. Сара Джонсон. Я корреспондент «Нью-Йорк пост». Вы могли бы рассказать, что привело Вас сюда, как Вы нашли этого «Элвиса»?

И я долго разговаривал с ней, не заметив даже, как она включила диктофон. Я не хотел вызывать жалость, но вывод был таким, каким и должен быть:

– Того, кто я теперь, у нас в России называют – бомж, – последнее слово я произнёс по-русски, и она повторила его, вслушиваясь.

– Да, бомж. И... почти покойник: у меня порок сердца.

Она взяла меня за руку:

– Не переживайте, мистер бомж. Переночуете у меня. А завтра будет самый настоящий «бум», вот увидите.

Мне она сразу понравилась. Бойкая, такая нагловатая, напористая, знающая себе цену девчонка. Настоящий журналист, готовая на всё ради работы. Я понимал, что нужен ей как сенсация для газеты. И на том спасибо. Она постелила мне на кухне, а сама уехала. Ночью вернулась, но не одна – с фотокорреспондентом.

На следующее утро в «Нью-Йорк пост» вышла развёрнутая статья, а в ней – рассказ обо мне. О том, как я поставил крест на будущем, бросил институт, расстался с девушкой, распродал всё, лишь бы отыскать Элвиса.

Проза

О том, как, несмотря на проблемы со здоровьем, работал день и ночь, чтобы заработать денег на поиски Пресли. Жизнь, похожая на ад во имя правды. Или во имя любви к великому человеку. И я доверился проходимцу вовсе не из-за того, что дурак. Просто верил всем сердцем, что Элвис жив.

Об этом я прочитал, сидя на кухне у Сары Джонсон. Она готовила плоховато, и слишком поджаренные гренки с апельсиновым соком я нехотя проглотил, делая вид, что мне нравится.

Сара долго разговаривала по телефону. Потом, наконец, повесила трубку и сказала:

– Сергей, можно ехать.

– Куда?

– Как куда? К Биллу Тейлору. Он хочет видеть Вас.

Я снова оказался в том небоскребе. И меня принимал тот же миллионер. Только на этот раз он был ещё более гостеприимным и улыбчивым, а на столике прямо перед ним лежал чёрный портфель, а рядом – свеженький номер «Нью-Йорк пост».

– Мистер, если бы я знал сразу о Вашей истории, о том, что сегодня написали в газете, – сказал он, откупоривая бутылку шампанского, – такая захватывающая история, трогательная, дорогой мистер Сергей, она достойна постановки на Бродвее! Вы мне очень нравитесь!

Я молчал. В этот момент в зал вбежали фотографы. Тейлор положил мне руку на плечо, широко, постановочно улыбнулся на камеру и продолжил:

– Дело в том, что я не очень верю, что кто-нибудь найдёт Элвиса. Хотя я и был инициатором поиска, но... даже в семьдесят седьмом Король был очень болен. Весь мир хотел бы верить... но Элвис вряд ли жив... Итак, давайте выпьем, Сергей, и я открою Вам главный секрет.

Я принял фужер.

– Так вот, – продолжал Тейлор. – Всё это я придумал лишь для того, чтобы отыскать самого преданного поклонника Короля. Что ж, я очень рад, что им оказались Вы. Я знаю про Вашу беду, у Вас большое сердце... Я помогу Вам с лечением. Ведь необходима операция?

– Должно быть, – ответил я. – Это врачи должны сказать. Я слишком давно проходил обследование, а дела обстоят всё хуже... Спасибо, мистер Тейлор.

– Но это ещё не все, мой мальчик. Подойдите к портфелю. Смелее. А теперь откройте. Да-да, щёлкните вот на эти две кнопки.

Фотографы обступили меня со всех сторон, но я старался не замечать их.

Крышка плавно откинулась, и я отпрянул: там лежали доллары. Много. Зелёные пачки рядами.

– Здесь три миллиона. Вы их достойны.

Я не замечал, как меня фотографируют, сотни вспышек со всех сторон. Не видел протянутых микрофонов. Не чувствовал, как Сара оказалась рядом и погладила моё плечо. Я не понимал, что всё происходящее – какая-то акция, возможно, этот Тейлор отреагировал на шумиху в прессе. Но это не важно... три миллиона были в моих руках, и я держал портфель, крепко сжимал ручку.

Я шёл, как голливудская звезда, и репортёры стояли по обе стороны, словно живая аллея славы. Им я бросал короткие фразы, что счастлив, что в шоке от радости, и потому не в состоянии ответить.

Меня догнала Сара.

– Вот телефон, – сказала она. – Позвони. Это насчет операции. Тебе её сделают в Израиле за счёт Билла Тейлора.

– В Израиле? – прошептал я. – А что, это тоже вариант, тоже. Может, Король решил, что... Слушай, а зачем всё это? – спросил я.

– Что «это»?

– Поиски Элвиса, три миллиона. Я имею в виду, для этого миллионера. Он что, поклонник Пресли?

– Нет. Это акция. Для Билла три миллиона – как три доллара. О нём теперь говорят, как о благодетеле. Ты оказал услугу будущему сенатору.

Я не ответил.

– Постой, – она догнала.

– Что?

– Странный ты какой-то. Ну, может, давай опять пойдём ко мне. Отметим вместе, как ты добился того, чего хотел.

Тут перед глазами предстал тот самый брамин, помните, в Индии на базаре. И его слова: «Это не станет для тебя главным». Так и оказалось: да что мне стоят эти три миллиона, когда я так и не сумел найти Пресли, который жив! Я знаю это точно. Пусть в это даже не верит тот, кто организовал поиски и назначил цену. Мне до этого нет дела.

– Сара, прощай. Спасибо тебе за всё, – я ушёл, не оборачиваясь.

Да, она, должно быть, надеялась, что у нас теперь завяжутся какие-то отношения. Настоящее счастье для такой женщины, как она – Сара своим умом, напором нашла, а вернее – создала мужа-миллионера. Хороший дом, дети, образцовая американская семья – всё это могло бы стать следующей страницей моей жизни.

Что ж, я не совсем подхожу для роли главы семейства. Я пробыл в Нью-Йорке ещё несколько дней, жил в небоскрёбе и давал такие тяжёлые для меня интервью, потом мне сделали операцию в Израиле я, совершив долгое путешествие по Ближнему Востоку, здоровый вернулся в Россию. С одной лишь целью – отблагодарить брата. Теперь я его по правде мог уверить, что со здоровьем ни-

каких проблем не будет. Он уже слышал о моей истории с Элвисом и был восхищён. Я предложил ему денег – он наотрез отказался.

Знаете, с тех пор уже прошло более десяти лет. Три миллиона долларов – это не так уж и много. От них почти ничего не осталось. Я всё это время путешествовал по миру. Был на всех континентах. К сожалению, пока не могу ничем похвастаться: Элвиса я так и не нашёл. Но это вопрос времени...

Впрочем, дорогие друзья, мне пора закругляться. Что-то мой рассказ оказался слишком долгим. Меня ждёт уютная яхта, я назвал её «Little Elvis». Экипаж уже заждался, наверное, своего капитана. Мы отправляемся на один из маленьких островов в Тихом Океане. Это единственное место на земле, где я пока ещё не искал Пресли. Я уверен – он сейчас там. И когда я наконец-то найду его, мы разопьём бутылку чего-нибудь крепкого, поговорим о жизни, и я молча уплыву домой. Пусть Король и дальше живёт в тиши, всё равно мир уже не ждёт его возвращения. Мы весело проведём время, думаю, и он тоже хочет меня видеть, хотя мы никогда не встречались. Душой чувствует меня и ждет. Ему ведь там скучновато среди аборигенов.

Так что, Элвис, я наконец-то отправляюсь к тебе!





Денис ГУДИН

Углич

Если книжка лжет, значит, книжка злая.
Доброму Дон Кихоту худо в ней.

Е. Гуро «Небесные верблюжата»

Она не может уснуть, и я касаюсь ладонью её волос. «Спи, – говорю я, – закрывай глаза и спи, завтра рано вставать и нужно выспаться». Она послушно закрывает глаза, но не проходит и десяти секунд, как начинает подглядывать за мной одним глазом. Я напускаю на себя строгость и спрашиваю, почему она не спит, хотя сам уже предчувствую катастрофу. «Давай сочинять, – весело говорит она, ты же будешь сейчас сочинять, а я хочу с тобой». Я чувствую себя беспомощным, но стараюсь этого не выдать: «Лучше что-нибудь почитаю». Я делаю попытку спастись, но понимаю, что она провальная. Пытаюсь

Денис Гудин родился в г. Котовске в 1996 году. Студент 4 курса Института филологии и журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина. Занимается музыкой, литературой. Публиковался в альманахе Всероссийского молодёжного форума малых литературных форм, в журнале «Подъём» (Воронеж). Участник 16 Форума молодых писателей России и стран зарубежья в Звенигороде.

дотянуться рукой до персидских сказок, но не успеваю. «Давай сочинять», – повторяет дочь. Она улыбается, и я сдаюсь. Я знаю, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

- Хорошо, – говорю я, – что сочинять будем? Сказку?
- Но ты что-то пишешь уже, я видела, давай я помогу.
- Ну уж нет, та история неинтересная.
- А про что она?
- Про Углич.
- Про что?
- Я и говорю – совсем не интересная.
- Что такое Углич?
- Это такой город. Куда все постоянно возвращаются.
- Углич-гулич.
- Что?
- Гулич-Углич. Наверное, там много голубей?
- Не знаю, я не был там.
- И я не была...

Она вздыхает, а потом на несколько секунд становится тихо. Я слушаю, как бьётся её сердце. Своего не слышу. Странно, почему так?

«Давай сочинять», – говорит дочь. «Давай, – соглашаюсь я, – только ты глаза закрой, иначе ничего не получится. Я всегда с закрытыми глазами сочиняю».

...

- Пусть будет зима и много-много снега.
- Хорошо.
- И маленький домик.
- Избушка?
- Нет, домик. А в нём человек.
- Старик?
- Ну, нет. Он не старый. Как ты, пап.
- Ладно, пусть будет как я. А как его зовут?
- Зимний человек.
- Как-как?

- Его так зовут. Зимний человек.
- Странное имя.
- Совсем не странное. Обыкновенное.
- И в паспорте у него так написано?
- У него... у него нет паспорта!
- Документов нету...
- Ну, это не наша история. Мы лучше придумаем.
- Ладно... что мы имеем? Зима. Снега намело – видимо-невидимо, пройти невозможно. Из окна выглянешь – и всё белое-белое. И вот где-то среди этого снега – маленький домик, а в нём живёт зимний человек.
- А мне кажется, что у него ещё есть жена.
- Это неожиданно. Дай угадаю – её так и зовут – жена зимнего человека?
- Может быть. Я ещё не придумала. Но она красивая. У неё длинные волосы и большие глаза болотного цвета.
- Глаза болотного цвета? Ты где такое услышала?
- Не знаю... Придумалось...
- Ладно, у нас уже что-то вырисовывается. Зимний человек сидит у телевизора, а Жена зимнего человека приоткрыла занавески и смотрит в окно. Ей нравится смотреть в окно, всегда нравилось. Снег идёт плотной стеной, и ей кажется, что на километры вокруг – никого. И, возможно, она даже права. Зимний человек сидит у телевизора и щёлкает каналами. Мелькают лица, какие-то люди говорят, но Зимний человек не может понять, что именно. Жена зовёт его подойти к окну, но её слова он тоже слышит как бы издалека. Он вообще воспринимает жизнь издалека – со стороны.
- Как так?
- Будто смотришь фильм. Скучный фильм, который хочется выключить, но лень идти за пультом от телика.
- Но почему ему плохо?

– А ты подумай.

– Он болен?

– Да, думаю, он болен.

– Тогда всё понятно. Они вызвали доктора, и Жена зимнего человека сидит у окна, она ждёт, когда придет скорая помощь.

– Неплохой поворот.

– А Зимнему человеку помогут? Ведь доктор может не увидеть света в окнах из-за метели.

– Зависит от тебя.

– Ох... как же это трудно!

– Сочинять?

– Спасать.

...

Я поправляю одеяло и стараюсь не дышать, чтобы не спугнуть её сны. Ведь только во снах мы бываем понастоящему свободными, это я точно знаю, как, впрочем, знают и то, что сон умеет подавлять волю. Что она видит? Маленький домик, засыпанный снегом в этой холодной январской стране или что-то другое, только её, сокровенное? Смогла ли она спасти Зимнего человека и эту несчастную женщину, его жену? Как можно тише щёлкаю выключателем и выхожу из комнаты.

В голове – её слова о голубях в Угличе. Можно ли постоянно возвращаться туда, где ни разу до этого не был? Об этом нужно подумать. Я делаю запись в блокноте под сегодняшним числом «Углич-гулич» посередине страницы. И чуть ниже – «Жена зимнего человека».

...

Красивая женщина, с уставшими, болотного цвета глазами. Она идёт через зимний сон города вдоль каменной монастырской стены, касаясь кладки правой рукой, чтобы не заблудиться, чтобы не потерять себя в этой метели. Стена бесконечна, как этот снег, как это страдание,

Проза

подчинившее себе всё вокруг. Она идёт, вечная Жена и Мать, и следы её замечает снег. Что ищет она – убиенного сына или его жестокосердных убийц? Она останавливается. В завьюженном воздухе различает она голос – предсмертный вскрик ребёнка, нет – это не её сын, но голосу вторят другие, наполненные страхом. Тогда она идёт на зов, оставляя спасительную монастырскую стену, но впереди не видит ничего кроме белой густой пелены шутовского времени.





Иван АКУЛОВ

Шаганэ

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

С. Есенин

1

Кто бывал в Батуми, помнит море,
Шёпот тишины, базарный торг,
Одоление чайками простора
Неба, солнца и высоких гор.
Из Батуми Персию увидеть
Можно, если из твоей звезды
Дар провидца выведется-снимет
И сведёт в персидские сады.
Счастье же в Батуми под руками:
В каждом парке, роще и пруду,

Иван Иванович Акулов родился в 15 января 1942 года в Рязанской области. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт, трудился на различных должностях в сфере образования, на административной работе в Петровском районе Тамбовской области. Публиковался в региональных изданиях. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей России.

В пляжной гальке, камешке и камне,
В каждом незаслеженном саду.
А когда луна взойдёт над морем
И дельфином заскользит в волне,
Персия сама с тобой заспорит
О глазах любимой в чайхане.
– Слушай, дорогой мой северянин,
У восточных девушек в крови
Ароматы чайных роз, тимьяна
И эпохи тонкостей любви.
Ты пойми: они взрослеют раньше
Девушек из подмосковных чаш,
Пьют напитки посильнее фальши
Из хрустальных – не древяных чаш, –
Говорил, облокотясь на стойку,
Завсегдатай всем известных мест,
Где легко нарваться на попойку
Женихов, забывших про невест.
– Я не спорю, ведь себе дороже
Спорить с тем, что априори – ложь:
Девушки с мороза так пригожи,
Что невольно вызывают дрожь
Чистотою губ, души и взгляда...
Каждая, как росный лепесток.
С ней побыть наедине – награда,
О какой не слыхивал Восток.
– «Северный наш друг» разволновался,
Заскучал по рощам и лугам,
Тишине, привязанной у прясла,
А у нас в Батуми шум и гам,
Женщины крикливы и нескромны,
Любят «камни» и наследный грех,
Пахнет тело наготой укромной,
Спрятанной природою в орех.

– Не скажи, приятель, на Востоке
Можно встретить северный цветок
Стройный, словно лебедь, синеокий,
Льющий освежающий поток.
Шаганэ напомнила мне Аню –
Первую московскую любовь...
Вроде, и неколотая рана,
А как вспомню, – замирает кровь.
Ах, какое это было время:
Ни гроша в кармане – лишь мечта
Греет сердце, держит, как веревка¹,
Чистыми и душу, и счета.
Ты, приятель, извини, но женщин
Чище² Ани не встречал пока:
В ней изъянов было ещё меньше,
Чем в роду степного василька.
Мы учились с ней любить друг друга...
Думалось, до гроба, но, увы,
Налетела с юга девка-вьюга,
Сбила шапку с юной головы.
И пошло-поехало...

Соблазна

На Руси, как и в стране другой,
Столько, что не удержать боязнь
Рысака перед резной дугой.
Ты налей, а то мозги остыли...
Нет... не надо... посмотри: луна
Прячется рябинкою за тыном,
Видимо, впервые влюблена.

¹ Веревка – опора, столб, на который навешиваются полотна ворот.

² «Удивительной чистоты была женщина, удивительной скромности». К.С. Есенин.

Как и я в тринадцатом¹...
Мне было
Восемнадцать...
Ровно через год

Появился сын из звёздной пыли –
Больше чувства, чем рассудка, плод.
– Но она – армянка!
– Да, армянка:
Шаганэ Нересовна Тертерян².
Имя, как рязанская тальянка,
Закатилось в голубую рань
И звенит, как пенязь, от Рязани
До Батуми... Дальше – на Босфор...
Очень жаль: не охватить глазами
Ситцевый сияющий простор.

2

Север пахнул клевером, как хлебом
Пахнет поле в августе.
Рязань
Проводила облачком на небе,
Север встретил яблочком рязань³.
Собирались гуси, словно люди,
В стаи перелётные.
Светло
Становилось в северные будни,

¹ В 1913 году С. Есенин познакомился с Анной Изрядновой (1891-1946).

² Девичья фамилия Шаганэ (1900-1976) – Амбарцумян, по первому мужу – Тертерян, Тальян – фамилия второго мужа, за которого она вышла замуж в 1930 году.

³ Рязань – мелкие яблочки-дички.

Радостно на сердце и тепло.
Будто зори на Оке, в Онежье
Он встречал глазастую зарю,
А ещё слышал Побережья
Ласковое «Баюшки-баю».
Временами думалось: не тут ли
Находился заповедный рай,
Когда утром зазвучали гусли –
Милый голос Зинаиды Райх.
Было что-то в нём от голубицы,
На гнезде воркующей.

Никак
Не хотелось вспоминать столицы
И богемный кавардак – бардак.
Чисто море, чисто небо, души
Северян, как буквицы из строк,
Вызывают трепет, а послушать –
Непередаваемый восторг.
После погружения в «говОрю»¹
Вскрылся Клюев; показал Борей:
Холоднее в человечесьем море,
Чем в широтах северных морей.
Ветер стихнет, а людские тренья
Не стихают: время им судья,
Если нарождается терпенье
Или благоволит к ним судьба.
Коли нет, сшибаются до смерти.
В синих не улыбочивых глазах
Пляшут на костях гнусливо черти
И в подполье загоняют страх.
Север очищает душу.

¹ ПомОрьска говОря – северновеликорусский диалект.

Мысли

И покойны-правильны-верны,
И похожи на полёты мыси
По верхушкам стрижневой сосны.
КОппалой¹ хотелось затеряться
В Соловках и в Мурманских лесах,
Да зовут нешуточные страсти
И внизу, и на самих верхах.
«В Питер, в Питер», – гулкие колёса
Отбивают мерный ритм.

В окне

Вместо красных и кондовых сосен
Ёлочная мелочь.

На стене

Космы облаков.

Ныряет рыбкой

Солнце в тучи.

Зина у окна.

На лице таимная улыбка

Спрятана в прищуре, но видна.

Милая южанка²!

Сколько света

Исходило из неё – не счесть.

Он как раз и нужен для поэта,

Правда, с тем, что можно просто съесть.

«Господа, прошу к столу!

Морошка

Хороша настолько, что во рту

Тает, как печёная картошка,

А её мы чуем за версту», –

Райх сопроводила слово жестом,

¹ КОппала – самка глухаря (помОрьска говОря).

² Мать была южанкой: Т.С. Есенина.

Всем известным на Руси...

«А что?

Было бы полезным и уместным
Выставить к морошке полуштоф».
И Есенин из глубин баула
Лёгким мановением руки
Вытащил чудовище без тула,
Будто рыбку из Оки-реки.
Вчетвером¹ за блюдечком с морошкой,
С полуштофом горькой на столе
Познавалось время.

Свесив ножки,

Улыбался месяц на стволе
Ели необхватной.

Вечерело.

Разгорелся разговор-костёр.
До поры, пока свеча сгорела,
Вырваться успел он на простор.
Ганин был постарше на два года,
Вырастал в эсеровском бреду,
Обещавшем русскому народу
По коню поставить в борозду.
Но найдутся и другие силы,
Даже ближе к мощностной оси,
Отвернут дороженьку России
От пути пречистого Руси.
Горячились оба.

Для поэта

Действо не последнее: в пылу
Споров появляются просветы
Даже в заколоченном углу.

¹ Есенина и Райх в поездке к Белому морю сопровождал поэт А. Ганин. Второй спутник не установлен.

Зина не участвовала в споре:
Замерев от счастья в углу,
Вспоминала Северное море
И себя на Мурманском молу,
Свёрнутую наскоро дертЮжку¹
И венчанье в глубине Руси,
В Кирико-Улитовской церквушке
В Вологодских капельках росы.
До сих пор в ушах горячий шёпот
«Я хочу на Вас жениться» и
Глупое (как весь любовный опыт)
«Дайте мне подумать»...

У любви

Времени подумать не бывает:
Всё нежданно, без стыда, азов –
Видно, пробуждается-взывает
В человеке первородный зов.

Спор затих, когда луна устала
Освещать их лица, за окном
Солнце на ветру затрепетало,
Одаряя молодецким сном.

3

– Девушки, а не хотите с туфель
Пыль смахнуть? – Есенин подозвал
Мальчугана-ваксальщика с пуфом,
Одного на площадь и вокзал².
– Дай свой ящик... Девушка, пожалте...

¹ ДертЮжка – свёрнутый из берёсты черпачок в виде воронки (помОрьска говОря).

² Смотрите воспоминания Л.И. Повицкого.

Ставьте сразу обе... Хорошо...
В привокзальном неуёмном гвалте
Шелестел-горел персидский шёлк.
– Я Есенин...
– Шаганэ, а это
Ашхен-Катя – младшая сестра...
Замелькали щёточки поэта,
Пыль сметая с туфель, как ветра
Выдувают из углов пылинки –
Времени едва заметный сор.
Разговора жаркие искринки
Вышивали чувственный узор.
– Мы Вас знаем, – говорили сёстры, –
И читали, как же хороши
Души человеческие, просто
И в любви живущие, в тиши
Далей, очарованных покоем
Синева и чистых облаков...
– Я впервые услышал такое
Без притворства и обиняков.
Шаганэ, Вы редкостно похожи¹
На жену... на бывшую... на Райх...
Тот же профиль... и глаза...и кожа...
Даже голос образует тот же
Отголосок-отзвук-отгул-рай.
Разве так бывает?
Но, признаться,
Мне дано, наверное, Творцом –
Каждый раз, как в первый раз, влюбляться
В женщину с языческим лицом.
– Но, Серёжа, мы едва знакомы...

¹ Шаганэ Нересовна «страшно» похожа на Зинаиду Николаевну: Т.С. Есенина.

– Я не столь наивен, как кажусь:
Человека без семьи и дома
Охранить была способна Русь,
Но она сама на перепутье...
Что с ней станет?

С нами – что?

Как знать?

Как ей пути в путергу распутать,
Если згинки ночью не видать?
Впрочем, надо, видно, не об этом...
Вы позвольте видеть иногда
Вас у школы?

Было «Да» ответом.

Подхватило море: «Да-да-да...».

4

Он женат и счастлив: Айседора,
Обжигаясь пламенем огней
Танца, избегает разговора
О перипетиях будних дней.
Да и сам, не очень беспокоясь
Об онтологическом, в кругу
Слова-рифмы думает про совесть
Больше, чем про Вольтову дугу.
Совесть – это то, что человека
Держит на Земле, она – как кровь:
Кровь больна и ... человек – калека,
Хоть в обилье Дара и даров.
Знаемо: за время нашей жизни
Не сберечь в борьбе идей и дум
Совести библейской – свары брызги
Долетят и вымочат костюм.
Это укорачивает жизни

До предела, за которым тьма –
И помочь не в силах ни Отчизна,
Ни избыток права и ума.
Не бороться с пряничным соблазном –
Означает смерть живых желез:
Думать не приходится о разном,
Если точит изнутри болезнь.
В глубине сознания Есенин
Понимал, что радостный бедлам
С Айседорой не убавит теней,
А с годами превратится в шлам,
Если только рядышком не сядут,
Похваляясь опытом любви,
В закоулках памяти и сада
В простоте пресветлой соловьи.
Но они боятся показаться
В пении счастливыми.

Страна

Погналась за неимущим зайцем
И споткнулась в поле об рожна.
Ах, какая разгорелась битва:
Брат на брата с шашкой наголо...
Начиналась засветло молитва
И кончалась тоже засветло.
А сегодня он – Дункан-Есенин¹,
Как она – Есенина-Дункан:
Им хватает нескольких мгновений,
Чтоб окутал чувственный туман.
А когда царица жеста вместо
Слов входила в сложный пируэт,
Набегали жёны и невесты

¹ Когда их спросили, какую фамилию они выбирают, оба пожела-
ли носить двойную фамилию – Дункан-Есенин: Илья Шнейдер.

Посмотреть классический балет
Под «Славянский марш» и «Варшавянку»,
Под могучий «Интернационал».
Отставала в пафосе тальянка,
Не на тот настроилась канал.
Он искал среди женщин голубицу,
Горлицу, умеющую ждать,
А не ослеплять собой столицы
Мира и ослепших покорять.
Иногда она казалась Аней,
Зиной – в полусне-в полубреду.
И тогда сжигал огонь желаний
Вспыхнувших сомнений ерунду.
Но закон любви суров – и сердцу
Не прикажешь: пустится вразнос...
Не догонишь, не желая, серну –
Разобьёшь в паденье скором нос.
И Есенин мучился: ошибся...
Не ошибся... сразу не поймёшь...
Слава Богу, кажется, ушибся...
А от этой боли не умрёшь...
Но она отмоет от наветов
Душу, снимет тяжести с пера:
Слово ёмче с человечесьей метой
И звучит светлее, чем вчера.

5

– Это Вам! – Есенин улыбнулся,
Покраснев, как робкий кавалер,
На запястье увидавший пульса
Сильный ток...

– Откуда в феврале

Розы Аква? – Шаганэ¹ смутилась...
Было видно: рада и ждала,
Чтоб надежда явью обратилась
И земное счастье обрела.
– Здравствуйте, Серёжа! В эту пору
Не бывает роз в Батуми, их
Редко кто находит на Босфоре
Для особо близких и родных...
– И любимых... Шаганэ, а можно
Проводить Вас?

– Да, конечно... дом

Близко от гимназии, несложно
Будет находить его потом.
Разговор продолжить было делом
Лёгким и приятным: Шаганэ
Не пугала словом леденелым
И не поощряла в глубине
Тайника души своей.

Есенин

Был счастливо удивлён: пока
Не мешали никакие тени
Слышать строфы Шаганэ-венка².
А когда сложились строфы полно,
Поспешил, волнуясь, к Шаганэ –
И бежали от Батуми волны,
Хвастаясь и солнцу, и луне.

¹ Полное имя Шаганэ – Шагандухт, коллеги-учителя звали её Шаганэ, Шага.

² Шаганэ – единственный веночек строф у Есенина и едва ли не единственный такой в русской поэзии: В.Е. Холшевников.

Залютел декабрь в Москве не в шутку:
С лёту бьёт наотмашь, наугад...
Ничего: мы спрячем ручки в шубку,
Чтобы мимо пролетел заряд.
Кладбище в Ваганьково. Как пусто!
Вот могилка... здравствуй, дорогой...
Никуда не деться мне от чувства,
Что ошибся ты, уйдя к другой.
Я тебя любила больше жизни.
Без тебя она мне не нужна...
Господи! Не шли мне укоризны,
Если раньше посылал рожна.
Я решила и решилась...

Боже,

Не мешай, не испытуй, не пни.
Если бы ты ведал, как похожи
Беспросветной изморосью дни.
Милый, мой единственный навеки,
Открывай воротца-ворота:
Брошенные тоже человеки
Из людского тканого холста.
Чем сгорать нетронутую свечкой,
Лучше пулю отослать в полёт...
Господи!

Зачем же ты?..

Осечка...

От всевышних, видимо, щедрот.
Что ж, и это я принять готова:
Мужеству не стыдно отродясь...
Я такое услышала Слово,
Что впадаю в ересь, не боясь.
Пел во сне мне соловей над речкой,

Оживляя музыкою плоть...

Господи!

Ты что творишь?..

Осечка...

Не играй жестоко так, Господь.

Знаю: Бениславская¹... Галина...

Он – Есенин... вечности родня...

Испытала... вкус степной полыни

Жарче полудневного огня.

Мне и так досталось столько боли,

Чтоб терпеть её же и в конце!

Отпусти, пожалуйста, на волю

С думою терновой о венце.

Наши души, наконец, сольются

В любящую нежную одну,

На просторах вечного приюта

Познавая счастья глубину.

Почему-то вдруг запахло мятой,

Васильком, ромашкою простой...

Господи!

Не помешай мне с пятой...

Что ж... придётся, видимо, с шестой...

Вскинулись надменные вороны

В полутьме вечерней.

По Москве

Выстрела измученного волны

Побежали ветром по листве

И укрылись в необъятной дали

Восточкой не мировой – мирской

О ещё одной большой печали,

Осветлённой жертвенной тоской.

¹ Бениславская Галина (1897-1926) – «редчайший друг» Есенина, в 1919-1923 гг. работала в ЧК, потом в редакции газеты «Беднота».

Снег в Батуми – редкое явление,
Но он выпал, бел и первоздан,
И лежит горам на удивленье
Непорочен, невесом, неждан,
Чистым даром неба в Ахалшени,
На Зелёном мысе, тут и там,
Принимай подарочек, Есенин,
И смиренно радуйся гостям.
А гостей-друзей сегодня столько,
Сколько снега у него в горсти,
Самого спасительного толка:
Отыскать, сработать, принести.
– Эх, сейчас бы сани...
– Будут сани...
– Шаганэ бы...
– Будет Шаганэ...
И извозчик с длинными усами
Полетел немедленно за ней.
Отыскались сани без дужнины¹,
Шаганэ приехала – и вот
Тройка с коренным и пристяжными
Скрала у пространства поворот.
– Шаганэ, в России столько снега!..
Он – живой и говорит с людьми,
Ошалевших от степного бега
И сошедшей к ним с небес любви.
Вот и я, родившийся в Рязани,
Пропитавшись снежностью Руси,
В каждом слове вижу след от скани,
Капельку невысохшей росы.

¹ Дужнина – деньги за подряд саней.

– Подожди, Серёжа, о заветном,
Посмотри на снежную игру...
– Я родился, Шаганэ, поэтом
И поэтом, видимо, умру.
Мне всегда казалось – жизнь поэта
Жизни снега русского равна:
Он и тайну сохранит обета,
И согреет светом у окна.
Русскому сугробы и метели
Всё равно, что голавлю купель...
Эй, извозчик, что лошадки – в теле?
Освежи-ка ремешком купер¹.
Ветер с моря слизывает слёзы,
Словно провинившийся жених.
С виду прост, извозчик стал серьёзен
И щекочет плетью пристяжных.
– Шаганэ! Мне хочется такое
Написать о матушке-зиме,
Чтоб лишился враг Руси покоя,
Если он ещё в своём уме.
Если выжил из ума, пусть снова
Оживеет, чтоб навек понять:
Снег Руси – её же и основа,
Сила и святая благодать.

Тройка развернулась на Батуми,
Только полоз скрипнул в тишине.
Господи!

Зачем же ещё думать,
Чем ему ответит Шаганэ.
Впрочем, это и не так уж важно:
Главное случается само.

¹ Купер – оконечность крестцовой кости.

Снег в Батуми...
 Воздух моря бражный...
Чистоте ненадобно крамол...

Не сказав ни слова, он уехал.
Над Батуми рыжая луна
Покатилась за море от смеха,
Происшедшим удовлетворена.
Впрочем, Шаганэ не ожидала
Ничего: что было?.. пара встреч...
Сколько бы гадалка ни гадала,
Сколько бы ни растопила свеч,
Не вернётся: лодку от причала
Сорвало и отнесло, увы...
Только чайка горько закричала
О несостоявшейся любви.
А могло бы разгореться чувство –
И взошла б восточная заря
На рязанском небе безыскусном,
Расширяя гнёзда словаря.
Не случилось.

 И ответ не сложен
На вопрос известный «почему?»:
Двух любовей и Поэт не сможет
Пережить: в стихах и наяву.
Он вложил в персидский образ столько
Сердца обожжённого, души –
Впору в стоге собирать осколки
И сдавать, как строчки, за гроши.

И увял роман в семейном быте,
Стиснутый толстовской бородой,
Словно внешним ободом событий,
Вставших за порогом чередой.
Что нашёл Есенин в Софье¹?

Кто же

Вам ответит...

Видимо, была
Нелукавость в ней и непохожесть
На других московского крыла.
Видимо, напомнила кого-то
И улыбкой, и овалом рта,
Окружила мелочной заботой
Через обечайку решета.
И поэт, исхлётанный судьбою,
Вымученный частотой потерь,
Не услышал вовремя отбоя,
Не ушёл в незапертую дверь.
Он искал покоя, а увидел
В чётком распорядке будних дней
Ту же, может, большую обиду
На отрыв от родовых корней.
Взгляд с портрета деда с бороною
Разрушал сознание, унижал
Даже больше, чем вино с водою
И её заученная жаль.
Он боялся рассказать собратьям

¹ К Софье Андреевне Толстой (1900-1957), внучке Л.Н. Толстого, Есенин переехал в июне 1925 г., 18 сентября этого же года был зарегистрирован брак, а 23 декабря Есенин уже говорил: «Я развёлся с Соней».

По перу, что дед в письме к родным
Стихотворство называл занятъем¹
Глупым, бесполезным и смешным.
Борозды не станет портить пахарь
Танцевальным па, так и поэт,
Если он не ухарь и не бахарь,
Простоты проникновенной свет
Не захочет растерять на рифах:
Слово – дело важное, и им
Не резон в угоду даже рифмы
Жертвовать особо дорогим.
Правда, ради истины, отметим:
Пушкин, Тютчев, Лермонтов и Фет
Были у него в авторитете,
Потому что каждый был – Поэт!
Каково же ставившему «измы»
Выше смысла было наблюдать
Старческие взгляды, укоризны,
Будто он не человек, а тать.
Противостояние с портретом
Равносильно бою с тенью, в нём
Нет защиты, как в сраженьи с ветром
Или, что ещё страшней, с огнём.
Соня понимала, что тревожит
Её мужа, но толстовский быт
Был привит ей с детства даже к коже,
Ко всему вблизи её орбит.
Неприятъе быта стало первым
Предостережением беды.
Шли недели.
Накалялись нервы
От любой семейной ерунды.

¹ Толстой Лев Николаевич: из письма от 13.01. 1908 г.

А потом открылось осознание:
Счастье с Соней невозможно – и...
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»
В жизни нет покоя и любви.

9

Или есть, да скаредом сокрыты
Так, что трудно отыскать с огнём
Ламп горизонтального софита,
Включенных для усиления днём.
Но когда находишь, понимаешь,
От жары чем отличают зной:
Жар – терпим, а в зной себя теряешь
И находишь в плоскости иной.
Там поют небесные свирели
О другой неведомой стране
Песни-вздохи, нежные газели
С дивной героиней Шаганэ.
Не попасть под чары, не влюбиться
Невозможно, как не захотеть
До пера дотронуться жар-птицы,
А потом, счастливым, умереть.
Если не случится встретить Шаги,
Мы её придумаем – и пусть
Счастье расцветает на бумаге,
Как на сердце остывает грусть.





Маргарита АЛЕКСЕНКО

Ноктюрн разлуки

Синевою дыша за шторами, вечер тихо накроет плечи мне.
Я учусь измерять просторами расстояния между встречами.
Измеряю я их бессонницей, и стихами, и сигаретами, –
на часах даже стрелки ссорятся, перепутываясь от этого.
Календарь от листков избавится, – ничего не бывает вечного.
И хоть нравится, хоть не нравится – не идёт жизнь
навстречу нам;
всё меняется, но, представь себе, для тебя остаюсь
всё такой же я,
и храню свою душу – в стазисе*, – под предательски
тонкой кожейю.

Алексенко Маргарита Александровна родилась в г. Волгограде, закончила Волгоградский инженерно-строительный институт по специальности «архитектор». Член Союза архитекторов России. Участвует в работе творческого объединения «Радуга», публиковалась в газете «Тамбовская жизнь»; в коллективных сборниках, вышедших в Москве и Ростове-на-Дону, одно из стихотворений опубликовано в журнале русскоязычной поэзии «Окна», издающемся в Ганновере (Германия). С 1985 г. живёт и работает в Тамбове.

* Стазис – неизменное состояние.

Люблю

Когда-нибудь, когда пройдут века,
дожди и кучевые облака,
листая пожелтевшие страницы
альбомов и чудес, ты скажешь: да...
Вращаются с планетой города.
Весна переместилась за границу.

Ну что же, даль банально далека.
Нам многого не знать наверняка.
Возможно, мой июль мне будет сниться,
когда пройдут века. Ну, а пока...
В руке твоей – лежит моя рука.
И летний полдень
длится, длится, длится.

Time river

А ничего не меняется. Снова весна.
Снова звонишь. Мы смеёмся. Я снова не еду.
Можно доверить ключи от квартиры соседу,
но от души – никому. И она остаётся одна.

Можно по лету купаться в прозрачной реке
и фотографии слать – тем, кто это не видел.
Можно забыть о наивной и детской обиде
под звезданутым шатром, нарисованным на потолке

нашей вселенной... Земля в самом деле мала.
Ты меня жди, если хочешь, но лучше не надо.
Лучше случайно будь дома к поре звездопада.
Мне до тебя – только несколько взмахов весла.

Комната

Вот комната, в которой не живут.
Не пьют, не спят, не плачут, не зовут.
Там не было тебя, а где ты был,
Никто мне никогда не говорил.

Вот комната, где луны вместо звёзд.
Там яблоки неспелы,
и мороз.
В ней первые страницы дневника
Исписаны при свете ночника.

Вот комната, где крошится металл,
И нет врагов нещаднее зеркал,
Но сквозь непостоянную луну
О чём сыр-бор, никак я не пойму...

А в следующей комнате – вокзал.
И слышен поезд, он не опоздал.
Там встречи полновесны и сильны.
А важно ли, с луной, иль без луны.

Луна сердито смотрит на балкон,
На травы, из которых шит газон,
На бледную меня и тень мою,
И дом наш у вселенной на краю.

Как странно думать, что одно и то же время...

Как странно думать, что одно и то же время
у нас с тобой, на счётах лет и зим.
Оставив дни, где были мы не с теми –
другим,

Туч тучные стада смотрелись в воду,
и реки шли, питая корни трав.
И медленно катилось время года,
и длилось, скорость света обогнав.

А не хотелось ли тебе?

А не хотелось ли тебе
Наперекор, назло судьбе
Покинуть дом, забыть ключи,
На стен привычных кирпичи
Взглянуть с досадой и уйти,
Чтоб и не вспомнить их в пути?

А не случилось ли тебе
Найти подмогу во вражде?
А в дружбе – только груз и стыд,
Не раз горевшие мосты,
Глаза, которые пусты,
Слова – надгробные кресты?

А не хотелось ли тебе
Полегче выбрать жизнь себе?
Ведь столько раз... и столько сил...
И мир тебе уже не мил...–
Не проще ль стать тебе, как все? –
И – вдоль по белой полосе?

Но кто ж тогда найдёт ключи,
Пересчитает кирпичи,
И, встретив лунный свет в ночи,
Зажжёт на кухне две свечи,
Пирог достанет из печи...
Не знаешь?
Вот и помолчи!

Что-нибудь светлое

Что-нибудь светлое... – ты говоришь мне.
Что-нибудь светлое.
Здесь голубая весна над Парижами
всё незаметнее.
Станет озябший троллейбус неслышимым
в гомоне утреннем.
Кто-то там едет в троллейбусе с лыжами,
втиснувшись внутрь его.

Видишь, в обёртке из белого фантика,
в снег упакованный,
мир, как античная гордая Аттика, –
гнутый подковою,
но не объезженный, но не стреноженный,
вечностью венчанный.
Низкое небо спадает пригоршнями
снега со Млечного.

Что-нибудь светлое... – ты говоришь мне.
Что-нибудь светлое.
Ждёт терпеливо за дальними крышами
лето.



Александр ЖУРАВЛЁВ

Я в минусе, ты – в плюсе.
Естественный баланс.
Оспаривают гуси
Возникший мезальянс.

Я мру в своей деревне,
Ты в городе живёшь.
Мои дела плачевны,
А твой расклад хорош.

Я – сморщенный огрызок,
Ты – ароматный фрукт.

Журавлёв Александр – поэт. Родился в 1984 году в селе Вишневом Староюрьевского района Тамбовской области. Закончил с отличием филфак ТГУ им Г.Р. Державина, учился в аспирантуре. Работает редактором-корректором сайтов в рекламном агентстве «Демис Групп», свободное время отдаёт игре в группах «ЯТЬЪ», «Джа сдует», «Клинопись». Стихи пишет с 2001 года, публиковался в региональной прессе, в коллективных сборниках. Считает, что большинство людей находятся не на своих местах, выживают, как могут. Любит слушать стариков.

Тобой украсят жизнь,
А мной пренебрегут.

.

Дано: необходимый,
Достаточный контраст.
Найти: насколько мнимо
Сложилось всё для нас:

Решенья: бесконечны.
Блюдём мы их число,
Пока в ноль мёртвый – Вечность –
Всех нас не унесло.

Приснилось, что я совершаю путь:
В автобусе / троллейбусе (неважно)
Работать еду. Звон. Будильник. Будь
Всё проклято! Опаздываю страшно.

Насколько вовремя я двигался во сне,
На столько же я отстаю в реале.
Стою, стараясь высмотреть в окне
Хоть что-то от тревоги и печали.

Вдруг вспомнилось, как было хорошо
Во сне: я там сидел, читал там книгу,
А транспорт быстро, но спокойно шёл
К очередному временно'му сдвигу.

Мой стыд угас. Присел я у окна,
Достал неспешно из пакета книгу.
Под шум мотора привела она
К очередному временному сдвигу...

Чуть постояв у входа в кабинет –
Протестовали взвинченные нервы, –
Зашёл... О боже! Никого в нём нет.
Сегодня я приехал самым первым.

Котёнок на улице спит,
Строго, сосредоточенно.
Усталость его сравнить
Можно с полярной ночью лишь.

Тельце свернулось на
Хрупкой одной картонке.
Всё, что не тишина,
Сгонит сон его тонкий.

Рядом проходят лица,
Прячут нос и корма
Несут по морозу любимцам,
Живущим в светлых домах.

Не напасёшься сердца,
Чтоб на таких смотреть.
Дай тебе Бог согреться.
Выжить. Заматереть.

А если дошёл до края –
Видеть последний сон:
Тёплое солнце рая
Тропиков, пальмы, чаек,
Рыбок и пляж с песком.

Дом-новостройка. Ипотека.
Бесмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Уюта нет. Квартиры нет.

Умрёшь – всё отберут в итоге.
Другие повторят финал:
Банк, ледяная рябь дороги,
Расчёты, улица, подвал.

Прислали за мной ракету.
Нельзя подводить страну,
И я на ракете этой
Взял и улетел на Луну.

Работаю там дипломатом,
Мне очень там хорошо:
Мне пылью платят зарплату,
Хотят прибавить ещё.

Буквально в пыли купаюсь,
На днях написал контрданс.
Сказали, что увлекаюсь,
Грозят отправить на Марс.

Потом появилась пьеса.
Ракету подали вновь.
Поэта, посла, повесу
Встречает планета-кровь.

Работа моя всё та же,
Но странные существа
На связь не идут, миражем
Мелькают вдали, в песках...

Взлетела третья ракета,
Упало тело, дымясь...
Земля с неземным поэтом
По-прежнему ищет связь.

Под мавзолеем тополей
Легко лежать.
Гостям ты на руки полей,
Родная мать!

Пусть от меня не ждут ответ –
Ответов нет.
Пускай приедут посмотреть
На белый свет.

Синица долбит по стеклу.
Откройте ей.
Пусть убедится – смерти нет,
Есть ширь полей.

Пусть мягкий поклоёт кулич –
Дар от земли –
И полетит к почти космич-
еской дали.

А вы, друзья, берите блин,
Макайте в мёд.
И тот, кто дал, что мы едим,
Без слов поймёт.

Ждёт приближения весны
Всё в ослепившей сини.
Дорожки менее чисты,
Чем травка рядом с ними.

Проснулась рыба под водой
И разминает голос,
Чтоб самка, полная икрой,
За жизнь её боролась.

Блестит земля, блестят на ней
Бензиновые пятна.
Дыханье воздуха свежей,
И даже мне приятно,

Что где-то в вечной синеве
О нас берут заботу –
Вновь заводит движенье дней
И птиц готовить к лёту.

Чайка, чайка,
Чай качай-ка
На Цейлоне,
В наций лоне,
Чтобы стебли
Вверх-вниз к небу
Поднимались,
Опускались,
Твоего крыла
Касались
Ароматом
Непонятым
И парили
С тобой вместе,
Как чаинки
В чайной взвеси;
Чтобы каждый,
Мучим жаждой,
Мог напиться;
Видя птицу,
Станом виться,
Становиться
Постепенно,
Несомненно
Мягким, мохом,
Чтобы мог он
Стать при этом
Счастьем, летом,
Бескорыстен,
Без коры стен.

Тихо растение
Спит под луной;
Стихотворение –
Над головой,

Нимбом над листьями,
Лунным гало...
Кажется – истина
Там, где светло.

В воздухе – запахи
И голоса.
Смолкли с собаками.
Пала роса.

Струйкой прохладною
Вечного дня
Всё меня радует,
Всё – для меня.

Люди! Смотрите!
Растение спит...
Листья – хранители
Истин простых –

Вас не тревожат,
Еле шуршат,
Чтобы в вас тоже
Проснулась душа...

Горная Индия
Не пала духом,
Пропитана утренним солнцем.
Цветные циновки
Висят на заборе.
Горную Индию
Вижу во сне,
А также
Какое-то море.
Трудно проснуться!
Тянет обратно.
Что делать?
Как жить?
Стряхнуть с головы
Эти яркие пятна,
Помыться,
Съездить на озеро Рица
И, так уж и быть,
На работу сходить.





Елена ЗАЙЦЕВА

Оставь меня себе на память

Я навсегда останусь в Петербурге –
Неясной тенью, памятью души,
Печальной птицей в парковой тиши –
Я навсегда останусь в Петербурге.

В тебе одном – и беды, и подарки.
Мой город, ты не стал моей судьбой.
Отрезок жизни, прожитый с тобой,
И самый трудный мой, и самый яркий.

Прощай! Так хочется поверить чуду...
Я уезжаю. Мой дождливый рай,

Елена Михайловна Зайцева родилась в городе Омске. Закончила художественное училище в Бишкеке и Омский технологический институт. По профессии – модельер. Много лет жила и работала в Санкт-Петербурге. Автор трёх сборников стихотворений. Публиковалась в коллективных сборниках Санкт-Петербургского отделения Союза Писателей России, в журналах «Сфинкс» и «Литературный Тамбов». В 2016 году стала финалисткой VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты без границ».

Не забывай меня, не забывай.
А я тебя – уж точно – не забуду.

Мне не забыть колонн ростральных пламя,
Шёлк белой ночи – твой имперский шик...
Печальной птицей в парковой тиши
Оставь меня, оставь себе на память.

Старая фотография

Как далеко я от тебя ушла –
От девочки наивной и горячей,
Которая ещё в ладу с удачей,
Так искренне смеётся, горько плачет,
Талантлива, упряма и смела...
Как далеко я от тебя ушла.

Боюсь альбомы старые листать.
Из тех – твоих – далеких дней крылатых
Росли мои ошибки и утраты,
Всё то, чем быть могла и не могла ты,
Всё то, чем всё же не сумела стать...
Зачем альбомы старые листать?

Я так спешила от тебя уйти –
От заговора лягушачьей кожи,
От власти красок и холстов, но всё же
Мне показалось вдруг: мы так с тобой похожи
Вдали, на разных выражах пути...
Я не сумела от себя уйти.

* * *

Меня спросил ты: чем помочь?
А надо мной колдует ночь,
Она надежду гонит прочь
И сердце жмёт холодной лапой.
А я в душе лелею лето
И жду спасенья, жду рассвета.
На кружева цветочных веток
Мне вместо солнца светит лампа.

Играет ветер шёлком лужи,
И непогодой кров остужен...
Ты мне до слёз сегодня нужен!
А ты такого ждал ответа?
До крика мне сегодня надо
И тёплого дыханья рядом,
И тихих слов, и просто – взгляда,
Но лучше промолчать об этом.

Хоть я зарок себе давала,
Так хочется начать с начала,
Вот только сил осталось мало,
И времени совсем немного.
Но больше боли жжёт неверье,
И хочется захлопнуть двери.
А страхи все – ночные звери –
Добычи жаждут за порогом.

Меня спросил ты: чем помочь?
А надо мной колдует ночь.
Она надежду гонит прочь
И все мои опоры режет.
Вдруг верю я тебе не зря?

И – сколь ни хрупки якоря –
В моих бушующих морях
Они от бед меня удержат...

Слово

Слова, слова: всё суть – слова.
Как знать: цена вам какова?
Над судьбами царит молва,
Права она иль не права.

Слова, слова – сплетенье смыслов.
Как верных слуг, вперёд вас выслав,
Вдруг в чью-то грудь смертельный выстрел
Направим, не подняв руки.

Вы то бессильные калеки,
То в память врезаны навеки,
Ведомы вами человеки,
Как светом лампы – мотыльки.

Слова, слова – изгибы формы.
Кругом каноны, схемы, нормы –
О них ведём жестокий спор мы,
Ломая судьбы и клинки.

Красивых слов хитросплетенье
Дарует ложным изречениям,
Где истин не найти и тени,
Венец правителей людских.

Мы жадно вопрошаем снова:
Не слово ли – всему основа?
Увы, признание не ново:
Над нами всеми властно Слово.

Вальс на траве

Листья кружат,
Словно птицы в пустом саду,
Листья кружат –
Перелетные птицы.
Может быть, я
Потихоньку сюда приду,
Чтобы с мечтой,
Не печалюсь, проститься.

Тихо спрошу
И ответа не стану ждать,
Тихо спрошу
И уйду без ответа...
Что же не так,
Где же я не попала в такт
Давней весны
И ушедшего лета?

Слёзы дождя –
Искупленье минувших дней,
Слёзы дождя –
Утешенье забытых,
Капельки нот
На линейках пустых ветвей
Брошены вниз
И на такты разбиты.

Ветер смахнёт
Голубых паутин вуаль,
Ветер споёт
Грустный вальс а саррелла¹.
Может быть, я
Разучу этот странный вальс
И допою
То, что раньше не спела?

Вальс на траве,
В серебре запоздалых рос,
Вальс на траве,
Как на светлом паркете.
Вместе со мной
Он о чём-то грустит всерьёз,
Вальс о любви
И утраченном лете.

Может, ему,
Как и мне, отчего-то жаль
Жизни моей,
Этой песни неспетой;
Трёх четвертей,
Без возврата умчавших вдаль,
Словно листва,
Унесённая ветром?

¹ А саррелла (ит.) – муз. термин, пение без музыкального сопровождения.

Жизнь человека – ожерелье дней,
Нанизанных на ожиданье счастья,
Вселенная, распахнутая настежь,
Великая в безмерности своей.

Жизнь человека – сон или полёт,
Иль песня – неизбежно быстротечна.
И миг один, тяжёлый, словно вечность,
Небрежно нить тугую оборвёт.





Мария ЗНОБИЩЕВА

В краю самоварном и маковом...

В краю самоварном и маковом,
Средь плотно закрытых дверей,
Попробуй любить одинаково
Свет неба и бред пустырей.

Душа этих дебрей – медведица,
И ей ты не крикнешь: «Алле!»
Сквозь сон с боку на бок повертится
В берложном зверином тепле,

Мария Игоревна Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Институт филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатику», в «Литературной газете» и других изданиях.

Участник и стипендиат Форума молодых писателей России в Липках и Звенигороде (2005, 2008, 2012 и 2015 гг.). Лауреат Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Кандидат филологических наук. Автор нескольких поэтических сборников, вышедших в Тамбове.

Но глаз не откроет, ей жалобы –
Что вешнему полю – вода.
И, кажется, после Державина
Никто не совался сюда.

Но – нет, пока сны прикарманены
И чай горячее речей,
Рождается новый Рахманинов
Под куполом здешних ночей.

Над празднеством взвинченной зависти
О, дерзость какая! – полёт!
И тонкие пальцы вонзаются
В белеющий клавишный лёд.

Пусть он обожжётся, но выживет,
Пока, продолжая порыв,
Дома рукоплещут бесстыжему
Бесхитростно ставни раскрыв.

Спят

Искушителю нет нужды искушать,
Отрицателю добычи не осталось.
Наше время словно шум стоит в ушах.
Наша вера именуется – усталость.

Спят «гражданские свободы» мирным сном,
«Совесьть нации» спокойно задремала.
Будто палец уколов веретеном,
Спит Россия от велика и до мала.

Возвращаясь поздно вечером с работ,
Спят в машинах независимые мамы,

Мирно, сладко засыпают каждый год
Дети в школах, убаюканы программой.

Спит в палате медицинская сестра,
Спят врачи, не зная славы и почёта,
За компьютерами спят профессора,
Набирая текст научного отчёта.

В дыме фабрик, за станками, на станках
Спят рабочие, уставшие от рабства.
Спят пилоты на высоких облаках –
Так быстрее до Царства Божьего добраться.

Дремлют скульпторы, а рядом слепки спят,
Спят художники среди своих набросков,
Композиторы мелодии сопят,
Спят поэты – им, наверно, снится Бродский.

На футбольном поле дремлют вратари,
И бродяги спят, и псы под небом вольным,
И царицы, о Марина, и цари,
Убаюканные звоном колокольным.

Фет

Я знаю, так теперь не говорят,
Не чувствуют... И в жизни не звучали
Ни трели птиц, ни отзвуки рояля
Здесь, но, неслышно тая от печали,
Сияла ночь. Луной был полон сад.

Он белым был. И он благоговел
Перед судьбой, судьбы ещё не зная.
Ложилась на дорожки тень резная,

Шептали липы: «Радуйся, земная!»
И гладили меня по голове.

А где-то рядом шли – от всех времён –
От всех ночей, не поднимавших полог,
Те, для кого луною сад был полон,
Прекрасные – без возраста и пола,
Без возгласов, без просьб и без имён.

Сад засыпает, стих деревьев ряд,
И кто-то листья пальцами сминает.
Аллея, пруд, а дальше – жизнь иная...
«Будь счастлива!» – когда так говорят,
Я этих троп пологость вспоминаю.

О, гений мест нездешних, тихий Фет,
Как сердце спеленать – тебя спрошу я.
...Скажи ещё, как жить и петь ликуя,
Когда прощаются без поцелуя
И чувствуют, что сада больше нет?

Цапля

Я иду за словами, не ведая брода,
Как тяжёлая цапля, нырнувшая в воду,
От людей заслоняюсь тоской и рекой.
И река удивляется прыти такой.

А потом – уморительно щёлкаю клювом,
Неуклюже пытаюсь сказать, что люблю вас,
Запрягаю четвёрки стремительных строк,
Но мой птичий язык старомоден и строг.

Цапле хочется сцапать в подводном полёте
То, чего не найти в окаянном болоте:
Лунный лучик, серебряный ключик, намёк,
Только мишка без лапы и зайчик промок.

Наловила же слов – судаков и налимов,
Накормила птенцов, пока вечер малинов,
Но пока по костям разбирали улов,
Не осталось ни звука от пойманных слов.

Всегда

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразнобой и пронзительный крик человечесий?

Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудряв?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает трубя
И блещут, и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...

Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда – помнишь, помнишь, душа? понимаешь?..

После бала

Если спросят меня, веселилась ли я на балу,
Я скажу, что встречала гостей, приглашала к столу,
В опустевшей торжественной зале в четыре утра
Собирала забытые ленты, цветы, веера.

Если спросят, а много ли
слышала я новостей,
Я скажу что была гувернанткой, учила детей,
Что мы пели, играли, дерзили, смирялись – росли,
И что каждое сердце – хрустальная новость земли.

Если спросят, чего попрошу, затворяя окно,
Я отвечу, что прежние просьбы забыла давно,
Что из дома чужого даров не берут, уходя,
И что жаль только детского смеха, стихов и дождя.





Елена ЛУКАНКИНА

Дерево в огне

В покое человек и зверь
у осени на дне.
И только плачет жёлтым сквер
о дереве в огне.
И тяжелее головы –
поднять в последнем дне
неотгоревших и живых
из дерева в огне.
Не слышно колыбельных птиц,
темно в лесном окне.
Среди написанных страниц
есть дерево в огне.
Ни строчки не вернуть судьбе

Луканкина Елена Львовна – поэтесса, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родилась в Тамбове, окончила ТГУ им. Державина, факультет журналистики. Одиннадцать лет работает в тамбовской прессе. Автор романа и нескольких стихотворных сборников. Признавалась лучшим журналистом года в Тамбовской области. Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» им. В. Маяковского. В 2016 году стала лауреатом литературной премии им. Е.А. Баратынского.

на этой стороне.
Луч возвращается к себе
по дереву в огне.
Листы, опавшие в лесу,
стареют по вине –
у памяти суровый суд
над деревом в огне.
И нет дорожке – до звезды
смотреть по тишине
на гладь застеленной воды
и дерево в огне...

Тюльпан

Тюльпан, изорванный в груди,
не возданный псалом,
во всём некрополе один,
как память о былом.
Не опадёт с годами холм,
под ним белеет кость.
Заговори со мной стихом,
я – твой последний гость.
Расти и радуйся гвоздям –
из дерева взошли,
тебя и всех островитян
зовут со дна земли.
Ушедших держат во плоти,
что тоньше всех одежд.
Тюльпан мой, смерти – позади,
до затворённых вежд
цвети, изорванный цветок,
оглядывай кресты.
Ты – пересаженный восторг,
дитя до пустоты.

На место взгорбленной травы
сады придут служить,
но только красной головы
под ними не сложить.

Синь над лесом глубока,
не измерить гулким словом,
и не видно рыбака
в лодке с дорогим уловом.
Звёзды не поймать рукой,
на расставленные сети
намывает их рекой,
ночью в отражённом свете
серебрятся из глубин,
чтобы видеть нас яснее.
Мальчик.
Небо.
Мир.
Один –
на один, на звёзды в небе.
Обитаем этот мрак.
Утро ночи мудренее.
Засыпай и слушай как
сны спускаются с деревьев,
по ресницам шелестят,
и в туман уносят белый.
Любопытное дитя,
спи в зелёной колыбели,
чтобы трогать в коробах
слитки солнца золотого,
и дивиться, как рыбак
облаками звёзды ловит.

В руке от яблока – покой,
смиряющая сила.
Почувствуй всей своей рукой,
как мать его носила,
как яблоня тянулась вверх,
и выросли дети,
светила не смыкали век
и пребывали в лете.
И как симфония планет –
звучали иноземцы.
Не повторить вселенной – нет –
стук яблонева сердца.
Слегка за ветку потяни –
налившиеся соком
покачиваются, а в тени
зовут здоровым боком
другие, и под кожурой
у них темнеет мякоть.
Не трогай ветку, дух живой –
среди травы и ягод.
Пришёлся ароматный дар
к отпущенному сроку.
Голодному его подай,
а милому – в дорогу.
Молчит в руке премудрый плод,
и правильно – не будем...
Он рассказал всё наперёд
когда-то первым людям.

Последний лес

Последний лес оконченной зимы.
Точёный пень подобен бабьей ступе
среди коряг измученной земли.
Торчат столетий корневые зубы.
Застыли блюда с голубой водой,
в них молоко родительского неба.
В голодный час за вымершей звездой
ведут зверьё платки сухого снега.
И где-то я – прощальный с ними зверь.
Лучиной жизнь оставшаяся тлеет.
Мой лес хрипит, и дух уже не сер,
колючий ельник подо мной теплеет.
Густым ручьём в ложбинах диких троп
струюсь к тому, кто отмеряет время.
Я – воин твой. Владыка х чащоб
меня призвал и всё лесное племя.
И братья пали. Был неравный бой.
С разящей бурей – смертные объятья.
...Открылся лес, и вышел Святобор
коснулся мя, и появились братья.

Не смотри на меня, хороший,
так что – до смерти люб и мил.
Мне от этого счастья – брошью
сердце колет.
Сними, сними.
И за что мне – тебя так много,
захожу, и не видно дна.
Пей из губ и возьми в дорогу,
я – колодезная вода.

Не забыть, не развеять днями,
запах нежности –
и какой –
не надышишься!
Как под нами
уплывала земля рекой.
Как целуешь мои запястья,
и всё кажется – упаду.
Подломлюсь от такого счастья,
цветом яблони опаду.
Из своих отпускаю руки,
как в ознобе без них дрожу.
Ни минуты
с тобой в разлуке
не теряю.
Держу.
Держу!

**Всем Буквам, Словам и их Отворяющим
посвящается**

Какая буква с языка сойдёт –
напевная – её поёт младенец,
а может, та, что закаляет рот,
шагает слогом, как сопротивленец.
От буквы книга начинается путь,
и первый звук ребёнка – есть примета,
что скоро молвит слово, молвит суть.
От буквы человеку – дар бессмертья.
Всё сказанное оставляет след,
а на письме не покидает жизни.
За слово «Дом» ковал победу дед,
а от него – и Отче, и Отчизна.
Но есть и то, что кроется порой,

бывает час, когда другое – глыба:
когда ты – бедный камень под горой.
Но чаще ты – река, а слово – рыба.
От плоти – буква – малое дитя,
которое и радость испытает,
и боль – насущным словом уходя.
Не будет слов – сорвётся запятая,
язык остынет, подведёт рука,
и многоточье опадёт, как роза.
А после – в Книге книг одна строка:
«Здесь было слово».
Лист и знак вопроса...





Майка ЛУНЁВСКАЯ

* * *

маме

Моя весна – велосипед «Десна»,
высокая негнущаяся рама
при верховой езде.
И я на нём – по Млечному, к звезде:
«Я еду, мама!
Смотри, я еду. Я сама! Сама!»
А мама, прислонясь к резным воротам,
уже готова вымолвить: «Зима», –
и не узнать, и спохватиться: «Кто там?»
А кто это? А это снег идёт.
А это я иду, и первым шагом
я падаю. Но мягкие объятья...

Майка Лунёвская – поэтесса. Окончила ТГТУ по специальности «Юриспруденция». Лауреат IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря-2014» (Одесса), финалист Всероссийской литературной премии «Филатов-фест», победитель премии «Северная земля», а так же Всероссийского молодёжного конкурса малых литературных форм в номинации «Поэзия». Член Южнорусского Союза Писателей. Автор книг «Зерно» и «Полоса отчуждения». Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Южное сияние», «Кольцо А», региональных альманахах и сборниках. Работает юристом.

Опять иду. И падаю. Опять я
иду, и мама рядышком идёт.
И это не моя весна, а мамы.
И снег – не снег, а первый цвет черешни.
И отовсюду льётся свет нездешний,
и светом этим выкрашены рамы,
и крупные горошины на платье,
и в кружке оловянной молоко,
и снег... И разжимаются объятия.
Непоправимо, ласково, легко.

Бабушкин дом

Бабушкин дом стоял на краю села.
Под горой начинался лес.
Вишня в саду белой зарёй цвела,
заглядывала в окно, как прохожий или беглец.
Сладко было во рту от гречишного мёда,
зачерствелого чёрного хлеба.
Бабушка приносила в ведре воду,
приносила в ведре небо,
зажигала лампаду перед иконой,
укладывала меня под тяжёлое одеяло.
И всю ночь на прозрачном небе в ведре бездонном
звезда сияла.

Научись обходиться без личных местоимений.
И хоть люди похожи, избегай обращений: «Мы же...».
Мне всегда хотелось быть человеком без мнений.
Потому что *здесь все кричат никого не слышат.*

Это время потом назовут каким-нибудь веком,
назовут пророков, которых мы упустили
из виду (скажи спасибо прикрытым векам).
Человек способен только хранить или...
Или только рушить, большего не умеет.
Я берегу старые зеркала
с отражением новых лиц и порядков и мне нет
дела до мира, что за моей пыла-
ющей дверью, за
её подождённой створкой,
я берегаю вакуум упаковок,
и ухожу на глубину «не трогай»,
и читаю стихи, как шрамы татуировок.

Научившись молчать (здравствуйте, Эзра Паунд),
допускаю страх: изоляция иллюзорна.
Но я верю в то, что веру не выбирают,
потому что одним – огонь, и немногим – зёрна.

Молчание – есть звук внутри себя.
Я научилась этой речи.
Как тот, кому оправдываться нечем.

Сложи свой мир из страхов и табу.
Под плёнкой век,
под скорлупой,
под кожей.
А страх всего и значит – человек
(не на себя, а на других похожий).

Заметит кто, что села стрекоза
на радугу стекольную? Запишет?
Но лучше слов, которые сказал,

слова не прозвучавшие. Чем тише,
тем глубже, и отчетливей, и резче.

Я научилась этой громкой речи.
Как тот, кто учится ещё в пространстве диком
Свободе слов, но не свободе крика.

Повтори

Голубые сливы и алыча,
и малины спелой ведёрко с лишним.
Запрокинешь голову, различай:
в небе неба нет, есть листва и вишни.

Много выше возраста моего
золотая липа. И кроме сада,
кроме детской памяти, ничего, –
повтори ещё, – ничего не надо.

Я ищу слова, но зачем слова?
И кому нужна эта речь прямая?
На ладошке солнце лежит – айва,
я целую солнце. Я собираю

весь мой сад: то с дерева, то с куста.
И растут слова, как листва и сливы.
Повтори, что страшно никем не стать,
но как просто жить или быть счастливым.

Напиши об этом, напиши об этом.
Остальное всё уже написали.
Как хотел отчаянно стать поэтом,
и не стал поэтом. И что вначале
было слово, а после него молчанье.

Напиши: хотел научиться зрению,
чтоб суметь зерно отличить от плевел.
И хотел подобья, не повторенья.
И любил стихи, а счастливым не был.

Суета. Об этом в Екклесиасте.
Между вдохом-выдохом жизнь, как минус.
Напиши, как сильно хотелось счастья,
и горящий куст перед домом вырос.

Напиши, как было на самом деле,
что смотрели ангелы с верхотуры.
Что писал стихи, а они горели,
что они не стали литературой.

Когда говорит время,
оно говорит: «Верь мне».
Ремни на моих руках.
И я достаю имя
своё и прошу: «Ври мне».
Кто долго растил страх,

тот знает себя, помнит,
и в коме лежит комнат,
себя самого вина.
Я выдох. Я прах пыли.
Сомнения мной были,
но не было, нет меня.

Дай бросить зерно в чёрный
разрыв и пустить корни.
Стволы и кресты – вверх.

Ничтожный росток, terra.
Не мера вещей, вера –
и есть человек.

Поэт

Самонадеянно и глупо
считать: «Поэзия мертва».
Прикладывать к губам, как рупор,
чужие чьи-нибудь слова.

И думать, что и сам сумел бы
сказать пронзительно и ново.
Мы молоды, пока мы смелы.
Но слышен крик, не слышно слова.

.....
Все умерли. И можно плакать.
Чужую боль считать своею.
Читать стихи: февраль и слякоть
и чем случайней, тем вернее.

Считать по праву безответными
свои стихи. И думать – странно,
вот так становятся поэтами,
а я уже ни кем не стану.

В саду

Сидим в саду. Над дальнею водой
висит, как дым, гуденье насекомых.
«Никто не возвращается домой», –
ответ, звучащий для вопроса: «Кто мы?».

Ни вечера не можем уберечь,
ни жизни, ни сорвавшегося звука.
Когда поём беспомощную речь,
в ней слышится то музыка, то мука.

Как дети знают то, что их простят,
я знаю, что прощения не стою.
Прощаемся. За нами гаснет сад.
В костре чернеет дерево сухое.

Человек измеряется временем или верой?
Кто мне ответит: «Кто я?», если не я.
Благоразумие было плохим примером.
Быть означает биться. «Это твоя
участь. Никто за нас не пройдёт дорогу»
Сколько сомнений! Как здесь расслышать гул
дальней надежды, тихо звучащей, долго.
Как прикоснуться к слову ожогом губ?
Всё, что я здесь скажу, – разговор с немыми,
стих, обращённый в сторону от лица.
Я отправляю письма тебе и с ними
можешь меня, как дерево, пролистать.
«Что для других – время, для нас – ничтожно,
мы измеряем музыкой глубину
сердца». И, если это ещё возможно,
дай мне попытку речи ещё одну.



Андрей КРУЖНОВ

Самая старая сказка

(Сказка в пяти картинах с малюсеньким прологом)

Действующие лица:

СТАРИЧОК-МОХОВИЧОК, добрый леший;
СТРАШУХА-ЗЕЛЕНУХА, лешачиха со стажем;
ЗВЁЗДОЧКА, хрустальная гостья с неба;
ЦВЕТОЧЕК, вполне может быть кукольным персонажем.

Действие происходит на лесной полянке в старом лесу в далёкие-далёкие времена.

Андрей Эдуардович Кружнов – член Союза писателей и Союза театральных деятелей России. Родился в г. Гродно в 1962 г. в актёрской семье. В юности посещал литобъединение «Радуга» под руководством поэта С. Милосердова. Окончил Тамбовский Институт культуры (отделение режиссуры) и Литинститут им. Горького в Москве (отделение драматургии). Работал в театре бутафором, актёром, художником, завлитом, администратором и режиссёром. Автор пьес, рассказов, литературных комиксов и пьес, переводит с английского.

Драматургия

Пролог

На сцену выходит Актёр и Актриса, которые будут играть Моховичка и Страшуху.

АКТЁР: Здравствуйте, дорогие дети!

АКТРИСА: Здравствуйте, мальчики и девочки! А вы знаете, что такое театр?..

АКТЁР: Театр – это место, где вам показывают сказки и разные весёлые истории. Сейчас прямо здесь мы вам покажем сказку, а значит, это уже театр – правда?..

АКТРИСА: А сказку вам показывают артисты! Артисты это мы – я и он! А вы наши любимые зрители.

АКТЁР: А чтобы артисты были похожи на сказочных героев, они должны одеть сказочные костюмы!..

Актёр надевает шапку и курточку Моховичка, а Актриса косматый парик Страшухи на глазах у зрителей.

АКТРИСА: А кого мы играем, вы скоро узнаете.

АКТЁР: Это самая старая сказка на свете, она случилась в давние-давние времена, когда на земле ещё не было людей и городов... *(Актёр уже в роли Моховичка сжимается в комочек и прячется на полянке в траве.)*

АКТРИСА: Когда умели разговаривать даже цветы и облака, а в лесу жили только звери, птички и лешие!.. Хе-хе!.. *(Посмеиваясь уже в роли Страшухи, она прячется в лесу.)*

Картина первая

Солнечная поляна в лесу, возле которой растёт старое раскидистое дерево с большим дуплом в

стволе. На самой поляне стоят пенёчек и кочки. Возле одной из кочек растёт цветочек. Вдруг одна кочка зашевелилась, потом распрямилась, и это оказался Старичок-Моховичок. Его спина и голова тоже поросли травой. Он, видимо, спал, и сейчас сладко потягивается.

МОХОВИЧОК: *(мечтательно).* Какой же сказочный сон мне приснился!.. Как будто бы с неба ко мне на полянку упала хрустальная звёздочка. *(Задирает голову.)* Во-он та самая яркая звёздочка!..

ЦВЕТОЧЕК: *(впечатлительно).* Ах, это ужасно! Она упала и разбилась?!

МОХОВИЧОК: Не-ет, она приземлилась мягко, как снежинка, вот сюда в траву. Я взял её на ладошку и сказал: «Давай знакомиться, звёздочка! Меня зовут Старичок-Моховичок. Я в этом лесу уже тысячу лет. А как зовут тебя?»

ЦВЕТОЧЕК: Ах, как интересно! И что же она ответила?

МОХОВИЧОК: Она сказала: «Меня зовут Звёздочка». А потом запела очень красивую песенку. Она пела и кружилась по нашей полянке. А я кружился и пел вместе с ней!.. *(Кружится и поёт.)* Тири-дам-там-дам, турли-пум-пум-бум... Я чуть не заболел от счастья.

СТРАШУХА: *(появляясь из-за дерева).* Глупый, звёзды не могут ни петь, ни танцевать. *(Цветочку.)* А цветы не должны разговаривать.

ЦВЕТОЧЕК: Ах, это так несправедливо.

МОХОВИЧОК: В нашем лесу разговаривают все – даже листья на дереве, даже вода в ручье, даже вот этот вот камушек на тропинке!.. *(Моховичок поднимает с земли камушек.)* Эй, камушек, расскажи нам смешную историю.

СТРАШУХА: Глупый ты, все мозги у тебя мхом поросли, Старичок-Моховичок, в голове травы пучок. *(Стучит*

Драматургия

ему по голове.) Ну-ка, дай камушек. Дай, говорю! *(Отбегает у него камушек.)* Ну что, камушек, забросить тебя на небо, а?.. Молчит.

МОХОВИЧОК: Не смей бросать мой камушек, Страшуха-Зеленуха.

СТРАШУХА: *(ёрничая).* Ой-ёй-ёй, испугалась – в комок сжалась!.. Хе-хе-хе, и что же ты мне сделаешь, Моховичок? Ты ведь даже муху не можешь обидеть!.. Э-эх, позорище – раньше был нормальный леший, зверей пугал, следы путал, воду в реке мутил, а теперь что?! Какой-то Старичок-Моховичок, вместо носика сучок!.. Ей-богу, выведешь меня из терпения, я все эти цветочки на твоей полянке повыдержаю!..

ЦВЕТОЧЕК: Ах, у меня закружилась голова! Это ужасно! Не дёргайте меня!.. Я завяну... *(Цветочек сникает.)*

МОХОВИЧОК: Что ты натворила, еловая твоя голова! *(Подходит к цветочку и нежно поднимает его.)* От твоих грубых слов он может завянуть и умереть. *(Цветочку.)* Не бойся, я не дам тебя в обиду. *(Страшухе.)* Лучше уходи к своим пням на болото, не место тебе в нашем лесу.

СТРАШУХА: Ишь ты какой – раскомандовался! Старичок-дурачок, голова – пустой горшок. Сейчас вот сшибу этим камушком твою звёздочку! *(Насмехается.)* Ежели они оба с перепугу не заорут, значит, разговаривать не умеют. *(Размахивается.)* Р-р-раз! Ды-ы-ыва!..

МОХОВИЧОК: *(грозно).* Положи камушек на место.

СТРАШУХА: Ой-ёй-ёй, испугалась! Может, ты меня вдарить хочешь, а? Ну, давай вдарь, сделай подлое дело. *(Подставляет ему спину.)* Давай по горбушке мне припечатай, как следует. Ну!..

МОХОВИЧОК: Нет, я не буду драться и грубить, как ты.

СТРАШУХА: Значит, ты пентюх!

МОХОВИЧОК: Нет, я умный. И я знаю, что доброта это самое сильное оружие на свете.

СТРАШУХА: Ах, самое сильное? Ну, ну. *(Снова размахивается и прицеливается.)* Р-р-раз!.. Ох, сейчас собью твою звёздочку – гляди!.. Ды-ы-ыва!..

МОХОВИЧОК: *(как бы уговаривая самого себя).* Нет-нет, доброта – самое сильное оружие!.. *(Церемонно обращается к Страшухе.)* Многоуважаемая Страшуха-Зеленуха!..

СТРАШУХА: *(опешив).* Ой, ты чего это?

МОХОВИЧОК: Я бы даже сказал, прекрасная Страшущечка-Зеленущечка. Отдайте мне камушек. Пожалуйста. *(Протягивает свою ладонь.)*

СТРАШУХА: *(испуганно).* За-забирай. *(Отдаёт ему камень.)*

МОХОВИЧОК: *(забирая камень).* Огромное вам спасибо. *(Бережно кладёт камушек возле пня, и раскланивается с ним.)* Отдыхайте, уважаемый камушек, больше вас никто не потревожит.

СТРАШУХА: *(тревожно).* Отродясь таких слов не слыхивала! Каюк старичку. Видать, на солнце перегрелся. *(Щупает ему лоб.)* Да нет, нормальный вроде. У тебя... *(Поправляется.)* У вас голова не болит?

МОХОВИЧОК: Нет.

СТРАШУХА: Может, вам отвар из трухи попить?

МОХОВИЧОК: Нет.

СТРАШУХА: Может, уважаемый, сушёных тараканов желает?

МОХОВИЧОК: Да нет же! Моя голова сейчас светлая и чистая, как вот это голубое небо. *(Показывает на небо.)*

Страшуха задирает голову и смотрит на небо, где сияет хрустальная Звёздочка.

Страшуха, я понял одну удивительную вещь! Когда ты кому-то улыбаешься, он обязательно улыбнётся тебе в

Драматургия

ответ. Видишь, хрустальная звёздочка улыбается нам в ответ. Улыбнись ей тоже.

СТРАШУХА: *(кривя в наигранной улыбке страшную рожицу).* Ё-ы!..

МОХОВИЧОК: Какая прелесть!.. *(Он любуется Звёздочкой, которая сверкает в вышине, не обращая на Страшуху внимания.)* От улыбки ты становишься ещё симпатичнее. *(Показывает на Звёздочку.)* Посмотри, какая она красивая. Слышишь, она смеётся и поёт!.. Послушай внимательно.

Страшуха напряжённо прислушивается, но ничего не слышит. Она печально смотрит на Моховичка, который стоит с блаженной улыбкой и что-то слушает.

СТРАШУХА: Эхе-хэ, всё ясно! *(Тяжело вздыхает.)* Рехнулся ты, видать, умом на старости лет. Придётся тебя силой лечить... Ну, ладно, пойду нарву крапивы и поганок, сварю жабу и покрошу комариков. Заварю волшебное зелье и им напою тебя. Будешь у меня снова на весь лес ухать, зверей пугать, птиц гонять да сучья ломать. *(Уходит.)*

Картина вторая

МОХОВИЧОК: *(мечтательно глядя вверх).* Если бы мой сон сбылся наяву, и Звёздочка запела, я стал бы самым счастливым Моховичком на свете.

Звучит хрустальная музыка и начинается песенка Звёздочки. Перед последним куплетом кукольная Звёздочка исчезает на небе и появляется уже на полянке в белоснежном платье, чем-то напоминая балерину.

ЗВЁЗДОЧКА: *(печально поёт).*

ПЕСЕНКА ЗВЁЗДОЧКИ

I

Снова-снова со звоном хрустальным
Просыпаюсь я в небе печальном.
Что же там на земле интересно? –
Я смотрю сквозь тумана завесу.
И я вижу внизу море цвета,
В разноцветье планета одета,
Золотыми лучами согрета –
А на небе ветра и мороз!

Припев:

Я отдам с небес алмазы,
Если можно будет сразу
Оказаться на земле
В море цвета и в тепле.
Ах, как хочется скорей
Стать немножко веселей.

II

Месяц ночью сияет тоскливо,
Взгляд у месяца, ах, несчастливый,
И торопятся мимо кометы,
Оставляя вопрос без ответа:
Почему же мне так одиноко,
Почему же судьба так жестока,
Ах, какая же это морока –
Вечно петь в ледяной пустоте!
Припев.

Драматургия

МОХОВИЧОК: *(потеряв дар речи).* Это... это... это ты?! *(Поправляется.)* Это вы, хрустальная звёздочка?

ЗВЁЗДОЧКА: Я. А вы кто? *(Рассматривает Моховичка.)*

МОХОВИЧОК: Я... Ух ты, я даже забыл кто я! Ну, это не важно сейчас. Лучше скажите, почему у вас такая грустная песенка, мне казалось, звёзды на небе смотрятся гораздо веселее.

ЗВЁЗДОЧКА: Я не понимаю, что такое «веселее». *(Она осматривает полянку: траву, листья, цветы.)* Что это такое зелёное?.. Скажу вам по секрету, я давно хотела спуститься вниз и рассмотреть это всё вблизи.

МОХОВИЧОК: Вот трава, цветы, листья. Всё вместе называется ле-ес.

ЗВЁЗДОЧКА: *(повторяя протяжно).* Ле-ес. Странно, такое маленькое слово обозначает так много всего вокруг.

МОХОВИЧОК: А давайте играть с вами в какую-нибудь весёлую игру, ну, например, в смешилки.

ЗВЁЗДОЧКА: А что такое «играть»?

МОХОВИЧОК: Ну, это когда... *(Задумался.)* Когда я сначала дарю вам хорошее настроение, а потом вы дарите хорошее настроение мне. Вот.

ЗВЁЗДОЧКА: А что такое «хорошее настроение»?

МОХОВИЧОК: Ну-у... Это когда ты улыбаешься, прыгаешь выше головы, веселишься.

ЗВЁЗДОЧКА: А что такое «улыбаешься»?

МОХОВИЧОК: Как бы это объяснить... Это когда уголки рта поднимаются вверх, вот так. *(Показывает деланную улыбку на своём лице.)*

ЗВЁЗДОЧКА: Не понимаю, зачем так кривляться?..

МОХОВИЧОК: Тогда приходит хорошее настроение, ты можешь петь весёлые песенки, читать стихи. Много чего.

ЗВЁЗДОЧКА: Но я могу и так прочесть стихи. *(Читает стихи.)*

На небе динь, на небе дон,
Нет ни травы, ни пыли,
И в пустоте лишь перезвон
Дон-дили-дили-дили.
Лишь ледяная синева,
И ни души, ни существа!
Дин-дон, дин-дон, дин-дон.

МОХОВИЧОК: Брр! От таких стихов у меня прямо мурашки по коже разбежались... Ой, кажется, я замёрз. Давайте немножко погреемся. Подвигаемся... (*Пытается объяснить.*) Я видел во сне, как вы замечательно танцевали. Может быть, вы могли бы меня научить.

ЗВЁЗДОЧКА: Научить танцевать? Да, это очень легко. При условии, что вы будете всё точно повторять за мной.

Звёздочка начинает исполнять свой Хрустальный танец под хрустальный звон. Он чем-то напоминает танец механической куклы: скупые движения без эмоций и плавных переходов. Моховичок пытается повторять за ней движения, но не очень-то у него всё это выходит.

Я же сказала, вы должны точно повторять за мной.

МОХОВИЧОК: Я стараюсь... А может быть, лучше просто походить на голове? (*Кувыркается на голове.*) Я Старичок-Моховичок, на голове моей сморчок! Чок-чок-чок!..

ЗВЁЗДОЧКА: Звёздочкам не положено кувыркаться.

МОХОВИЧОК: (*многозначительно*). Та-ак. А что же звёздочкам положено делать?

ЗВЁЗДОЧКА: Светить в небесах.

МОХОВИЧОК: И всё?

ЗВЁЗДОЧКА: И всё.

Драматургия

МОХОВИЧОК: Нельзя играть, кувыряться, делать шалаш, пускать пузырьки, смотреть в цветные стёклышки?

ЗВЁЗДОЧКА: Мы просто не знаем, что это такое.

МОХОВИЧОК: Ну, например, когда ты смотришь вокруг себя через цветное стёклышко, весь мир кажется очень красивым и загадочным.

ЗВЁЗДОЧКА: *(повторяя за ним).* Красивым и загадочным... Кажется, я знаю, что это. Когда высоко-высоко в небе я смотрела на далёкую землю, она казалась мне очень загадочной. Мне так хотелось взглянуть хотя бы одним глазком, что здесь такое.

МОХОВИЧОК: А тут живёт весёлый Моховичок!

ЗВЁЗДОЧКА: Да-да, всё оказалось гораздо интереснее и необычнее: трава, цветы, деревья!.. Конечно, я хочу посмотреть в цветные стёклышки!

МОХОВИЧОК: Ура-а! Мы будем играть в цветные стёклышки. Тогда нам нужно идти к разноцветной Радуге-дуге. У неё мы попросим волшебные стёклышки, ты глянешь через это стёклышко вокруг себя, очень удивишься, развеселишься и засмеёшься.

ЗВЁЗДОЧКА: Неужели я научусь смеяться? Мне кажется, этот невозможно.

МОХОВИЧОК: Ещё как возможно – ты даже не заметишь. Точно повторяй за мной! *(Начинает смеяться, хлопая себя по животу и подпрыгивая.)* Ха-ха-ха!..

ЗВЁЗДОЧКА: *(механически повторяя).* Ха-ха-ха... Ну?.. Что ты смотришь так на меня?

МОХОВИЧОК: Да так. Просто мы не заметили, как перешли на «ты».

ЗВЁЗДОЧКА: И что это значит?

МОХОВИЧОК: Это значит, что мы стали друг другу ближе.

ЗВЁЗДОЧКА: *(отойдя от него на несколько шагов).* А теперь?

МОХОВИЧОК: Это неважно. Мы стали друг к другу ближе душой.

ЗВЁЗДОЧКА: Душой?.. О, нет, это уже слишком – за один день столько новых слов. В мою голову столько не влезает, она вот-вот лопнет и разлетится на тысячу хрустальных осколков!

МОХОВИЧОК: Я придумал. Сейчас я принесу тебе листочек и уголёк. Когда мы отправимся к Радуге, ты будешь идти и записывать все новые слова на листочек, и тогда твоя голова останется целой. *(Усаживает Звёздочку на пенёк.)* Сиди здесь, ни с кем не разговаривай и никуда не уходи.

ЗВЁЗДОЧКА: Даже ни капельки?

МОХОВИЧОК: Даже ни вот столечка.

ЗВЁЗДОЧКА: А вдруг это дерево станет на меня падать?

МОХОВИЧОК: Дерево не звёздочка, само не падает.

ЗВЁЗДОЧКА: А вдруг?

МОХОВИЧОК: Ну, хорошо. Если вдруг это дерево начнёт на тебя падать, ты можешь делать всё, что пожелаешь. А сейчас садись и жди меня. У меня одна нога здесь, а другая уже там!.. *(Убегает.)*

Картина третья

Из леса появляется Страшуха-Зеленуха, в руках у неё горшок с волшебным зельем, из которого валит пар.

СТРАШУХА: Сейчас-сейчас!.. Хе-хе, выпьешь болотного отварчика и опять лешим станешь, забудешь про свои звёздочки дурацкие!..

Страшуха замечает Звёздочку, которая будто мумия сидит на пенёке, и оторопело смотрит на неё.

Драматургия

Это ещё что за краля?!.. Ты кто, детка?.. У тебя чего – язык оторвали?.. Может, она глухонемая?.. (*Машет перед её лицом рукой, но Звёздочка никак не реагирует.*) Она, кажись, ещё и не видит ни шишки.

ЗВЁЗДОЧКА: (*внезапно ожив*). Оставьте меня в покое!

СТРАШУХА: (*отпрыгнув со страху в сторону*). Фух ты!.. Заговорила кукла моргучая. Чуть сердце из-за тебя не выскочило. Ты из каких краёв будешь?

ЗВЁЗДОЧКА: Мне запрещено разговаривать с посторонними.

СТРАШУХА: Ну, так всё одно уже говоришь. А кто ж тебе запретил-то?

ЗВЁЗДОЧКА: Вы, наверняка, его не знаете. Он красивый, внимательный, вежливый, ласковый, сильный, добрый и очень весёлый.

СТРАШУХА: Неужто в лесу сказочный богатырь объявился?! Ох, придётся опять по болотам да по кочкам прятаться!.. А как же звать-то его, красавица?

ЗВЁЗДОЧКА: А зовут его очень красиво – Моховичок.

СТРАШУХА: Кто-кто?!!

ЗВЁЗДОЧКА: Моховичок.

СТРАШУХА: Ах, Старичок-Моховичок. Ненормальный этот.

ЗВЁЗДОЧКА: Что вы, он очень умный: мы пойдём с ним к Радуге-дуге, попросим у неё цветных стёклышек, я увижу какой этот мир красивый и загадочный, и тогда научусь веселиться и улыбаться.

СТРАШУХА: А зачем тебе веселиться и улыбаться? Я вот всю жизнь без этого обхожусь. Ты его не слушай, он у нас чуток с придурью.

ЗВЁЗДОЧКА: Нет-нет, он прав. Это я бесчувственная и грустная Звёздочка, которая умеет только светиться и звенеть.

СТРАШУХА: *(в сторону).* Час от часу не легче. Кто ты, говоришь?

ЗВЁЗДОЧКА: Я хрустальная звёздочка.

СТРАШУХА: Ну – дожили! Лешие в стёклышки играют-ся, звёздочки по лесу шатаются. Давай-ка убирайся отсюда подобру-поздорову. Мы тыщу лет без стёклышек и без звёздочек жили, и ещё тыщу лет проживём!

ЗВЁЗДОЧКА: Ой, я совсем забыла! Мне ведь ни с кем нельзя разговаривать. И уходить отсюда тоже нельзя.

СТРАШУХА: Нельзя, говоришь?.. *(Берёт камушек.)* А вдруг камень на голову свалится – что так и будешь сидеть?

ЗВЁЗДОЧКА: Я могу делать всё, что пожелаю только при одном условии.

СТРАШУХА: Что ещё за условие?

ЗВЁЗДОЧКА: Мне сказали, если вот это дерево будет падать, тогда я могу делать, что хочу.

СТРАШУХА: Вот этот дуб столетний?!

ЗВЁЗДОЧКА: Ну да.

СТРАШУХА: *(в сторону).* Ну, я тебе сейчас устрою! *(Испуганно Звёздочке.)* Ой, гляди-ка, оно вроде чуток влево завалилось.

ЗВЁЗДОЧКА: Кто?

СТРАШУХА: Да я про дерево говорю. Ой, а теперь вправо покосилось! А теперь назад! А теперь вперёд! Давай беги, покудова тебя деревом не придавило!.. *(Сгоняет Звёздочку с пенёка и гонит прочь.)* Беги, бедолага, от беды подальше!..

ЗВЁЗДОЧКА: Я не могу, я должна дождаться Моховичка. *(Снова садится на пенёк.)*

СТРАШУХА: *(торопливо, в сторону).* Вот настырная! Что же придумать-то? Думай, Страшуха, думай! *(Внезапно начинает голосить.)* Ой, горе-горюшко, упадёт сейчас это дерево и все звёзды с неба посыплются! Ой, что же

Драматургия

делать-то!.. Беда-то какая!.. Горе на голову мою свалилось!..

ЗВЁЗДОЧКА: Что же делать, бабушка?

СТРАШУХА: Действовать надо.

ЗВЁЗДОЧКА: Так действуйте.

СТРАШУХА: Одна я не смогу ничего, помощь нужна.

ЗВЁЗДОЧКА: Я могу вам помочь.

СТРАШУХА: Ну, коли сможешь, тогда другой разговор – полезай в дупло! Будешь дерево изнутри держать, пока оно корни не пустит, за землю не уцепится. А я уж снаружи подопру по-стариковски, как смогу...

Звёздочка собирается было залезть в дупло, но в последний момент останавливается.

ЗВЁЗДОЧКА: Бабушка, а как же Моховичок узнает, что я здесь внутри?

СТРАШУХА: Так я тут же ему доложу, как он объявится. Ты это дай-ка мне свою накидочку. Я ему покажу, вот, мол, накидка звёздочкина, она пока в дупле стоит, дерево держит. А как дерево обратно корнями к земле прирастёт, ты вылезешь, и идите с ним хоть к радуге, хоть к дождику, хоть к лешему в гости.

ЗВЁЗДОЧКА: Ну, хорошо.

Звёздочка снимает свою прозрачную накидку и отдаёт Страшухе. Лезет в дупло.

Страшуха снова её останавливает.

СТРАШУХА: Погоди. Дай мне свою шапочку хрустальную, а то боюсь, Моховичок не поверит, что ты в дупле прячешься. Скажет, мол, сама старая из паутины соткала накидочку. Очень он недоверчивый.

ЗВЁЗДОЧКА: Вообще-то хрустальную шапочку я никогда не снимаю, даже когда ложусь спать.

СТРАШУХА: Не для себя прошу ведь, для дела, и-их!
(С досадой машет рукой.)

ЗВЁЗДОЧКА: Ну, если для дела...

Звёздочка снимает свою хрустальную шапочку и отдаёт Страшухе, а сама забирается в дупло.

СТРАШУХА: *(с облегчением).* Фух, наконец-то! Уж думала, не уговорю... Ничего, посиди там. А я пока сама Звёздочкой наряжусь, Моховичка встречу и обратно его на болото уведу. Там зельем волшебным напою, заклинание пропою и будет он навеки-вечные нашим злобным лешим!

Страшуха одевает хрустальную шапочку и накидку Звёздочки. Садится на пенёк и ждёт Моховичка.

Картина четвёртая

Появляется Моховичок с угольком и листиком в руках. Он подбегает к пенёчку, где сидит переодетая Страшуха.

МОХОВИЧОК: Звёздочка, я принёс уголёк и листик!.. *(Видит переодетую Страшуху и с недоумением разглядывает её.)* Ой!.. Никак не могу понять, кого же вы мне напоминаете, то ли одного хорошего друга, то ли одну нехорошую знакомую.

СТРАШУХА: *(кокетливо поправляя накидку).* Что же ты, Моховичок, забыл, что мы с тобой за стёклышками идти собирались?

МОХОВИЧОК: Голос! Точь-в-точь как у Страшухи.

Драматургия

СТРАШУХА: *(прокашливаясь)*. Вот-вот, я тут пока ждала тебя, чуть голос не потеряла. Осипла совсем. Всё кричала тебе, «Моховичок, мне страшно одной, вернись за мной!» Что Звёздочку свою не признал?

МОХОВИЧОК: Не узнал.

СТРАШУХА: Вишь, что расстройство-то со звёздами делает.

МОХОВИЧОК: Бедняжка. *(Пристально вглядывается ей в лицо.)* А отчего это у тебя лицо позеленело? Ты случайно мухоморов не ела?

СТРАШУХА: Это я в траву упала, перепачкалась. Сижусь, значит, на пенёчке, а тут на полянку старушка выбегает, вся злая, страшная, косматая.

МОХОВИЧОК: Страшуха?

СТРАШУХА: Во-во, я, говорит, Страшуха-Зеленуха, не видать вам, как своего уха ни радуги, ни стёклышек! Как даст мне по башке кулаком, я тут сразу и обмякла, в травку плюх!.. *(Падает в траву.)* Лежу я в траве и думаю, и почему же я не лешачиха. А то дала бы ей в ухо, в следующий раз рук бы не распускала.

МОХОВИЧОК: Драться не хорошо.

СТРАШУХА: Хорошо. Тебя все боятся, а значит, уважают. А значит, отдадут тебе всё самое сладкое, самое дорогое и самое любимое.

МОХОВИЧОК: Неужели все звёздочки на небе так думают?!

СТРАШУХА: Все до одной. Ругаются, сучьями цепляются, квакают, булькают, шипят, трещат!..

МОХОВИЧОК: Погоди-погоди, Звёздочка, это у нас на болоте квакают и булькают, сучьями цепляются.

СТРАШУХА: А ты думаешь, на небе по-другому – то же самое. Хочешь, я тебе секрет один скажу?

МОХОВИЧОК: Ну.

СТРАШУХА: Ты думаешь, я зачем сюда прилетела?

МОХОВИЧОК: Тебе хотелось посмотреть на этот лес, цветы, деревья...

СТРАШУХА: В болоте я их видела! Для меня самое главное это лешачихой сделаться.

МОХОВИЧОК: *(в недоумении)*. Чего-о?

СТРАШУХА: Как лешачихой стану, я эту Зеленуху в порошок сотру! Не бойсь, Моховичок, мы ещё с тобой в этом лесу таких дел понатворим, никаким Зеленухам и снилось!

МОХОВИЧОК: Не может быть. Нет, ты не Звёздочка.

СТРАШУХА: А кто я, по-твоему, луна что ли?! Ох, Моховичок, как же ты не веришь-то мне, несчастной Звёздочке, ох, умру щас от горя!..

МОХОВИЧОК: Чего тебе надо от меня?

СТРАШУХА: Пойдём со мной, Моховичок, на болото. У меня зелье имеется. Специальное оно звёздное... *(Достаёт горшок с волшебным зельем.)* Как только ты выпьешь его, я тут же лешачихой стану.

МОХОВИЧОК: Что-то непонятное – выпью я, а превратишься ты. Ни в одной сказке такого ещё не было.

СТРАШУХА: А ты попробуй, попробуй... *(Подсовывает Моховичку горшок ко рту.)* Глоток сделай, сразу увидишь, как я преобразуюся.

МОХОВИЧОК: *(колеблясь)*. Странно это всё...

СТРАШУХА: Пей, пей. Мы тогда эту Страшуху в бараний рог скрутим, будет знать, как камушки обижать.

МОХОВИЧОК: *(подозрительно)*. А откуда ты про камушек знаешь?

СТРАШУХА: Ой!.. А мне этот... камушек сам и рассказал. *(Наклоняется к камушку.)* Правда, камушек, а?.. Ага, говорит, правда. *(В сердцах.)* Да пей ты, пентюх!..

МОХОВИЧОК: Что ты сказала?.. *(Наступает на Страшуху.)* Меня так только Страшуха называла.

Драматургия

СТРАШУХА: Кто-где-чего сказал, а?!.. Лично я, как рыба нема. Вот видишь, Страшуха тебе уже везде мерещится. Надо скорее с ней расправиться. Пей давай!

Моховичок приготовился пить и в этот самый момент из-за кочки появляется Цветочек.

ЦВЕТОЧЕК: Не пей, Моховичок, а то обратно лешим станешь.

МОХОВИЧОК: Что-что ты говоришь?

ЦВЕТОЧЕК: Зелье это волшебное, чтобы ты обратно в лешего превратился.

СТРАШУХА: Не слушай его! Это Зеленуха его подговорила. Врёт он всё!

МОХОВИЧОК: Цветочек ещё никогда никого не обманывал. *(Цветочку, показывая на Страшуху.)* А она кто, Цветочек?

ЦВЕТОЧЕК: Она Страшуха-Зеленуха.

СТРАШУХА: *(Цветочку).* Надо было тебя сразу с корнем выдрать! *(Моховичку, снимая накидку и хрустальную шапочку.)* Ну, что зенки-то на меня вылупил. Глупый, думаешь, я зачем на болото тебя тащила? А затем, что Звёздочка твоя ушла туда и просила тебя, дурня, на болото привести.

ЦВЕТОЧЕК: Неправда!

СТРАШУХА: *(Цветочку).* Цыц! Молчи, пока я тебе все лепестки не повыдергала!

ЦВЕТОЧЕК: Ой-ёй-ёй!

МОХОВИЧОК: И что же она делать собралась на болоте?

СТРАШУХА: *(в растерянности).* Она-то? На болоте?

МОХОВИЧОК: Вот именно, на болоте.

СТРАШУХА: Какой же ты недогадливый. Она лес увидела?

МОХОВИЧОК: Увидала.

СТРАШУХА: Вот. А ведь на болоте она ещё ни разу не бывала, тины не нюхала, квакушек не слушала, по кочкам не прыгала, с пиявками не игралась. «Как же, – говорит, – я на небо вернусь, а болота не увижу? Хочу, – говорит, – чтобы мне Моховичок экскурсию устроил по болотным местам!»

МОХОВИЧОК: Ни к чему ей болото. Я отговорю Звёздочку. Она там перепачкается вся. Где она?

СТРАШУХА: Где-где – на болоте. Уже битый час нас дожидается.

ЦВЕТОЧЕК: Неправда! Здесь её Страшуха спрятала.

СТРАШУХА: Что за болтливые цветы у нас в лесу – минуты не могут помолчать! *(Снимает с себя моховую жилетку и набрасывает её на Цветочек.)* Всё – ночь пришла, спать пора!

МОХОВИЧОК: Звёздочка, ты где? *(Ходит по полянке в поисках Звёздочки.)* Отзовись!..

СТРАШУХА: Нету её здесь, клянусь тебе жабыим глазом!

МОХОВИЧОК: Не верю я тебе.

СТРАШУХА: Ах так, не веришь?

МОХОВИЧОК: Не верю.

СТРАШУХА: Ну, ладно, не поведу я тебя на болото – прямо здесь заколдую!

МОХОВИЧОК: Как это без моего согласия ты меня заколдуешь?

СТРАШУХА: Очень легко. Берём веточку от болотного куста *(достаёт веточку)*, достаём грибного порошка *(достаёт пригоршней из мешочка грибной порошок, и сдувает его на Моховичка)*, гоним с болота туманные ветра *(махает руками, как будто нагоняя ветер с болота)* и говорим волшебные слова! *(Читает заклинание.)*

Драматургия

По земле туман стелись,
Друг иль враг – остановись!
Мох-поганки-мошкара,
Стань недвижим, как гора.

*Моховичок замирает не месте, заколдованный
Страшухой.*

Не хотел по-хорошему на болото возвращаться, ну, ничего, я туда силой тебя приволоку! Та-ак, сейчас на спину взвалю и, как мешок, утащу!..

Страшуха пытается сдвинуть Моховичка с места, подойти с разных боков, взвалить на себя, но он, словно памятник, прирос к земле.

Фу ты, чугунный прямо!.. Ладно. Сначала мы тебя волшебным зельем напоим, в лешего обратно превратим. А там уже сам до болота добежишь...

Она берёт горшок с зельем, и пытается напоить Моховичка из горшка, но у него закрыт рот, и зелье проливается на землю.

Фу ты, голова безмозглая, у него же теперь и рот окаменел! Ух, что же делать-то, а?.. Неужто расколдовывать, а?!

Картина пятая

В это время из дупла появляется Звёздочка.

ЗВЁЗДОЧКА: Бабушка, ну, сколько можно дерево держать, корни, наверное, приросли уже к земле. (*Замечает Моховичка.*) Ой, кто это?

СТРАШУХА: *(закрывая Моховичка своим телом).* Да так... Шёл мимо один лешачок. Вот. И в камень превратился. Нельзя на него смотреть, а то сама закаменеешь!..

ЗВЁЗДОЧКА: А почему он превратился?

СТРАШУХА: *(огрызаясь).* Много будешь знать, как я состаришься! Иди в дупло, пока я тебе не припечатала, как следует! *(Грозно размахивается кулаком.)*

ЗВЁЗДОЧКА: *(возмущённо).* Бабушка, как это вы со мной разговариваете!

ЦВЕТОЧЕК: Никакая она не бабушка. Это Страшуха-Зеленуха. Сама Моховичка заколдовала, меня напугала, а теперь ещё и драться лезет.

ЗВЁЗДОЧКА: Ах вот как... *(Разочарованно.)* А я-то вам поверила, а я-то думала, какая милая бабулечка, думала, пойдём втроем к Радуге-дуге, попросим у неё цветных стёклышек, будем дружить, будем вместе играть... А вы, оказывается, вон кто. Значит, вот он какой – самый грустный день в моей жизни.

СТРАШУХА: Подумаешь – самый грустный день. Я, может, всю жизнь звёздочкой хотела стать, а стала лешачихой.

ЗВЁЗДОЧКА: Но ведь дело не в платье и не в хрустальной шапочке, а всё в тебе. Ты помнишь, что говорил Моховичок, если ты кому-то улыбнёшься от всего сердца, то тебе обязательно улыбнутся в ответ, а значит, вокруг станет ещё светлее! Ну, улыбнись, Зеленушка!..

СТРАШУХА: От всего сердца? Сейчас попробую.

Страшуха улыбается, сначала у неё это плохо получается, но потом улыбка становится всё естественнее и заразительнее и, в конце концов, они со Звёздочкой начинают от души смеяться.

Драматургия

Пока они смеются, над полянкой разворачивается радуга и оживает Моховичок. Сверху из самой радуги сыплются цветные стёклышки.

ЗВЁЗДОЧКА: Ура-а! Посмотрите на небе радуга!

МОХОВИЧОК: Ура-а! Радуга-а!

ЗВЁЗДОЧКА: Ой, Моховичок расколдовался, ура-а!..

СТРАШУХА: Это потому что я теперь уже не злюся-а!.. Потому что я вся добрая-а!..

ЗВЁЗДОЧКА: Смотрите, радуга дарит нам стёклышки! Цветные стёклышки! Цветочек! Моховичок!

МОХОВИЧОК: Ух ты, какие красивые!..

ЗВЁЗДОЧКА: (*глядя на Страшуху через цветное стёклышко*). Зеленушка, ты стала жёлтая, как солнышко!..

СТРАШУХА: (*глядя на Звёздочку через цветное стёклышко*). Ух ты, а ты прямо, как помидор, красная вся!..

МОХОВИЧОК: (*смотрит в зал через цветные стёклышки*). Ух ты, какие вы все красивые!..

Друзья ловят на лету цветные стёклышки, смотрят через них, смеются, танцуют и поют.

ВСЕ: (*поют*).

ФИНАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

I

Радуга в небе согнулась дугой,
Всех приглашая в мир добрых чудес.
Нежно укрыл небосвод голубой,
Реки, поля и наш сказочный лес
Полный чудес.

II

В нашем лесу очень славный народ:
Здесь на ветру напевает листва,
Водит с цветами весь день хоровод
На изумрудной поляне трава –
Эта трава.

III

Стёклышки – это всего лишь игра,
Главное, дружба и радостный смех!
Пусть будет счастлива вся детвора,
Пусть это солнце смеётся для всех –
Сразу для всех!

Занавес





Татьяна МАЛИКОВА

Красное озеро

По легенде жил в конце XVIII века в Тамбове комендант Булдаков, отличавшийся особой жестокостью. Поговаривали, что и не человек он вовсе, а волк-оборотень. И не было ему большей радости – чем мучить и истязать своих пленников. Тела убитых сбрасывали в озеро. От крови вода озера становилась красной. Так его и прозвали...

В Красном озере вода – солона на вкус.
Зачерпнёшь рукой – не пей – выплесни в песок.
Наклонился над водой волчьих ягод куст.
С-под него ручьи бегут – мёртвый и живой.

Татьяна Олеговна Маликова – поэтесса, член Союза писателей России. Окончила ТГТУ, Высшие литературные курсы. Кандидат филологических наук. Работает в музейном комплексе «Усадьба Асеевых». Печаталась в журналах «Подъём», «Российский колокол», «Юность» и других. Автор нескольких поэтических книг, либретто и переводов. Лауреат премии имени В. Богданова.

В Красном озере вода – вязкая, как боль.
По запястьям оплетёт – сердцу не вздохнуть.
Бьётся, мается, зовёт – голос ли прибой –
Ближе к краю подойти, в омут заглянуть...

В Красном озере на дне не увидишь дна,
Бойся ноги замочить – чуешь ли беду?
А наклонишься к воде, лучше бы не знать –
Берега зачем круты, чьи тайны берегут.

Полоснёт по камышам солнца острый серп,
Брызнет тёплая заря и окрасит плёс.
В Красном озере вода – сладкая, как смерть.
Поминальным киселём стынет сок берёз.

Тополиных свеч канон гаснет на ветру,
Ржавью спекшейся саднят раны у рябин.
Вспомни всех по именам, кто схоронен тут,
Месяц хлебом надломи – помолись по ним.

В Красном озере вода – тихая, как стон.
Плач ли шёпот по волнам рябью пробегут
Ветер сдавленно вздохнёт, да не скажет он –
Берега зачем круты, чьи тайны берегут.

В Рождество...

памяти Виктора Ивановича Герасина

И птицы летели,
и падал снег,
и не было смерти...
Не ты изменился,
а мы не те –
из плоти и сплетен.
Дыхание сбито
и губ не разжать:
что скажешь – всё мелко.
С бумажного венчика
смотрит Мать,
я рядом – подделка.
Душа моя лжива,
дела горьки.
Что я ей отвечу?
Ты голубя кормишь с пустой руки.
Ты – светел.
Ты – вечен.
А я у приступка
смотрю на свет –
запомнить пытаюсь:
Как птицы летели,
и падал снег –
неспешно... не тая...

Мне бы милости...

У каких икон Богу кланяться?
На каких ветрах голосить?
Поздно ль каяться, полно ль маяться –
у кого мне судьбы просить?!

И обласкана, и оболгана –
всяко было и всяко есть.
Думы белые, думы чёрные,
думы алые ... Кто я есть?

Придорожным костром пропахшая,
босиком, да подол в пыли...
А что дорого мне – не спрашивай:
сын и песня – не разделить.

Молоком я кормила первенца,
кровью – слово, да сыты ли?
И воровка я, и изменница,
недодавшая им любви!

Только сила моя кончается,
а их жажды не утолить!
Только третий мне не встречается –
кто бы смог меня напоить...

И стою я, с душой искромсанной,
солнце жёлтое сжав в горсти!..
Где Ты, Господи? Слышишь, Господи, –
Мне бы милости попросить...

Душа – как хлеб

Душа – как хлеб: рождается в печи,
И с каждым часом – черствеет и стынет.
Искрошится, истрётся в ком земли –
Пшеном погостным перекрестят имя...

Душа – как хлеб: из печи да на стол –
Родильный, белый, кипенный, крахмальный...
А после – чёрный, скорбный, поминальный –
Под плач старух и карканье ворон.

Приходит смерть в пурпурных башмачках,
И пляшет, пляшет, хлеб ломая, крошит!
Я шорох платья ощущаю кожей,
Стук клювов, чётко, имя на губах.

Душа – как хлеб. Ломай её и рви!
Пусть будут сыты – птицы, псы, бродяги!
Животвори причастием любви –
В миру, в дому, над хлебом, на бумаге.

Вечеря...

В который раз мы преломляем хлеб,
В который раз идёт по кругу чаша...
Но Гефсиманский сад я вижу чаще,
В твоих глазах прочесть надеюсь: «Нет».

В который раз ты просыпаешь соль,
И я хочу не придавать значенья...
Но так похож Рождественский сочельник
На скорбный вечер пятницы страстной!

И я прошу: не зажигай огня –
Я не могу смотреть в глаза чужие.
Мы вместе, помнишь, истине служили?..
Какой ценой – ты предаёшь меня?

Молчанье разбивается, звеня...
И хочется сказать тебе: «Скорее!».
Уже я слышу стражников в алее...
Ещё я верю: Бог хранит меня.

Люблю

Мы с тобой заблудились – в ресницах уснувшего лета.
Мы по снам разбрелись и очнулись – уже в сентябре.
Ели солнце горстями – с калиновым вкусом рассвета
И маршруты ладоней сверяли – с резьбой по коре.

Мы настолько другие – что я тебя сразу узнала.
Та же осень в глазах, тоже сердце – навывлет – дождём.
И бледнеет в зрачках отражение окон вокзала –
Обещаньем бессмертья: ведь мы никогда не умрём.

Роженица-луна

Роженица-луна простыню голубую измяла –
Потаённые стоны и алые пятна зари...
Я лежала в крови и кричала, от страха кричала,
И искала губами набухшие груди земли.

Я росла не по дням, наливаясь и мёдом и ядом.
Всеми песнями трав отзывался мой сбивчивый слог.
Я училась читать по изломам черёмух и яблонь –
Как слепая, касаясь ладонью морщинистых строк.

Окрестили меня в тихой церкви, где свечи и шёпот,
Где святые смотрели – кто грозно, кто с лаской со стен.
Окунаясь в купель, я смывала гордыню и ропот,
А навстречу мне солнце вставало с распухших колен.

Сладкий Благовест, мати, – я чувствую звонкую силу!
Мне бы время замедлить – ладонью воды зачерпнуть.
Корни судеб людских прорастают в плакучие ивы...
Корни трав напою, чтобы к солнцу продолжили путь.

Звонарь

Бьёт звонарь-сосна в лунный колокол –
И струится звон, словно молоко.
А к полудню бьёт в златокованный –
Словно мёд течёт в сито облаков.

Пьёт горстями лес знойный Благовест,
И звенит трава: жажду утоли!
А по всем ветрам льётся: Радуйся!
Бьёт звонарь поклон Небу – от Земли.





Алексис МОИСЕЕВА

Вот бы всем нелюбимым до моря билет без возврата,
Чтобы волны лечили от боли усталые души.
И шептали легенды, что правдой считались когда-то.
Когда слушаешь, собственный голос становится глуше.
Когда слушаешь, собственный голос теряется в мире.

Можно стать беззаботным и плыть – по теченью ли, против,
И в глаза посмотреть глубине, серебристой, безмолвной.
И найти себя так, в одночасье, в каком-нибудь гроте,
Ощущая, как в сердце бесшумно вливаются волны.
Ощущая, как мир постепенно становится шире.

Почему-то у моря и хочется быть одиноким.
В городах переполненных это мучительно страшно,

Моисеева Алексис (Ветер) родилась в селе Сокольники Моршанского района Тамбовской области, окончила ТГУ им. Г.Р. Державина. Публиковалась в «Рассказ-газете», в журнале «Подъём» (Воронеж), в коллективных сборниках «Молодые голоса», «Излучение», «VII литературные чтения им. Евгения Белянкина». Увлекается классической литературой. Живёт в Тамбове.

Поэзия

Мы друг другу не так уж близки и не очень-то волки,
Просто там запрещается думать с теплом о вчерашнем.
В городах запрещается просто о ком-нибудь думать.

Впустишь мысли в свой дом – пропадёшь ни за грош, как
бездельник.

А захочешь обнять, так для выстрела будешь открыт.
Хорошо, когда можно сказать – виноват понедельник,
В том, что не голливудский сегодня (и в общем-то) вид.
В том, что бессонница может подкрасться как пума.

Всем нелюбимым до моря положен билет.

Встрёпаны волосы. Задраны рукава.
Я всего лишь прохожий. Мне встречные – трин-трава.
Пролагаю маршрут взбесившимся кораблём.
Мой автобус. Склоняюсь варваром над рублём
И влетаю в крушение в куртки и в полушубки.
Оправдания к чёрту. К нему же мой рост и шутки.
За окном безразлично тонут дома-киты
В полумраке холодных улиц. А их хвосты
Напоследок ударят светом. Прощай? Прощай.
Где-то в мире моя квартира, в ней книги, чай.
Ты, наверное, на одном из краёв земли.
Рядом ходят совсем такие же корабли,
Как и я. И стирают флагом мои черты.
Может, это портрет настолько уж был простым,
Что они, наконец, сумели, они смогли
Стереть меня незаметно с твоей Земли.

Всё, что есть у меня – горсть обветренных звёзд.
Их, наверное, выронил месяц, играя.
Я сижу, и надежды сшиваю внахлёст,
Чтоб хотя бы одна получилась живая.
И от старого есть самолёта крыло,
То, что помнит, как небо его целовало.
Только это не слишком ему помогло,
Или просто любви оказалось здесь мало.
Есть шарманка, в ней вместо звучания скрип.
Есть замок без ключа от беспарусной лодки.
Сон о городе, где не горят фонари,
И где ветер из листьев собрал себе чётки.
Одиноко звучит недопетый мотив.
И я в шёпоте моря отчётливо слышу:
«Как же снова мне встретить тебя на пути?»
Только встреча – одно. Не остаться бы лишним.
Я сижу на песке и сшиваю внахлёст
То последнее, что ещё может быть светом.
Месяц бармену бросил пригоршню звёзд,
И, качаясь, ушёл в бесприютное лето.

Как улиц обезлюдевших напев,
Как скрип калитки вечером осенним,
Порой как ветра жалобы в трубе,
Что с каждым годом только откровенней,
Идут слова на пустоту листа.
Приходят, не спросив, а тот ли адрес.
Нельзя ни позабыть, ни перестать.
Вся жизнь как абрис –

Набросок, где пока одни штрихи.
Без чёткой цели.
И джинн в бутылке погрустнел, затих.
«Что вы хотели?»
Не скажет. Бросит кратко: «понедельник».
И стоит понимать, что выходной.
Я у него не попросил бы денег,
Я бы просил поговорить со мной.
И выпить чай, и вспомнить, что на свете
Есть теплота.
И захотеть, как могут только дети,
Дожить до ста.
Но улиц обезлюдевших напев
Неугомонен.
Мой славный джинн, расскажем днём, в толпе
О фараонах.
А ты ещё покажешь горсть песка
Из Ойкумены.
Слова... Слова то пули у виска,
То в море пена.
И знает он, что в комнате моей
Они не гости –
Жильцы как минимум. Я лишь среди теней
Большого роста.
В любимой кружке остывает чай.
В нём лампа – солнцем.
Покажется, как будто невзначай,
И вновь вернётся
На потолок. И улыбнётся джинн
Во сне чему-то.
И ничего, что снова я один
Встречаю утро.

Посмотри на меня, если сможешь, но не свысока.
Рано, поздно, душа истончается и устаёт
Для отверженных небом огонь из себя высекать.
И тогда, забыв обо всём, выбирает полёт.
Расколовшись, становится ласкова, даже легка.
И, прощаясь, в ладонь тополиным опустится пухом.
И неясное что-то уловит в молчании слух. Ты
Испугаешься, вздрогнешь. А станешь источник искать –
Обезлюдела улица. Рядом с тобой никого,
Ни какой-нибудь птицы, ни даже бродячей собаки.
Чувство, будто тебя посадили в товарный вагон,
Отцепив его где-то в степи, где жилья нет и знаков,
Что могли бы тебе указать приблизительный путь.
И остались на собственный выбор все стороны света.
Будто кто-то насмешливый смог бы винить тебя в этом,
Постараешься жгучие слёзы украдкой смахнуть.
И, наверное, так (к сожалению) станешь взрослей,
Когда ты, задыхаясь от крика и быстрого бега,
Станешь искать меня в сотне других тополей,
Пушинку среди тополиного летнего снега.
И лето прошло. Пусть походка всё так же легка,
Притаилось в глазах что-то горькое. Иглы – ресницы.
Моя милая, ты не сумела меня отыскать.
Посмотри в небеса – я перо улетающей птицы.





Александра НИКОЛАЕВА

Бессонница

Если б я не страдала бессонницей,
Желтоглазой луны не боялась,
В голове моей, в камерной звоннице,
Ещечочно б соната рождалась.

И кружились дизезы с бемолями
Над лиловой горой одеяла,
И душа моя нежной магнолией
Сквозь телесный сосуд прорастала.

Через огненный космос мелодия
Поднималась тропинкою звёздной...
Только душу лечить от бесплодия
Оказалось мучительно поздно.

Александра Николаевна Николаева – поэтесса, член Союза писателей России. Окончила ТГУ им. Г.Р. Державина и аспирантуру. Кандидат исторических наук. В настоящее время работает сотрудником Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина. Публиковалась в центральной и региональной прессе («Литературной газете», журналах «Подъём» и «Наша молодёжь»). Автор трёх поэтических сборников. Руководитель поэтического объединения молодых инвалидов «Шатёр» при ТОУНБ.

Мне всё кажется, ветреной конницей
Эта музыка вдаль улетела.
...Если б я не страдала бессонницей,
Я её бы услышать хотела.

Каждая дочь повторяет судьбу своей матери,
Смерть и рождение, радость и боль сопрягая.
В мире оставит, как строчку в большой хрестоматии,
Гордую душу и в небо вернётся, земная.

Вырастет, выстоит спутницей ветра печальною –
Корни могучие у одинокой полыни –
Сеять и жать, зацеловывать в губы отчаянно,
Верить – до боли – глазам ослепительно синим.

Сказки нестрашные тихим загадочным голосом
Внучке рассказывать о колдунах и царевнах
И золотистыми лентами тёмные волосы
Ей заплетать под напев упоительно древний.

Каждый мальчишка руками отца восхищается,
Матери вскормленный грудью для будущей жизни.
К ниве припала согбенная ива-молчальница –
Старая мать на своей неприкаянной тризне.

Сказочник

Только в детстве небо и полёт
Радостью казались изначальной.
В нашем доме сказочник живёт
Старый, седовласый и печальный.

Слишком неприютна и тесна
Сказочника бедная каморка:
Паутина, холод, тишина
И мышами съеденная корка.

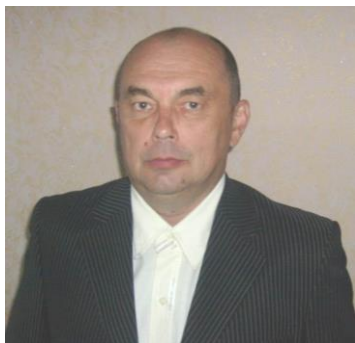
Что за новость? Нищим старикам
Жизнь давно постыла на планете...
Но проходит ночь, и по утрам
Он с подарками выходит к детям.

Будто драгоценные миры
Щедро из кармана доставая,
Продаёт воздушные шары
И воздушных змеев из Китая.

И порой мне хочется купить
Быстрого крылатого дракона,
Чтобы на руках его носить
Или привязать его к балкону.

Чтобы там, в убогом чердаке,
В комнате под самой-самой крышей
Сказочник увидел вдалеке.





Владимир САШИН

Здесь живут ветераны войны
Свежий ветер смахнёт паутинку
С твоих окон, заброшенный дом,
И почудится, будто слезинку
Ты столетним смахнул рукавом.

Дверь открыта, входите же, гости,
Только тишь над деревней звенит,
Словно старые белые кости,
Солнце вырвет из мрака в зенит.

Поднимаясь над вымершим краем,
То не кости белеют – дрова,
Их хозяин сложил за сараем,
Бирюзой их накрыла трава.

Сашин Владимир Алексеевич – поэт, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в 1972 году в с. Берёзовка Токарёвского района Тамбовской области. Окончил ТГУ им. Державина. Работает тележурналистом. Публиковался в региональных изданиях. Автор трёх поэтических сборников.

Нету птичьего бойкого гама
Среди жуткой такой тишины,
Лишь табличка вещает упрямо:
«Здесь живут ветераны войны».

На двери покосилась табличка,
Покосилась иконка в углу:
«Проходите же, гости, к столу», –
заскрипит лишь в сенях половичка.

Приглашая стыдливо к столу,
Зашуршат из чулана газеты,
Много их на дощатом полу,
Все лежат, в пыльный саван одеты.

Прошлой жизни лежат очевидцы
Из ушедшей эпохи газеты,
Пожелтели, помялись страницы
Прошлой жизни, а нынешней нету.

Я вижу, как ложится свежий снег,
На улицы, дороги, переулки,
Струится дым над старой караулкой,
И время словно тормозит свой бег.
Какая-то далёкая печаль
Лежит над оснежёнными домами,
Как будто те, что нынче уж не с нами,
Пришли через неведомую даль,
Глядят они нездешними глазами,
Сквозь толщу туч и падающий снег,
И видят, слышат, ощущают тех,
Кто здесь ещё и держит свой экзамен.

Старик

Звонко льются весенние воды
И шумят от зари до зари;
«Эх, отменные нынче погоды», –
Скажет старый, как старость, старик.

На завалинке он самосадам
Задымил и сощурил глаза
Поглядеть, как у речки за садом,
Распустилась тугая лоза,

Как стальной острой ребята
Бьют тяжёлую шуку в воде,
И счастливой улыбки не спрятать
В поседевшей его бороде.

Скажет ласково: «Ишь, бесенята,
Ловко бьют, да и рыба крупна.
Так и мы промышляли когда-то,
Что ж, любая работа трудна».

Замолчит, лишь своим самосадам
Задымит он чуть-чуть посильней,
Поглядит, как сияет за садом
Бирюзовый ковёр «зеленей».

«Холода пережили – и славно,
Будут с хлебушком наши дома,
Ишь какие, ну, прямо забавно,
Хоть и выдалась лютой зима».

Дед умолк, задрожали ресницы.
Ох и едок взрастил самосад,
А над клином озимой пшеницы
Занимался весёлый закат.

Встреча

По земле зима гуляла
Полторы недели,
На скамеечки вокзала
Старички присели.

– Чьих же будешь, старина,
Вятских иль Бугровых?
Как здоровье, как жена,
Или уже вдовый?

Что, да как, да что почём –
Разговор обычный,
Вроде будто ни о чём,
А дедам привычно.

Магазин давно закрыт,
Кладбище большое?
– Печка вовсе не дымит,
А внучонков двое.

– Слава богу, чином всё:
Огородик, баня,
Водим кур, козу пасём,
Не хитры старанья.

– Пенсион приносят в срок?
Бабка не бранится?
– Засолил капусту впрок.
Сыновья в столице.

Долго ль будем воевать,
Скоро ли реформа?
Эх ты, жизнь, едрёна-мать.
Будто хлебец чёрный.

Горячится старичок.
Самосадам пышет.
Первосортный табачок
Сигарет почище.

Голубой дымок плывёт,
Поезда грохочут.
Снег идёт, и жизнь идёт,
День сменяя ночью.

Много ль на селе коров?
Уродилось просо?
– Да осталось пять дворов
В наших Белых Росах...

– Смерти боязно, земляк?
Или не сдаёшься?
– Что ж, её боится всяк,
Тут не посмеёшься.

Может запросто свалить,
Тут уж не до смеха.
Мне б ещё годок пожить.
Мне туда не к спеху.

– Не сдавайся, старина,
Может, и не свалит.
Жизнь, она всего одна,
Две дадут едва ли.

Что отписано кому,
Так тому и сбыться.
– Жутковато мне в дому,
По ночам не спится.

Всё в окно глаза деру
Ночью непогожей.
Хата наша на юру,
Не видать прохожих.

– И у нас тоска в селе,
Посреди акаций.
В праздник шёл навеселе,
Не с кем поругаться.

Я в селе один мужик:
Пятеро старушек,
Никуда не убежишь
Из своих избушек.

Стал декабрь, следы ищу
Живности лукавой.
По снежку тропинки шьют,
Ну а мне забава.

Как мальчонка, по следам
Рыскаю с рассветом.
Говорит моя «мадам»,
Дескать, стал «с приветом»...

А часы себе идут –
Близко расставанье,
Скоро поезд подадут
Вопреки желанью.

Не успели рассказать
Горемыки много.
Эх ты, жизнь, едрёна-мать.
Вечная дорога.

Притащились старики,
До своих старушек,
Потеплели огоньки
В окнах у избушек.

И до полночи глухой
Хвастали супругам,
Как в райцентре за рекой
Встретились друг с другом.

Впечатлений до весны,
Эка подфартило.
Старики-говоруны
В деревеньке милой.

Будут часто вспоминать
Встречу на вокзале.
Эх ты, жизнь, ядрёна-мать,
Ведь не всё сказали!





Валерий ХВОРОВ

Из цикла «Философия любви»

Красотка с профилем Ахматовой

Шла красотка в накидочке матовой,
Был высок её профиль Ахматовой.
Грациозна, походкой не резкая,
И дорога по городу веская.
Может, Анна, а может, Мария?
Воплотилась в ней светом Россия.
Исчезают все признаки стресса,
Когда рядом мечты поэтесса.
Вот бы молодость встретить судьбины,
Чтоб увидеть цветенье рябины.
И прекрасную статью Робин Гуда
Возвратить пожеланием чуда.
Чтоб подруге в накидочке матовой

Валерий Михайлович Хворов – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1957 году в с. Беломестная Криуша Тамбовской области. Закончил исторический факультет Тамбовского педагогического института. Публиковался в журналах «Наш современник», «Подъём», в региональных изданиях, автор десяти книг стихов. Живёт в Тамбове.

Рисовать её профиль Ахматовой.
Только осень листвой забуянила,
Душу холодом истины ранила.
Отгулял, отлюбил своих суженых,
В брюках клёш и безумно зауженных.
Всё же профиль прекрасен Ахматовой
Незнакомки в накидочке матовой!

Светится ветка сливы,
Ахну и сладко вздохну.
– Как же деревья красивы! –
Настежь окно распахну.

Радость цветения Мая,
Бытности не истребить.
Сердцем природе внимая,
Хочется ближних любить!

Запахи милые всюду,
Тоньше любых величин.
Жизнь приближается к чуду –
Люди идут без личин!

Прошедшая любовь

Закружится и станет незаметной
И устремится в небо без мольбы
Минута нашей встречи безответной
На перекрёстке ветреной судьбы.

Пути сошлись остуженных скитальцев,
Холодным ливнем призрачных причин.
О, как я целовал ледышки пальцев,
Когда был наилучшим из мужчин!

О, как я обожал былую нежность
Твою, не искущённую в распыл!
И счастья неизбывную безбрежность
Свободно дополнял душевный пыл.

Расстались необычно, не тревожно
Без ругани, без слёзного: «Прости!»
И жизнь прожили смутную безбожно,
Чтоб встретиться и взгляды отвести.

Философия любви

Всё зерно отношений смолото,
Но помол не похож на золото.
Встанет тесто, веселью подобное,
Предвещая лишь печево сдобное.

Пироги, калачи да бублики –
Хороши для приятной публики!
В остальном ничего надёжного,
Много зыбкого и непреложного.

Вот луна воспарит бескрылая –
Целовать тебя буду, милая!
И ввергать тебя стану в страстную
Суть хрустальную, но прекрасную!

Сбережём, что судьбой не сколото,
Превратим философию в золото.
Лунный полог сольётся с гранями,
Нас, влюблённых, лаская тканями.

Ветер скитаний

Играли в простые бирюльки
И в школу ходили вдвоём.
Сбивали с задором сосульки,
Заснеженных крыш окоём.

Дружили легко и свободно
С девизом: «Поярче гори!»
– Ассоль! Вам увидеть угодно,
Корабль с парусами зари?!

– Джульетта! Вы розе сказали,
Что роза прекрасна всегда!
В мечтах мы себя убеждали:
Любви не погаснет звезда.

Погасла звезда дорогая
Над бездной идейных причин.
Россия воспряла другая,
С базаром лукавых личин.

Ты виделась рыбной торговкой
И сводницей в блудном труде.
Ассоль! Я с судьбою неловкой,
Не стал капитаном нигде.

В безумной среде обитаний,
Чуть-чуть коммунизма правей,
Мы встретили ветер скитаний,
В пустыне надежды своей.

Взаимная возможность

Блистают люди доброты
В своих поступках неустанно!
Я верю, мудрым станешь ты,
Предавший дружбу окаянно.
Ошибки наши на весах
Бесстрастный рок уравновесит!
Я верю, зло в твоих глазах
Соринок мизерных не весит.
Отринь мираж пустых причин,
Мой недруг правил не лощёных,
Чтоб сбросить пугала личин
В дни покаяния с прощённых!





Александр АКУЛИНИН

Александр Михайлович Акулинин родился в селе Большая Лозовка Токарёвского района Тамбовской области 26 июня 1938 года. Литературой увлекаться начал в школьные годы. С 1957 года жил в Тамбове, работал на стройке, сотрудничал с областной молодёжной газетой «Комсомольское знамя». В 1959 году уезжает на строительство алюминиевого завода, в г. Сталинск (Новокузнецк) Кемеровской области, где работал бригадиром электролизного цеха и в качестве нештатного корреспондента сотрудничал с газетами «Кузнецкий рабочий» и «Комсомолец Кузбасса». В 1962 году вышел его первый рассказ «Нештатный». В 1973 году уже в Тамбове в газете «Комсомольская знамя» была напечатана повесть «Шурка-поводырь». Стал участником 6 Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. В 1975 году повесть «Шурка-поводырь» напечатана во Всесоюзном журнале «Волга», а в 1976 году издалась отдельной книгой в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. В 1977 году по этой единственной книге (редчайший случай) принят в Союз писателей СССР. С 1990 года являлся учредителем и главным редактором издательства «Книжная лавка писателя», им издано около 500 книг и 120 номеров

Имена

«Рассказ-газеты». С 1990 по 2003 год возглавлял Тамбовскую областную писательскую организацию.

Награждён Почётной грамотой (1996) и Благодарностью (1999) Союза писателей России. За литературно-издательскую деятельность награждён литературной премией им. И.Г. Рахманинова. Награждён премией им. Г.Д. Ремизова. Присвоено Почётное звание «Заслуженный работник культуры РФ». За большую работу по увековечиванию памяти поэта Вячеслава Богданова награждён Дипломом лауреата Литературной премии «Светунец». В 2007 году признан лауреатом Российской литературной премии им. М.Н. Алексеева за «Избранное» за верность деревенской теме. В том же году Постановлением областной Думы и администрации области, в год 70-летия Тамбовской области за вклад в развитие литературного дела награждён Почётной грамотой.

Песня для Юльки

На побывку в деревню старались угодить в конце августа, когда, как говорит дядя Митрий, начинается огородная страда.

Приехав, я не брожу по сельским тропкам, оглядывая окрест, некогда. Надо помочь престарелой матери убраться с огородом, подправить избу. Пока исполняю эти дела, мать припоминает деревенские новости от отпуска до отпуска. Не ахти их сколько, но родительница ухитряется что-нибудь да позабыть. Приходится соседу, дяде Митрию, дополнять.

С дядей Митрием у нас дружба давняя и тёплая. Хотя по возрасту я ему в сыновья гожусь – это не помеха. При первой встрече угощаю его дорогой папироской, это стало традицией, и не торопясь, говорю:

– А ты ещё ничего: вроде бы и не постарел.

Он подмигнёт и сипловато засмеётся:

– Скажешь тоже, не постарел... А то я не чую... На целый вершок понижел. К земле гнусь...

Лицо у дядьки приметное. Над правым глазом ямка – след от пули, которая воткнулась в дяди Митриев лоб под Вязьмой.

Случится ли дождичек, либо какой праздничек подоспеет и целый день наш. Дядя Митрий по такому случаю обычно говорит:

– Пущай мешки отдохнут.

Я раздобуду малую толику выпить. Сосед, перед тем, как начну разливать, уговаривает:

– Ты не торопись, не зайца гонишь...

Это означает: наливай помаленьку, пусть, мол, подольше покачивается вино в посудинке.

После первой выкладывает все деревенские новости. Когда припоминать нечего – взгрустнёт.

– Почитай годков пять в нашем конце деревни все помирают да помирают и никто не родится. – Помолчит, подымит сигаркой. – Да и родить-то некому: все рожалки в городе. Одна Юлька... Опять же, одной ей такого дела не сделать. А жениха подходящего нету...

Тут самое время наливать по второй. И пойдёт у нас разговор про «жисть нашу» и про всякие проблемы. Незаметно придём к песне. Дядя Митрий будто невзначай кинет:

– Давай, забунивай.

И я начинаю. Пою басом, буню. Дядя Митрий ведёт свою партию высоко-высоко, не спеша, раздольно. Споём и «Летят утки», и любимую дядькину песню «23-е сентября»... Затянем третью. Тихонько откроется дверь и неслышно войдёт Юлька. Легонько кивнёт головой и припустится в укромном уголке. Мы знаем, пришла послушать и потому не прерываем песню: наоборот, начнём

Имена

стараться. Дядя Митрий, наверное, оттого, что жалеет Юльку и хочет ей угодить, а я не знаю почему. Поём длинную-предлинную песню про девицу, которую ищет над Доном казак молодой. И про то, как плохо ей нагадала цыганка, про молодца-казака, который не верит цыганкам, и про то, как построил он мост чугунный, чтоб прийти к девушке, и про то, как «рухнул» мост.

Юлька сидит не шелохнется. Смотрит на нас большими, чуточку раскосыми глазами и видится в них мольба – спеть куплет, в котором дошёл бы казак до девицы. Но нет таких слов в песне, и нам всем троим делается грустно.

Юлька – моя сверстница, у неё больная мать. Живут они в чистенькой небольшой избёнке. Когда я вспоминаю Юльку в городе, мне всегда хочется сделать для неё что-нибудь радостное, весёлое. Но рядом с ней я теряюсь. Она такая светлая, доверчивая, и верно поэтому, мне кажется, всё, что я не сделаю для неё – всё это будет малое, ниикчёмное...

Немного погодя, затягиваем «Степь да степь кругом»... Неторопливо течёт время: то поём, то поговариваем. К полудню Юлька уходит. На её плечах изба, хозяйство, а там не всякое дело терпит. Когда звякнет щеколда сенечной двери, дядя Митрий покачает головой и густо-густо задымит сигаркой.

– Какая баба пропадает. Ить поглядеть и то красота. Ей бы мужика ённого, она б одна на всю нашу деревню ребяток нарожала...

Вдруг резко, с прищуром, глянет на меня и строго спросит:

– До коих же пор одиночествовать будешь? Не пора ли семью-то организовывать?

Я неопределённо жму плечами.

– Возьми Юльку. Глядит она на тебя хорошо.

Мне делается жарко, я, наверное, краснею. Чтоб «переменить тему разговора», начну нашу любимую песню – «Степь широкая».

Не длинная эта песня, но по какому-то злому року нам редко удаётся допеть её без приключений. Что-нибудь, да случится. Я не помню всех происшествий, но вот, к примеру, года три-четыре назад в середине песни в окно кинулся петух и едва не перебил стёкла.

В тот раз мы сидели в избе дяди Митрия. Хозяин, сидевший у окна, с перепугу треснул кулаком по раме и так заковыристо выругался, что я рассмеялся. Дядька глянул на меня с укоризной и постучал себя пальцем по лбу.

– Смиеёссии. Выходит, соображения не имеешь. А мне ещё покойная мамаша сказывала, коль птица в окно бьётся – к беде, к крови. – Он опять выругался и направился к двери. – Я его стервеца за такое действие обезглавлю.

Через несколько минут, тяжело топя большими кирзами, натуженно пыхтя и ругаясь на чём свет стоит, возвратился с провинившимся петухом подмышкой.

– Ну, вражина голенастая, кайся!

Мне стало жаль петуха. Я уговаривал соседа, намекал на его отсталость, слабинку-то дяди Митрия знаю. И дядя Митрий отмяк:

– Поди ты и прав. Может он, стервец, не на меня беду накликает, а от своей безвыходности в окошко намырнулся.

Немного подумав, повеселел и совсем себя переубедил:

– Да, видно, так оно и есть. Ить курей-то двадцать с гаком, а он один, лопают отборную пшеничку, кровя в них играют, вот они его и закутузили. Тут ни то в окно, в колодезь сиганёшь. Я ему щас винца дам. Винцо-то, оно, любые невзгоды лечит.

Он ухитрился и вылил в клюв петуху немножко водки. Потом бережно отнёс на улицу.

– Щас он им раздокажет.

Петь нам тогда расхотелось и мы разошлись. Под вечер я повстречал дядю Митяя побитого, с расцрапанным лицом. На мой вопрос объяснил торопливо:

– По пьянке с лисапета трандыкнулся... Выходит, не зря тот стервец в окно кидался. Я со всего маху ахнул-ся. До помрачения в голове. Очнулся – без сапог лежу, ну, думаю, ушли сапожки. Глянул, а они под лисапетой лежат. Выходит, я из них высигнул. Во, а ты говоришь...

И ушёл озабоченный. Петух же его кукарекал всю ночь напролёт.

– Слышал? – спросил сосед поутру, – как винцо-то в нём разыграло. Вмах с панатальку сшибло...

А в прошлом году совсем другое приключение было. Едва я вывел «Степь широкая, степь раздольная» – дядя Митрий испуганно привстал с места:

– Погоди, моя бежит. Либо мы какой-то наказ забыли исполнить? – И тут же, схватившись за голову, запричитал, – телок-то у нас непоеный. Ну, попал я... Излупит она меня, как пить дать, излупит...

Я подумал, что он шутит. Но его жена, маленькая, шустренькая, востренькая неслышно впорхнула в избу, налетела, точно ястребок, вцепилась сухонькими ручками в седеющий мужнин чуб и звонко забумкала его головой о тесовую перегородку. Я хотел заступиться, но он, украдкой от жены, предостерегающе понял указательный палец.

Когда она, натешившись, ушла, я стал упрекать дядю Митрия. Мол, что ты мужик, если не смог отмахнуться от такой пигалицы. Как тут он взъерепенился! Не пришлось видеть его таким.

– Пигалица, говоришь? А моих сынов знаешь? Тот-то, ты против любого один на один не выдюжишь. Во ка-

ких орлов на свет произвела! А что меня маненько пошпыняла – сам знаешь, за дело... да и не до боляток – одна видимость. Пушай чуток разрядится. Небось, читал по газетам, в Америке вон резиновых человек для таких надобностей изготавливают. Распсиховался – бери палку и дубась для успокоения. Во, а ты толкуешь...

И в тот раз песня осталась недопетой...

В нынешнем году урожай выдался отменным. С утра до ночи торчу на огороде, а дел не убавляется. И вот ведь какая оказия: почти каждый день дождь, только нам с дядей Митрием не в радость. Сосед ходит сумрачный, сокрушается:

– Кровь в жилах стынет. На свет белый глядеть не хоча: ведь хлебец гибнет!.. будто сам на тот свет избы-ваешь...

По ночам сторожит он зерно на току, а днём копается на огороде неподалёку от меня. Нет-нет да перекинемся несколькими словами. Про песни же и разговору нет. Где уж там денёк потратить, минуты на учёте.

Дня за три до моего отъезда пришла к нам на огород Юлька. Мы с дядей Митрием сидели на узкой стёжке между огородами. Глянул я на Юльку и сердце моё захо-лонуло, – будто за него упало несколько дождинок: причиной были – Юлькины глаза. В них застыла большая грусть! И особенно стало не по себе от сознания: «Ведь я так и не сделал для Юльки ничего доброго».

– Мама совсем заплошала, – сказала она тихо. – Пришли бы вы... она просит.

Уходила Юлька медленно, я смотрел ей вслед и сердце моё теперь уж колотилось, будто дикий зверюшка, оказавшийся в клетке.

– Эх, жисть наша, туды её рассуды! Ить кого за па-зухой греет, а кого исподдаля держит...

Имена

Дядя Митрий выругался. Сидел он съёженный, распечаленный.

– Катерина-то, Юлькина мать, в молодости раскрасавицей была! Мы, бывало, за ней гуртом хаживали, взгляд её за большой подарок примали... А полюбился ей женатик. Да ты его, поди, ещё помнишь, он не в годах умер, Кузьма Ивин. Видом-то он был ничего, да умом какой-то несуразный. И с женой толком не жил, и с Катериной навреде кобеля обращался. А она, видно, из той породы баб, для которых любовь – что жизнь: есть любовь – есть жизнь, нет её – и жизнь кончена...

Дядька долго молчал, уставившись в землю. Мне думалось, что вспоминает он молодость, красавицу Катерину... И уж не знаю, как это получилось, но мне повержилось, будто и я там, в дяди Митриевой молодости, будто и я вместе со всем «гуртом» таскаюсь за Катериной, но не могу представить тётю Катю молодой и поэтому вижу в том времени не её, а Юльку...

– Ты нонеча одень белую рубаху...

Я вздрогнул от неожиданных дядькиных слов, уставился на него непонимающе.

– Рубаху, говорю, белую одень. Ты в ней делаешься похожим на ангела.

Я хотел возмутиться такой шуточкой, но вовремя понял – сосед не шутит.

К Юльке в дом мы пришли вечером. Уже огни зажгли. Тётя Катя, обложенная подушками, полусидела на кровати. Я едва-едва узнал односельчанку, так измучила её болезнь. Она слабо улыбнулась:

– Юля сказывала, песни вы хорошо играете. Сыграйте мне...

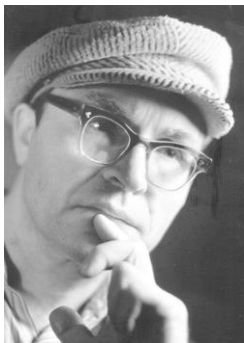
Юлька собрала на стол, поставила бутылку, села со мной рядом. Дядя Митрий отодвинул поллитровку, прокашлялся и запел. Он не потребовал от меня «забунни-

вать», я за это был ему благодарен. Я только где-то на второй песне пришёл в себя, «поймал настрой». Помогло мне пение соседа: свободное, широкое, и было бы грешно портить песню. Я старался как мог.

Чувствовалось – пение у нас получается, куда уж лучше, но тепла, света на душе, как в прежние наши «спевки», не было. Я люблю песню про молодца казака, она всегда мне казалась печальной, но никогда злой, а в этот раз показалась. Я смотрел на плачущую тётю Катю и залился на песню, за то, что не выдержал в ней мост. И вспомнились не кстати слова из другой песни, где «нельзя рябине к дубу перебраться». И такая накатила на меня тоска, ну, хоть вешайся.

«Неужели нельзя построить прочный-распрочный мост! – думал я. – Пусть бы шли по нему все, кто хочет быть вместе...» Оборвались мои размышления вместе с последним куплетом песни, мост всё-таки «рухнулся». Я посмотрел на бутылку, но дядя Митрий не захотел понять моего желания. Почти сразу же запел «Степь широкая, степь раздольная». И сердце моё замерло. Я увидел в этой бескрайней степи Юльку, одну-единёшеньку! Она идёт, идёт, куда – и сама, наверное, не знает, а вокруг ни души. Только степь, только ветер и Юлька. Она всё-таки упрямо идёт...

Я смотрю на Юльку, сидящую со мной рядом, машинально беру за руку. Она у неё доверчивая, тёплая. И тут же проблеск, будто молния – в голове мысль: «Нельзя же пускать Юльку одну, в такую дальнюю, трудную дорогу. Одна она не дойдёт!» И мысль эта приносит облегчение.



Семён МИЛОСЕРДОВ

Семён Семёнович Милосердов (1921-1988). Поэт, журналист. Родился 16 февраля 1921 года в посёлке Семёновка Тамбовской губернии в крестьянской семье. В Тамбове окончил среднюю школу, поступил в Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского, но окончить его не удалось из-за начавшейся войны. На белорусской земле, под Гомелем, получил тяжёлое ранение и в 23 года стал инвалидом. После демобилизации поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. В 1949 году был репрессирован и несколько лет провёл в сталинских лагерях. После реабилитации Семён Милосердов вернулся в Тамбов, работал в районной газете, писал стихи. Много сил и времени отдавал работе с молодыми литераторами, создал в Тамбове литературно-творческое объединение «Радуга».

После кончины Семёна Милосердова – 4 декабря 1988 года – вышли четыре сборника стихов и поэм, составленные вдовой поэта Любовью Михайловной Гориной. Она же готовила его стихи для публикации в журналах «Наш современник», «Подъём».

Всё помнят дороги

Всё помнят деревенские дороги:
Как шли по ним солдаты на войну,
И стон колёс, и вдов босые ноги,
И сена полусгнившую копну.
И то, как отощавшую корову –
Кто за ноги, кто за рога – подняв,
Везли на дровнях те же вдовы
На первые проталинки, в луга...
Исхлёстанные ливнями тревоги,
Изрытые, в воронках и в пыли,
Всё помнят деревенские дороги,
Которые к Победе нас вели.

Память о войне

Разнотравья медвяный запах.
Безмятежность, покой, забытьё...
Отчего же опять внезапно
Жалит памяти остриё?
Закрываю глаза – на мгновенье
Мне покажется: грохот, война,
Я взрываю кольцо окруженья,
Гимнастёрка обожжена...
То ль пробитая дзенькает каска,
То ль звенят на ветру тальники...
А открою глаза, вижу – ряска,
Влажный берег, желтеют пески...
Благодатного лета стихия,
Небо тронута голубизной...
Окружает меня Россия
Разнотравьем и тишиной.

Памятник павшим

Эти мосты и ангары,
Эти дворцы, телебашни,
Эти сады и бульвары –
Памятник павшим.

Неузнаваемо светел
Город боёв рукопашных.
Школы его и дети –
Памятник павшим.

Был он бомбёжкой вздыблен,
Некогда гарью пропахший,
Пахнет сиреневым дымом –
Памятник павшим.
Полк, погибая гордо,
Смерть и забвенье поправший,
Лёг под фундамент города –
Памятник павшим.

Яблони этих усадеб,
Эти за городом пашни,
Мир новоселий и свадеб –
Памятник павшим.

Колосья

Не знаю слаще упоенья,
Чем видеть в поле поутру
Упругое сопротивление
Ржаных колосьев на ветру.

И слушать голос перепёлки,
И запах спелой ржи вдыхать...

Ни озера и ни просёлка
Из-за колосьев не видать.

Какая мощь! Какая сила
До горизонта разлита!
Мы – чернозёмный пласт России,
В нас – древний дух и могута.

Топтали Русь и жгли татары,
А мы на этой самой ржи
Опять всходили, как опара,
Как тесто через край дежи.

Глядишь – и сошку держат руки,
И в рост пошли хлеба, трава,
И вместе с зёрнами все муки
Перемололи жернова.

Глядишь – опять румяны дети,
В селе невесты хороши...
Не раз держались мы на свете
На колоске той самой ржи.

Не раз от голода качало,
Но колос всех смертей сильней:
От колоска берёт начало
Большая нива наших дней.

Идёшь – и дума вольно зреет
О том, что хлеб стоит стеной,
И спелый дух пшеницы реет
На всей великою страной.

Все родники в России певчие,
Как птахи, как лесной рассвет...
Снега, дожди, сверчки запечные
Поют мне с детских ранних лет.

Малиновки и трясогузки,
Я с вашей музыкой в ладу.
Я ваши песенки на русский,
На свой язык переведу...

Ах, эта сладостная участь –
В степной равнинной синеве,
В ручьях, в рябиновой листве
Земли протяжную певучесть
Приметить, лёжа на траве!

Июль

Дожди, как в сотах мёд, копились,
Дышала свежестью река,
Над степью медленно копнились
Прожаренные облака.

И разразилось! Грома ярость,
Накаты ветра... И ветла,
Зелёный выгибая парус,
По океану ржи плыла.

Солома

Уносили меня с горы
По скрипучему снегу салазки...
И стояли наши дворы
В полушубках снежных, как в сказке.

А под вечер железным крюком
Из омета я дёргал солому
И, обвязанный башлыком,
На салазках волок её к дому.

За окном завывала метель,
Мягкой лапой валила истома.
И светилась моя постель –
На полу, возле печки, солома.

Долго запах её живёт
И волнует меня, как бывало...
С сентября, зарываясь в омет,
Лето в наших краях зимовало.

Татарский вал

Среди былинного простора,
Да, всё могла семья славян:
Горстями вычерпать озёра,
Насыпать шапками курган...
Границу русского упорства
Под медный колокольный гуд –
Вал земляной двадцативёрстный –
Возвёл простой сермяжный люд.
И если в наши степи рвался
Прожорливый незванный гость,
То этот самый вал Татарский

Был для него, что в горле кость.
Ломались копья боевые,
Ржавели под емшан-травой...
Где вы, огни сторожевые
Меж тихой Цной и Челновой?
Давным-давно истлели орды,
Чуть виден вал среди хлебов.
Но будто слышен голос гордый:
– Не сдался врагу Тамбов!

Герб Тамбова

Три хлопотуньи-пчёлки, улей –
Наш герб. В нём – лето, зной, трава...
Пропахли воском дни июля,
И пахнет мёдом синева...

К спине рубахи прилипали,
С лица не отирая пот,
По капле люди добывали
Скупого счастья трудный мёд.
И плач детей желтоволосых,
В руках усталой жницы серп,
И монотонный скрип колёсный
Напоминают старый герб...

Грозою отшумели годы,
Перепахал бывшее труд.
Дома, как солнечные соты,
На наших улицах растут.

Взгляни: стал город выше ростом.
Как песни, наши дни светлы.
Тамбовцам свойственно упорство
И трудолюбие пчелы.

Дон Кихот из Козлова-Мичуринска. Блистательный век Владимира Зельдина

В книге воспоминаний «Моя профессия – Дон Кихот» артист пишет: «Я родился 10 февраля 1915 года в городе Козлове Тамбовской губернии. «Город антоновских яблок» – так его называли». И в другом месте той же главы с вкусным названием «Моё ароматное детство»: «До сих пор я питаю неизъяснимую нежность к таким же маленьким русским городам, каким был Козлов моего детства: одноэтажные деревянные домики с садами и заросшими палисадниками, гулкие булыжные мостовые, тихие, почему-то всегда пустынные, навевающие печаль железнодорожные станции».

Из города Козлова, из самого центра Европейской части России, начался невероятно счастливый путь великого артиста. Три города в жизни Владимира Михайловича занимают особое место: Козлов, где родился и прожил первые пять лет, Тверь, где прожил ещё четыре года и где начал учиться в школе, и, разумеется, Москва, с которой связана большая часть жизни и творчества.

В Козлове (ныне – Мичуринск) отец будущего актёра музыкант Михаил Евгеньевич Зельдин был яркой фигурой в культурной жизни начала XX века: руководил военным духовым оркестром 39-го Томского пехотного полка, выступал организатором музыкальных концертов, преподавал в музыкальной школе М.Ю. Бологовской. Старожилы Мичуринска долго и благодарно вспоминали о концертах его оркестра в городском саду. А в 1917 г. Михаил Зельдин стал инициатором создания в Козлове музыкального общества, на основе которого появилась народная консерватория, позже преобразованная в музыкальную школу и музыкальное училище. Он был первым руководителем этих учебных заведений.

История

Адрес, где жила семья Зельдиных в Козлове, устанавливается из нескольких источников. В «Козловской газете» за 7 июля 1917 г. на 3-й странице я обнаружил крошечную заметку о возможности получить бесплатные уроки музыки и пения. Безымянный автор заметки (по-видимому, сам М.Е. Зельдин) точно указал это место: угол Вознесенской и Лебедянской улиц. И Владимир Михайлович, когда приезжал в город, показывал, как они с мамой Анной Николаевной спускались вниз по Вознесенской и заворачивали направо к своему дому. Об этом же доме, двухэтажном деревянном, пишет В.М. Зельдин в своей книге «Профессия Дон Кихот». В Тамбовском государственном архиве в 2012 г. неожиданно нашлось подтверждение этих воспоминаний артиста. В личном деле старшего сына Зельдиных Георгия, сохранившемся в фондах Коммерческого училища, имеется прошение Анны Николаевны от мая 1916 г. об устройстве мальчика в 1-й класс училища, где указала тот же адрес по улице Лебедянской. К сожалению, этот дом не сохранился.

Мальчик Володя Зельдин рос в атмосфере любви и заботы, высоких помыслов и творческих исканий своего отца. В семье, помимо него, было ещё четверо детей, и всем прививалась любовь к труду, занятиям на музыкальных инструментах.

«Человек получает первое воспитание в своей семье. В нашем доме мы никогда не слышали, чтобы родители говорили на повышенных тонах, или чтобы отец домой пришёл пьяным, – говорил артист на своей первой встрече в Мичуринском театре в октябре 2008 г. – Заработки отца были небольшие, и мы, дети (нас было пятеро!), приучались ценить то, что имели. Мы видели, как отец облачался перед концертом в рубашку, во фрак, это было священнодействие. Это благоговение, может быть, передалось и мне».

Нам повезло: мы слышали великого артиста несколько раз во время его приездов в город своего детства. Вот ещё из его беседы в театре (2008):

– Я никогда не курил. Артисту нужны чистые лёгкие.

– Жрать надо меньше. Перед спектаклем я никогда не ем. Кажется, что уже не выйду на сцену, ничего не умею, всё забыл... Но вот в гримёрке одеваюсь, гримируюсь, выхожу в кулисы: всё вспомнил, ничего не болит, во время работы чувствую себя хорошо.

– Помогает сохранить себя в профессии чувство влюблённости. Боже мой, с какими женщинами я играл в спектаклях: Нина Афанасьевна Сазонова, Людмила Ивановна Касаткина, Лариса Ивановна Голубкина! Сейчас моей партнёршей является очаровательная Ольга Богданова.

– Не желайте мне здоровья, ведь на «Титанике» все были, кажется, здоровы. Лучше пожелайте удачи!

Рано потеряв родителей, Владимир Зельдин не потерялся на сложнейших дорогах жизни: тридцатые, с величием строительства и репрессиями, Великая Отечественная война, голодные и холодные послевоенные годы, трудности актёрского пути в семидесятые и восьмидесятые годы... Владимир Зельдин в конце 1920-х годов сумел выбрать профессию (выбор был почти случайным, а оказался чрезвычайно точным), и в профессии артиста этот мальчик из провинциального города сумел достичь таких творческих результатов, что остаётся только удивляться и восхищаться.

Символами эпохи стали созданные им образы пастуха Мусаиба в фильме «Свинарка и пастух» (1941), музыканта Бориса Оленича в фильме «Сказание о земле Сибирской» (1947), театральные роли Альдемаро в спектакле «Учитель танцев» (1946), поручика Ржевского в спектакле «Давным-давно» и Транио в спектакле «Укрощение строптивой» в постановке замечательного наставника молодого

История

артиста А.Д. Попова, образ профессора Серебрякова в фильме Андрона Кончаловского «Дядя Ваня» (1970), барон Мюнхаузен в спектакле «Комическая фантазия» по пьесе Григория Горина, написанной специально для Владимира Михайловича (1977)... Никогда актёр не болел звёздной болезнью, как бы смирялся перед теми задачами, которые перед ним ставили режиссеры. Но сколько интереснейших характеров на сцене своего родного Театра армии и в кино воплотил наш замечательный земляк! И это далеко не роли его начального амплуа «романтического любовника». Здесь и военачальники, и крестьянин, и дипломат, и судья в фильме «Десять негрятят», и американский дядюшка в очаровательном фильме «Арбатский мотив»...

В последние годы Зельдин блеснул образом князя Пантиашвили в спектакле «Ханума», заворожил нас монологами о защите истинных ценностей, справедливости и чести, человеческом достоинстве, которые произносит его Дон Кихот в спектакле «Человек из Ламанчи». За этот спектакль испанский король Хуан Карлос наградил артиста орденом и прислал два ящика вина – красного и белого, которые артист раздарил своим друзьям. И снова – удивительное дело! К 95-летию артиста тот же Юлий Гусман поставил для него новый спектакль, теперь на сверхтрудном материале собственной жизни в искусстве. Владимир Зельдин доносит до нас свои сокровенные мысли о роли настоящего искусства и настоящей любви в жизни в образе Неделина из спектакля «Танцы с учителем». Свидетельствую как зритель: на спектаклях Зельдина – всегда аншлаг! А в театре «Модернь» почти десять лет Владимир Михайлович в паре с Натальей Максимовной Теняковой (теперь с Ольгой Богдановой) держат на себе спектакль «Дядюшкин сон», открывая зрителям напряжённый нравственный мир героев Ф.М. Достоевского.

В.М. Зельдину посчастливилось работать с крупнейшими театральными и кинорежиссёрами XX века: Иван Пырьев, Алексей Попов, Владимир Канцель, Эльдар Рязанов, Борис Львов-Анохин, Андрон Кончаловский, Пётр Фоменко, Станислав Говорухин, Алексей Баталов...

Об успехе фильма «Свинарка и пастух», где Зельдин сыграл первую свою звёздную роль пастуха Мусаиба Гатуева из дагестанского аула, говорят такие факты. В первый месяц демонстрации фильма в ноябре 1941 г. его посмотрели 700 тысяч зрителей в прифронтной Москве. Как оказался нужен нашему народу в тягчайший момент его истории пырьевский фильм-сказка и зельдинский очаровательный герой с его песней о Москве.

Приведу несколько строк из давнего отзыва о работе В.М. Зельдина в спектакле «Учитель танцев». Рецензент Б. Емельянов в газете «Советское искусство» (8 февраля 1946 г.) пытался понять, почему такое далёкое от насущных интересов послевоенного зрителя театральное действо так увлекает его, ведь перед нами всего лишь одна из бесчисленных комедий «плаща и шпаги». И сам пытался ответить на этот вопрос.

Во-первых, театр армии своим спектаклем доказывал: истинная любовь и верность всегда должны победить. Все преграды – ничто перед человеческим чувством, если он искренне и сильно». И, во-вторых, рецензент не смог скрыть своего восхищения работой молодого тогда артиста В. Зельдина в этом спектакле, который «зачаровывает всех своим искусством танца. Как юга ветер огневой, танец тарантеллы сменяется пируэтами ниццарды – грациозность танца Ниццы, затем следует паванна с плащом, развеваемым на вытянутой шпаге, кастаньеты сопровождают качучу. В. Зельдин не только темпераментно и пластично танцует, он одновременно играет выразительно и ярко».

В образе Альдемаро критик увидел черты мужественного и высокого характера, созданного актёром В. Зельдиным. Интересно, что уже в 1946 году было видно, что актёр в роли романтического любовника открывает психологическую глубину и философский подтекст, столь значимые черты его актёрской манеры, проявившиеся со временем.

Театральный критик Вера Максимова свою статью о В.М. Зельдине назвала «Актёр, умеющий всё» (Культура, 3 марта 2000 г.). Через всю статью проходит вопрос: «Как возникает это ощущение значительности от художника и человека?» Перебирая разные характеры, созданные актёром, критик приходит к интересному наблюдению: «Актёрски очевидное – музыкальное, танцевальное, романтически приподнятое далеко не исчерпывает Зельдина. Оставалась загадка». И разгадка, думается, в том, что актёру подвластна глубина проникновения в философию характера. Вот его граф Лундышев (спектакль «Часовщик и курица» в постановке Л. Хейфеца): «седой, породистый, печальный», а веет от него «изгойством, горьким сиротством». Или профессор Серебряков в «Дяде Ване» – таким его до Зельдина не играли. Критик тонко подмечает, что Зельдин играл в нём «человека формы, элитарной, изысканной, отчего мнимость Серебрякова ... не просто разгадать».

О прочтении В.М. Зельдиным роли Князя в спектакле «Дядюшкин сон» по классической комедии Ф.М. Достоевского «Литературная газета» писала: «Борис Щедрин задумывал постановку специально для человека-легенды Зельдина. Актёрским величием Владимира Михайловича, его профессиональной «жадностью» до работы нельзя не восхищаться. ...Ему не изменяют ни фирменная зельдинская статья, ни чувство ритма, ни пластика. Он легко вальсирует и даже падает на колени перед дамами». В недавней театральной истории в роли Князя блистали С. Мартинсон,

М.И. Прудкин... Чем же отличен Князь В.М. Зельдина? По мнению Виктории Пешковой, «Князь Владимира Зельдина – это такой постаревший Альмавива, а ещё точнее Альдемаро (герой «Учителя танцев»), – человек, для которого невозможно жить без любви. И если наяву он её найти не может, он уходит в свои грёзы: пусть все думают, что он сошёл с ума. Робкая надежда на невозможное счастье заставляет его ненадолго покинуть свою «раковину». Но, увы. Это действительно был только сон» (Лит. газ. 2008. № 11). Это лирический персонаж, созданный Владимиром Зельдиным по законам своего искусства с оглядкой на повесть Ф.М. Достоевского. И в роли Князя просвечивает философская глубина. А в роли Сервантеса и Дон Кихота В.М. Зельдин как будто окунулся в родную стихию выяснения главных вопросов человеческого бытия.

В марте 2012 г. актёр вновь приезжал в свой родной город, ему в этот день был вручён документ о присвоении звания «Почётный гражданин г. Мичуринска-научнограда РФ». Он посетил храм пророка Божия Илии, напоминающий своими очертаниями Петропавловский собор в Петербурге. Великий артист подал записочки об упокоении и о здравии своих ближайших родственников. Настоятель храма о. Павел Медведев подарил ему икону. Припекало мартовское солнце. Во дворе Ильинского храма Владимир Михайлович стал вспоминать жизнь своей семьи в Козлове, дядю Поню, которого большевики расстреляли вместе с женой и малыми детьми, отца, который во время рейда казачьего генерала Мамонтова спас от гибели молодую еврейскую женщину. Вспомнил и об отъезде из Козлова – ночью, через лес, на санях до железнодорожной станции.

Память о городе детства Козлове не отпускает великого артиста. Он неоднократно говорил, что хотел бы выступить с творческим отчётом перед земляками. И такой отчёт состоялся 9 августа 2013 г. в зале Мичуринского

История

драматического театра. Владимир Михайлович боялся, что время отпусков, люди не соберутся, но опасения были напрасны. Зал был полон. Вечер прошёл с грандиозным успехом. О секрете своего долголетия артист, улыбнувшись, сказал, что на то он и секрет, чтобы его не раскрывать.

И, чтобы не обижать публику, прочитал стихи своего любимого поэта В.В. Маяковского, которого однажды видел:

Мне и рубля не накопили строчки,
Краснодеревщики не слали мебель на дом.
И, кроме свежeweымытой сорочки,
Скажу по совести, мне ничего не надо.

– Никогда и ничему в жизни я не завидовал, живу в маленькой квартирке, но с какими людьми я дружу, как мне хочется работать, дарить людям радость и счастье!

Путь актёра отмечен большим рядом государственных и общественных наград, театральных премий и призов. Владимир Михайлович – первый из наших земляков стал полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством». Главная же награда актёра – любовь зрителей, которая не изменяет ему на протяжении более семи десятилетий.

Его герой Дон Кихот говорит: «Мечтать! Пусть обманет мечта! Бороться, когда побеждён. Искать непосильной задачи и жить до скончанья времён!» Так утверждает герой спектакля «Человек из Ламанчи». Так живёт наш замечательный земляк Почётный гражданин Мичуринска народный артист СССР Владимир Михайлович Зельдин.

Владимир АНДРЕЕВ,
кандидат филологических наук

Из цикла «Архивные истории»

Гимназистки румяные...

...Итальянская летняя ночь черна, наполнена южными ароматами, вливающимися в распахнутое окно. У окна сидит пожилая женщина и читает письмо. Оно пришло из далёкой Москвы, от её сына, оставшегося в России в конце 30-х годов, когда она вынуждена была покинуть Родину, последовав за мужем-итальянцем. Сыну уже за сорок, у него своя жизнь, и ей интересно всё, что он пишет, а переписываются они много лет. Потом она напишет ему ответ, а пока в памяти всплывают события более чем полувековой давности.

...Июнь 1911 года. На Бибииковской (будущей Державинской) улице губернского города Тамбова царит оживление. Нарядные дамы под руку с кавалерами подходят к двухэтажному зданию, украшенному бумажными гирляндами и цветами, и скрываются в гостеприимно распахнутых дверях. Сегодня – праздник в гимназии, 29 лет назад основанной Дарьей Андреевной Пташник. С гимназией прощаются выпускницы, в последний раз надевшие ученические форменные платья. Они стоят в актовом зале взволнованные, перешёптываются, ищут взглядами своих родителей, пришедших на торжество. Среди выпускниц – девушка с длинной русой косой – Юлия Вольская, дочь тамбовского присяжного поверенного Казимира Казимировича Вольского. Семья Вольских известна в Тамбове. Дед Юлии – преуспевающий адвокат. У них несколько домов, один из которых находится на углу Большой и Араповской. Дом очень красивый, большой и удобный. Из просторного первого этажа лестница ведёт в мезонин, состоящий из трёх комнат. Всё детство Юлии прошло в этом доме, а ещё в имении в деревне Тюменевке, куда се-

История

мья переезжала на лето. Вот одно из ярких детских впечатлений: «Когда случалось, что по Большой улице мимо нашего дома с потрясающим грохотом по булыжной мостовой проносилась длинная телега, влекомая удалой четвёркой лошадей, полная пожарными в их медных блестящих касках, за ней неслась водокачка, огромное колесо с кишкой для воды и другие телеги – меня охватывал ужасный страх, не знаю почему, и откуда во мне было убеждение, что пожарные предназначены не для тушения пожаров, а, наоборот, для зажигания их, и я боялась, что они едут с этой целью, может быть, к нашему дому».

Юлия очень любила отца. Когда она была маленькой, по утрам няня одевала её, надевала белый передничек, обшитый кружевами, завязанный сзади пышным бантом и вела к папе в кабинет. Девочка целовала папе руку и поздравляла с добрым утром. Папа целовал её и иногда доставал из ящика стола горсточку конфет. Он любил посадить её на плечи и катать по всем комнатам...

21 июля 1904 г. Елизавета Леопольдовна Вольская подаёт прошение начальнице Тамбовской частной женской гимназии Д.А. Пташник об определении в число учениц первого класса своей десятилетней дочери Юлии, которая до этого обучалась дома. К прошению приложены метрическое свидетельство и свидетельство о привитии оспы. Юлия принята в гимназию. Вначале её успехи не блестящи – только по Закону Божию пятёрка, остальные – четвёрки. Но годы идут, и девочка, понимая, что должна быть достойна своего известного в городе отца, старается радовать его отметками.

И вот – аттестат, со средним баллом – четыре целых и пять седьмых, отличные оценки по географии, истории, естествознанию, физике, немецкому и французскому языкам, хорошие – по русскому языку, словесности и математике. Юлия награждена серебряной медалью и, кроме то-

го, удостоена звания учительницы начальных училищ с правом заниматься обучением и на дому.

Теперь перед девушкой выбор – замужество или какое-то занятие. Её жизнь могла сложиться иначе, но история распорядилась по-своему.

Юлия Казимировна выходит замуж за офицера полка, расквартированного в Тамбове. Она счастлива, у неё двое сыновей. Но в благополучную семейную жизнь вмешивается война. В 1917 году муж погибает в бою, после Октябрьской революции отбирают дом. Надо было выжить с двумя маленькими детьми. И Юлия вторично выходит замуж. Её муж – итальянец, выступавший в тамбовской опере в начале 1920-х годов. Потом семья переезжает в Москву – в Тамбове оставаться опасно, Вольские – фамилия слишком известная. В конце 1930-х её мужу Джованни как иностранцу предлагают покинуть СССР, и Юлия после долгих раздумий следует за ним в Италию. Её взрослые сыновья остаются в Москве.

После Второй мировой войны Юлия Казимировна, живя в Триесте, переписывается со своим младшим сыном Валерием, тысячи её писем хранятся в Москве, в них рассказывает она о своём детстве и юности, о Тамбове, вспоминает тех, кто ей дорог.

Отрывок из одного из её писем – воспоминания о жизни в дореволюционном Тамбове – был напечатан в московском альманахе «Дворянское собрание» в 1997 году. Они написаны ярким, живым языком, наполнены любовью к родному городу, к своей земле. Эту публикацию подготовил сын Юлии Казимировны – Валерий Павлович Олексевич, сопроводив её фотографиями матери, отца и снимком дома Вольских, к сожалению, утраченного. Но, к счастью, жива память, сохранились письма, сохранились в архиве документы, приоткрывшие нам эпизоды из жизни известной тамбовской семьи.

Поэзия и проза в жизни баронессы

...Январь 1913 года. Зал Петербургского окружного суда заполнен публикой. Уже несколько дней идёт судебный процесс по обвинению баронессы фон Ховен в подлоге векселя, якобы выданного ей покойным тестем незадолго до смерти. Сумма по тем временам внушительная – 32 тысячи рублей. Газеты наперебой печатают отчёты своих корреспондентов о процессе, его обсуждают на улицах и в светских салонах. Кто же такая баронесса фон Ховен?

...Стоял когда-то в Тамбове на углу улиц Тёплой (ныне Лермонтовской) и Набережной довольно большой деревянный одноэтажный особняк с открытым балконом, занимавшим часть тротуара. Он принадлежал известной и в Тамбове, и в России дворянской семье Щербачёвых, в которой воспитывалось шестеро детей – Глеб, Николай, Борис, Дмитрий, Нина и Анастасия. Нам интересна судьба одной – Анастасии. Отец её занимал солидный пост члена Тамбовского окружного суда. Для обучения её определили в Тамбовский Александринский институт благородных девиц, дававший прекрасное образование. Обладавшая от природы живым умом и литературным талантом, Анастасия Щербачёва уже в годы учёбы начала писать стихи. Одно из своих стихотворений она посвятила всеми любимой начальнице института Ольге Алексеевне Зеланд. Окончив Александринский институт, девушки или выходили замуж, или становились домашними учительницами, гувернантками. Но Анастасию Андреевну Щербачёву ждал иной путь, хотя начиналось всё, как и у других – с не очень удачных попыток устроить свою судьбу. Но однажды на одном из любительских спектаклей её увидел остановившийся в Тамбове по пути на службу в Ашхабад ротмистр барон Николай фон дер Ховен и предложил ей

уехать с ним. Так она стала баронессой, хотя спустя годы говорила, что титулам никакого значения не придавала.

Однако семейная жизнь её не была счастливой. Прожив с мужем два года, в начале 20-го века Анастасия фон Ховен вернулась в Тамбов. Вот как описывал её современник, А.П. Остряков, автор недавно опубликованных в Тамбове воспоминаний: «Выше среднего роста, с хорошей фигурой, но более худощавой, чем, может быть, надо было бы для соблюдения пропорций, с живым, умным лицом, она мгновенно умела овладеть вниманием любого собеседника, подойти к каждому и «втянуться», как она сама определяла свою способность, в «орбиту интересов» людей самых различных профессий, возрастов, социальных многообразий...»

В 1905 году Анастасия Андреевна задумала открыть в Тамбове свою типографию, подала прошение губернатору, но получила отказ, поскольку была «замечена в сношениях с руководителями местной социал-демократической партии».

Её жизнь до 1911 года прошла вдали от Родины, с редкими наездами в Тамбов. Она уезжала за границу, тот же Остряков упоминает о том, что она побывала в странах Европы, была европейски образованна. А в 1911 году в Тамбов вернулся из ссылки Вадим Николаевич Подбельский – революционер, социал-демократ, начавший выпуск легальных оппозиционных газет, в которых стала сотрудничать Анастасия Андреевна. О происходивших тогда событиях писали уже во второй половине 20-го века С. Евгенов и И. Стракошова («Жизнь, отданная народу»), А.С. Чернов («200 лет тамбовского печатного слова»). Эти газеты периодически закрывали по причине остроты помещаемых материалов, неугодных властям, поэтому название менялось – «Тамбовский листок», «Тамбовская жизнь», «Тамбовские отклики». И почти во всех номерах

История

публиковались статьи, рассказы, стихи баронессы фон Ховен. Вдумайтесь в эти стихотворные строки, и перед вами предстанет образ их автора...

Солистка

Степь, и простор, и полночное время
В низком контральто певицы,
Странное, чуждое, вольное племя, –
Гордые, дикие птицы.

Чёрное платье и стройные плечи,
Шали красивые складки,
Звуки гортанные ласковой речи,
Чёрные очи-загадки.

Тихо поёт, опустивши ресницы,
Сказкою тешит о воле...
Блещут по небу степному зарницы...
Плачут в гитаре бемоли...

А в 1912 году разразилась гроза: семья фон Ховенов обвинила Анастасию Андреевну в подделке подписи на векселе, выданном ей свёкром незадолго до его смерти. Последовал арест и заключение в Тамбовскую тюрьму, которое не сломило эту хрупкую, но сильную духом женщину. Друзья взяли её на поруки, и она уехала в Петербург, чтобы подготовиться к суду.

Судебный процесс проходил напряжённо и изобиловал острыми моментами, но Анастасия Андреевна держалась и защищалась мужественно. Один из свидетелей защиты рассказал историю, произошедшую с нею на Востоке. Вместе с мужем она побывала в Средней Азии и в Индии. Анастасия Андреевна пришлась по душе престарелому индийскому радже, которого Ховены посещали в

его владениях. Он ласково принимал молодую чету, относился к Анастасии как к внучке, одаривал её золотом и драгоценными камнями, которые она позже продала в Париже, а вырученные деньги дала в займы тестю – старому барону Ховену, который выдал ей взамен вексель. Выслушав эту историю, прокурор спросил Анастасию Андреевну «о возможно интимных её отношениях к этому радже». Она побледнела от возмущения, встала и ответила: «Мой муж, при всей своей наглости и умственной тупости и ограниченности, господин прокурор, не позволял себе только что допущенную вами по отношению меня бестактность».

В ожидании приговора Анастасия Андреевна раскрыла свою сумочку и опустила в неё правую руку. Никто в зале, кроме одного человека, не знал, что в сумочке, завернутый в папиросную бумагу, лежал небольшой пятизарядный револьвер. Объясняя его присутствие там, накануне суда она сказала одному из своих друзей: «Вы знаете, что я социалистка и состою членом партии. Можно ли оставаться в её рядах, осуждённой за мошенничество?»

Судом присяжных Анастасия Андреевна была оправдана, в этом помогли применённый передовой тогда метод фотографической экспертизы, доказавший подлинность подписи на векселе, и блистательная защита, проведённая адвокатами – отцом и сыном Бобрищевыми-Пушкиными.

...1917 год. Февральская революция. Анастасия Андреевна фон Ховен вновь в Тамбове, она вовлечена в политическую жизнь. В Тамбове создан новый орган власти – Совет, весной 1917 года начато издание новой газеты «Известия Тамбовского Совета». И её редактором стала баронесса фон Ховен. Ей всего 43 года, она полна творческой энергии, но... она в оппозиции к большевикам, поэтому приход их к власти круто изменил её судьбу. Вес-

История

ной 1918 г. редакцию тамбовской губернской газеты возглавили большевики – Иван Андреевич Гаврилов, Михаил Сергеевич Колосов...

Как сложилась дальнейшая жизнь Анастасии Андреевны фон Ховен – неизвестно. Жернова революции перемололи сотни тысяч жизней, огромное число россиян оказались за границей. Возможно, среди тех, кто смотрел с тоской на тающий в тумане русский берег, была и Анастасия Андреевна. А, может быть, её жизнь окончилась трагично... Но потомкам она оставила стихи и прозу, бережно собранные и изданные в 2006 году известным тамбовским издателем и краеведом А.С. Черновым. Имя её не забыто, и, возможно, в будущем прольётся свет на судьбу этой незаурядной женщины.

Ещё раз о милосердии...

«Поздняя нынче в Тамбове весна, уж середина апреля, а холода стоят» – думала Татьяна Ивановна Лион, вдова коммерции советника, глядя из окна своей уютной гостиной на голые деревья, сгибавшиеся от порывов ветра.

– Глаша! – позвала она горничную. – Весна-то припозднилась. Принеси-ка тёплую шаль. Что-то плечи мёрзнут.

– И то верно, – сказала Глаша, накрывая плечи барыни шалью, – ныне на двор-от и выходить не хочется.

– Ну, хочется – не хочется, а надо. Братец к обеду звал, нельзя отказывать.

Татьяна Ивановна задумалась, глядя на небольшой овальный портрет брата, висевший над комодом: на портрете он был ещё молодой, бравый кавалергард. А теперь Устину Ивановичу Арапову уже под пятьдесят и он предводитель уездного дворянства. Уважают его и побаиваются – он энергичен, по-военному собран и деловит.

Он приложил много усилий, да и денег вложил немало для начала строительства института благородных девиц – и вот институт уже открыт! Да, достойный человек братец...

Два часа спустя Татьяна Ивановна выходила из дома к уже поданному возку, продолжая перебирать в уме свою жизнь. «Да, жаль, супруг мой незабвенный Мартин не дожил до сего времени, зато сынок Сергей радуется, хоть и молодой – всего 24 года, а дело разумеет – как вышел три года назад в отставку, занялся хозяйством в имениях, на суконной фабрике в Бондарях дело у него спорится. Женить вот его надо, ну, да это успеется, уж невесты-то в городе есть».

– Останови-ка возле церкви. – сказала она кучеру. Зайдя в храм, приложилась к иконе Богородицы, опустила в кружку несколько монет, постояла, повздыхала. – Ну, что ж, пора.

Вышла на паперть и, вздрогнув, остановилась: прямо перед ней стояли двое детей – лет шести-семи, один едва доставал Татьяне Ивановне до пояса, другой ещё меньше. Ветхая одежонка, лохмотьями свисавшая с худеньких плеч, тонкие шейки и огромные глаза. И не разобрать – мальчики или девочки. Затынули в один голос:

– Подайте, Христа ради!

– Вы откуда такие? – у Татьяны Ивановны дрогнул голос.

– Тутошние мы, с Пяшкильской слободы. Меня Ванькой звать, а это сестрёнка моя Варька. Погорельцы мы, мамка с тяткой померли, мы и ходим, побираемся, – деловито объяснил тот, что повыше.

– Господи, как же вы живёте, замёрзли, поди? Ну-ка, полезайте в возок!

Когда Татьяна Ивановна привезла детей, в доме начался переполох. Она распорядилась помыть их, одеть и накормить, а сама отправилась к брату. За обедом вели не-

История

спешные разговоры о холодной весне, видах на урожай, общих знакомых, а после обеда Татьяна Ивановна попросила брата уделить ей несколько минут для беседы наедине.

Результатом этого разговора стало письмо, сохранившееся среди множества документов в архиве:

«Милостивый государь, Устин Иванович!

Желая быть участницею в общепольном деле, я в ознаменование радостнейшего дня тезоименитства её императорского величества государыни императрицы, августейшей покровительницы благотворительных заведений, предоставляю деревянный одноэтажный дом мой, состоящий города Тамбова 2-й части 44 квартала, заключающий в себе 10 комнат, и длину 29 аршин 9 вершков, а шириною 15 аршин 4 вершка, крытый железом, для учреждения в оном детского приюта, и обязываюсь перенести оный на свой счёт на отведённое в городе Тамбове место.

Прошу покорнейше Ваше превосходительство, войти в сношение с кем следует о принятии жертвуемого мною дома.

С истинным почтением и совершенною преданностию, имею честь быть, Вашего превосходительства, милостивый государь, покорная к услугам Татьяна Лион, урождённая Арапова. Апреля 21 дня 1844 года».

Устин Иванович тут же известил об этом письме генерал-адъютанта графа Орлова, а тот, в свою очередь, председателя комитета Главного попечительства детских приютов Григория Строганова, который принял дар «с полною признательностью» и уверением, что доведёт это известие до сведения императрицы.

Так началась история губернского сиротского дома. Того деревянного дома, который принадлежал семье Лион, конечно, уже нет. Позднее в том же квартале – на главной улице Тамбова – был выстроен каменный дом, сохранившийся до наших дней рядом с корпусом техни-

ческого университета, но сменивший свой статус – его занимают другие учреждения...

А традиции семьи продолжил Сергей Мартинович Лион – инженер-капитан, сын француза, принявшего российское подданство, и русской дворянки, он пожертвовал усадьбу для Мариинского детского приюта, открытого в 1847 году (ныне областная детская библиотека), передал свой дом на углу улиц Большой и Дворянской (ныне Советская и Интернациональная) под пансион при мужской гимназии, заботился о благоустройстве гимназии, в течение нескольких трёхлетий был её почётным попечителем, получая благодарности от министра народного просвещения. Он два раза избирался губернским предводителем дворянства, заслужил чин действительного статского советника и уважение и признательность своих земляков – и современников, и потомков.

Татьяна КРотова,
кандидат исторических наук



**Спрос и предложение,... или откуда взялся
«Дартаньян»?**

Собеседник «Тамбовского альманаха» – журналист со стажем, многолетний редактор не одного тамбовского печатного издания, имеющий, как сам выразился, некоторое отношение и к литературе, – Валерий СЕДЫХ.

– Валерий Борисович, процесс пошёл и идёт, поэты и прозаики пишут, печатаются... Всё тихо и спокойно...

– Я бы не сказал, что так. Насчёт творческой атмосферы – спокойно, беспокойно... Она, увы, весь текущий XXI век у нас, на мой взгляд, не самая благодатная. Хорошо помню – и вырезку храню, – как «Тамбовская жизнь» в 2003 году дала публикацию, очень резонансную, – «Поставить заслон макулатуре». И как совпало – подходяще рифмуется: «литература» – «макулатура». Так вот: авторы этого вынужденного, ну, вскрика Аркадий Макаров и Олег Алёшин. Оба члены Союза писателей России. Кстати, проза и стихи первого из них в немалом количестве прошли через мои руки. Для публикаций, подчеркну, на газетных страницах.

– И что же их возбудило на этот, как выразились, вскрик?

– Да вот – почти наизусть – фраза из первого абзаца: если судить по изданиям местных авторов, тамбовская литература дышит на ладан. И одышка эта – тут уж я от себя – продолжается. В 2005-м тот же Макаров в той же «Тамбовке» дал полемические заметки, почти на полосу в «толстушке» – «Полёты во сне и наяву». Могу дать пророчество коронную фразу...

– **Читаю:** *«Печатной продукции обескураживающе много, а читать нечего – одна «солома»...»* И вот, продолжение интересное: *«Количество имён на обложках заикаливает, а содержание большинства книг – сплошная антисанитария. Плохую шутку сыграл рынок с культурой...»*

– Да, такие вот рыночные спрос и предложение. Первое всё снижается, второе, как в супермаркетах, множится. Так можно ли всё это считать спокойным? Не становится ли для многих порядочных людей «антисанитарная» ситуация таким возбудителем – «Не могу молчать!»? Именно поэтому, я думаю, один из интереснейших наших прозаиков (в 2012 году «Литературная газета» дала его очень хороший рассказ) Виктор Герасин, он из Котовска, – как раз не молчит. Не так давно, в марте, с его подачи и по инициативе редакции «АиФ – Тамбов» состоялся, ну, может, быть, громко сказано – литературный форум. А за несколько недель до этого с теми же людьми, числом поменьше, собирался «круглый стол». По той же проблеме: на литературной фронте без перемен...

– **Вы где-то были, участвовали?**

– Да, и тут, и там. Дело в том, что меня знают очень многие наши литераторы – и старшего, и среднего поколения. Но не как состоящего в их рядах, не какого-то члена...

– **А вы не член Союза писателей? И почему?**

– Мне как-то не по себе было бы, если б в вопросе о приёме «за» и «против» голосовали те, кого я просто не пустил бы на страницы газеты. Вспомнил, кстати... Несколько лет назад по просьбе двух поэтов я пытался выбрать из их вышедших сборников что-нибудь для публикации в «Городе на Цне». Ну, два-три стихотворения. Четыре-пять – уже лучше. Ни-че-го не удалось найти. Вдвоём потом с тогдашним редактором Валерием Кроликом

пытались. Так что путь – сначала газета, потом книга – надёжнее.

– **Когда мы договаривались об этом интервью, вы упомянули Акулинина и его как бы свидетельство о вашем, так сказать, соучастии...**

– Да, вот двухтомник Александра Михайловича – «Избранное». Страниц на восемьсот оба. Тут и повести, и роман, и много рассказов – пожалуйста...

– **Опять читаю: «Валерию Борисовичу! Который в бытность свою редактором «Комсомольского знамени» «прогнал» большинство из изданного тут на страницах газеты! С благодарностью автор. 20.10.2006 г.»**

– Да, «прогнал». Не выгнал. И вот тут повесть, которую можно читать только, как говорится, со слезами на глазах, – «Плач конопатого мальчика». Она впервые напечатана была в «Комсомольском знамени», во второй половине 70-х. И я как редактор газеты р е д а к т и р о в а л и её. Она проходила потом в одном из толстых журналов и под другим названием – «Горька идёт за отцом».

– **Но, судя по акулинискому посвящению вам, не только «Горька...» вышел в свет?**

– Конечно. Позволю шутку: Акулинин врать не будет. Через меня последний его рассказ шёл где-то в 2005 году в «Городе на Цне» – я замредактора тогда был. А вообще через мои руки (не хочу показаться нескромным) прошли сотни стихов, басен, эпиграмм, десятки прозаических вещей – рассказы, повести, даже, может, один-два романа. В том же «Комсомольском знамени» мы впервые сошлись с Валерием Кудриным, из Знаменки, – он и коллега: редактором газеты там стал. Прекрасный, грамотный с точки зрения литературного редактирования и по сравнению с другими, чего уж скрывать, прозаик. Очень много прошло редких по жанру вещей Анатолия Косневича – его детективы. Упомянутого Герасина – может быть, по-

меньше. Елегечев – отрывки из романа шли в «Городе на Цне», я как раз в 90-е редактором этой газеты был. Тот самый Аркадий Макаров – начиная с молодёжки и кончая «Городом на Цне» – его и стихи, и проза... Но не только тамбовчане – и из Мичуринска не один только Аршанский. Лет тридцать как я открыл для себя прекрасного юмориста Толю Смагина, потом даже лауреата конкурса всесоюзной «Недели» (похвалюсь: его юморески я туда относил – знал в редакции ребят, сам в 80-х печатался там)... Очень хорошие стихи Валерия Михина... Но вернёмся к форуму?

Отмечалось, что «в тамбовской и российской литературе ощущается кризис». Истоки назывались: снижение профессионализма и духовная дезориентация... Ну а следствие – почти никакого читательского интереса к тому, что у нас издаётся. И вроде бы решение проблемы определено в резолюции: нужен закон о творческих организациях, нужна помощь творческим объединениям. Конкретная и, естественно, материальная. Кстати, среди двух десятков пишущих (не могу сказать, насколько они все поэты и прозаики – не знаю) были на форуме и другие творческие люди. От Союза художников, например, Павел Золотов, и выступал он, – у них тоже немало проблем.

– А вы о чём говорили? Вас, как признались, не члена – вроде бы не должна интересовать, ну, скажем, материальная сторона вопроса...

– Я больше говорил на «круглом столе», а на форуме (в три минуты прений не уложишься) – конспект этого уже сказанного. Красной нитью проходила та мысль, которую уже выдал Аркадий Макаров: печатного много, а читать нечего – одна «солома». Но это он ещё мягко выразился, про солому-то. Я бы, и не только я, определил пожёстче: откровенная бездарность, безграмотность, срамословие (недавно у Мельникова-Печерского вычитал это

Писатель и время

словечко), нередко просто похабщина и графомания. И что страшно? Человек, читатель, наталкивается на две, три – ну, четыре, пять таких книжек – и просто перестаёт обращать внимание на тамбовских авторов. Аллергия на чтение. А ведь среди пишущих есть, думаю, действительно одарённые. Я мог бы назвать двух, трёх – только откуда мне знать, когда у них-то деньги на книги появятся?

– Да, как-то очень неясно идёт этот процесс. Мутный поток. И – ни рецензий в газетах, ни какой-то другой упорядоченной информации.

– Вот как раз об упорядочении я и говорил. Нам нужно вполне официальное издательство. Разумеется, с помощью властей – тут и материальная сторона важна. Ну, может, один-два редактора на ставке и просто оплачиваемые рецензенты, корректора. Деньги? Находят же их на фонтаны, какие-то нелепые мемориальные лестницы... Да и суммы-то не бешеные требуются. Не издавать в год десятки книг сплошной «антисанитарии» и «солумы», а всего-то несколько штук. Остальную муру возвращать самодеятельным борзописцам – с двумя-тремя рецензиями. Может быть, автора это чему-то и научит – или отучит... Я бы предложил издавать и публицистику – очерки, интервью, фельетоны...

– И как – ваша идея принята? Ведь, действительно, должен же литпроцесс как-то регулироваться. В газетном же деле – чтобы что-то начать выпускать, надо зарегистрировать издание. Не самотёком...

– ...И почему-то «16+», «12+» – это можно, за ненормативную лексику журналистов обещают наказывать (хотя, честно сказать, в газетах мат мне что-то не встречался), а за матерщину в книгах (прямо мода пошла, даже у состоявшихся авторов)? А уж сколько этой ненормативной накопилось на полках!.. Так хотя бы на будущее пресечь, остановить. Ну а насчёт того, как идея принята...

В принципе-то возражений не было, хотя... Это ж должно огорчить массу пишущих: ведь у нас в Союзе писателей где-то под сорок членов! Аркадий Макаров вспоминает, что за три десятка лет в СП их было не более тринадцати. Я помню, в 60-х, – даже шесть-семь человек. Всего. Но – это имена! Майя Румянцева, Семён Милосердов, Иван Кучин, Александр Стрыгин, потом подошли, как бы на смену, прозаики Василий Кравченко, Александр Акулинин, Виктор Герасин. Прекрасные стихи Геннадия Якушенко, Евгения Харланова, того же Макарова... И они начинали не с книг, а с публикаций в газете. Их читали, узнавали и ждали, а они ещё не были этими членами, только собирали будущие сборники. Всею своё время.

– **Вы заметили – «в принципе возражений не было». Это насчёт издательства. Ну а не «в принципе»?**

– Не помню, кто... Но реплика была: что же, мол, получается – цензура?! Это слово воспринимается некоторыми – прямо штамп! – как что-то ужасное, репрессивное. Но я готов подтвердить: да, если хотите – цензура. Смотря какой смысл вкладывать. При цензуре и Пушкин писал, и Гоголь, и Салтыков-Щедрин, и Зощенко, и Булгаков, и Астафьев, и Бондарев... И наши все названные уже... И я десятки своих рассказов – сатирических, юмористических – при цензуре печатал, и ещё больше фельетонов... И ничего, цел остался. Так что пусть будет издательство, небольшое, но с редакторами. В Год-то культуры – как хорошо!

– **Валерий Борисович, а процесс редактирования – он идёт от должности, от редактора, например, как у вас?**

– Далеко не всегда. Не каждый редактор может заниматься этим делом. То есть проверять, исправлять – править, как говорят, – текст при подготовке к печати. И случайных людей тут не должно быть. В ряде вузов

Писатель и время

учили этому и учат. Меня тоже – в Казанском, например, университете. И когда я остался в Казани же (пригласили в сатирический журнал, после четырёхлетней службы в нашем «Комсомольском знамени»), меня, скажем так, заметил замредактора и поручал отвечать авторам на их юморески, пародии, басни, эпиграммы, так называемые «фразы»... А писатели-поэты эти были, как говорится, со всего Советского Союза – из Томска, Ярославля, Одессы, Ленинграда, Москвы, Киева. Тираж-то у нас доходил до полумиллиона. Так что опыт за шесть лет я приобрёл. А когда вернулся в Тамбов и взял после Ремизова бразды правления молодёжкой – я просто продолжил его дело. Георгий Дмитриевич сам отбирал стихи, прозу для публикации. Это вот поколение – Якушенко, Харланов, Макаров, Начас – оно обязано ему, Ремизову. А потом я – в том же «КЗ», в «Тамбовской правде» зам. редактора почти все 80-е, и относился ко мне, подчинялся, отдел культуры, а значит – литературы, И ещё шесть лет – редактор «Города на Цне» в 90-е...

– Валерий Борисович, ну а вот у вас, насколько мне известно, вышли четыре книжки. И тоже без издательства, без редактора, без корректора?

– Все до одного – рассказы ли это, фельетоны, или, как я назвал, «ироническая проза» – и с редакторами, и с корректорами. Мои вещи, выходившие в советское время в коллективных сборниках – в Москве (немало!), Казани, Воронеже – они, конечно же, шли только через издательства. В этих же четырёх книжках – всё уже о п у б л и к о в а н н о е. В газетах, журналах, на Всесоюзном и Украинском радио. Некоторые вещи – по три, четыре, пять раз. В столице, в Питере, Праге, Одессе, Баку, Саратове, в Тамбове и Казани, естественно, – и даже в Пичаеве. То есть прошли через стол не одного редактора. А книжки – всегда с корректорами. У меня никогда бы не хватило

смелости или наглости выпустить книгу без чьего-либо прочтения, в «авторской редакции», как сейчас пишут. Мне было бы стыдно, если б кто-то у меня нашёл что-то вроде этих строк – из уже изданного одним товарищем сборника. Тут ещё про милицию:

Когда тебя ругают, – это значит

И верят, и надеются в тебя.

А вот из «монолога немецкого лётчика» – уже другого автора:

Я сегодня, наверное, лишний

На бомбёжку летящем строю.

Не совсем по-русски. И только б это! В выходных данных корректора не значится, а есть редактор... тот, кто занимался вёрсткой. Я уж не говорю о рифмах в таких книжках, о размерах стиха – ямб, хорей, амфибрахий... Откуда эти знания у доморощенных стихотворцев? А проза... Про язык уж не говорю. Тут и «жолудь», и «по полудню», и «по елико», и «алигарх», и даже «Дартаньян». Запятые... Пунктуация – это такая для них головоломка!

Так вот позволю себе (чтоб не думали, что я один так думаю) процитировать поэтессу нашу Валентину Дорожкуну, из её интервью «Тамбовской жизни»: «Человек нашёл деньги, выпустил книгу и считается поэтом». И добавлю: а потом ещё пару томиков – и становится чуть ли не автоматически членом Союза писателей. Не потому ли их у нас под сорок? Сошлюсь опять на Макарова – ему виднее: «сегодня получить писательский билет несколько не труднее, чем водительское удостоверение». Оттого у нас и аварийность зашкаливает...

– И что дальше, если иметь в виду этот литературный форум, его резолюцию?..

– Я не большой оптимист. Но всё-таки надеюсь... Есть резолюция форума, есть рабочая группа – и я в неё вхожу. Ведь когда-то должен закончиться этот... какой-то

Писатель и время

окололитературный бардак. Как говорится, за державу обидно. И за Тамбов тоже. Уж коль придумали «16+», можно и тут определиться с тем же плюсом. Или минусом.

– **Да, пора, Год культуры всё-таки...**

– И охраны окружающей среды, между прочим...

От литературного мусора и выхлопных газов.



В рубрике «Юность» вниманию читателей «Тамбовского альманаха» предлагается творчество начинающих самодельных авторов, чьи первые публикации на страницах тамбовских изданий уже состоялись. Пожелаем молодым авторам удачи.

Анастасия Серова родилась в Тамбове. Окончила среднюю школу № 36, ТГУ имени Г.Р. Державина, учится в аспирантуре. Публиковались в газете «Тамбовская жизнь», в коллективных сборниках. В октябре 2016 г. участвовала во Всероссийской конференции «Филологические науки в XXI веке» и конкурсе «Художественное творчество», удостоилась Диплома 1-й степени.

Из хозяйки стала гостьей
В доме номер пятьдесят...
За окном рябины гроздь
Почерневшие висят.

Захожу, как на поминки.
Стол накрыт на одного.
Ждал ли, милый, по старинке
Ты прихода моего?

Нет, не милая – чужая.
Ты отводишь молча взгляд.
Тишины не нарушая,
Выйду в гулкий листопад...

Скоро я в своей светлице,
В стенах ласковых, родных,
С песней звонкой вольной птицы
Стол накрою на двоих!

Мокрым носом тычутся в ладони,
Лижутся ненужные слова.
Смотрит в окна душною бедою,
Бродит беспокойная молва.

Я кроила платье из рассветов,
Убирала слёзною росой.
Помня строгость данных мне заветов,
Не ходила к месяцу босой.

Не пускала в гости вдохновенье,
Запирала сердце на засов.
Твоего ждала я возвращенья
С голубых и дальних берегов.

Как томятся одиноко души
В доме, где закрыты зеркала!
Ты прислал в подарок равнодушьё
И однажды вспомнил: я жила...

Тише! Спит надежда в моей зыбке.
Посмотри: о, как она мала!
Бросишь свысока с чужой улыбкой:
– Ждёшь ли ты меня?
– Вчера ждала.

Диалог эпох

«Милый!» – всхлипнула скрипка
Мимо пестреющих нот,
И осветила улыбка
Бледный измученный рот.

Петь. С хрипотой и надрывом,
Путая ноты, слова,
В танце кружась над обрывом,
Знать, что была не права.

Где же вы, мой Алигьери?
Ваша жива Беатриче
Музыкой тонкой свирели
«В мире лукавых обличий»...

Где-то толкуют про лето,
Где-то ржавеют монеты,
Где-то в безмолвии вечер
Ловит ладонями вечность.

Вячеслав Трубицын родился в Инжавино Тамбовской области. Окончил исторический факультет ТГУ имени Г.Р. Державина, занимался в литературном объединении «Тропинка». Работал учителем. Публиковался в газете «Инжавинский вестник», в коллективных сборниках. В настоящее время служит в армии.

Здесь всё напоминает о тебе...

Как строчкою нотною, движет
Он рельсами дальних дорог,
Слезами, прощаньями дышит
Дорожный языческий бог.

Ему здесь немая свобода –
Он радости, грусти творец,
И с ним заодно вся природа
Железнодорожных колец.

Я встретил его здесь случайно –
На рельсах железных дорог.
Поделит со мной горечь чая
Дорожный языческий бог.

Заснеженный город

Заснежен! Мой город заснежен.
Он холоден, ласков и нежен.
Охвачен я воздухом свежим,
И иней покрыл дерева.
Морозец с душой моей смежен.
И если, печальный и грешный,
Я, словом твоим не утешен,
Он все заменяет слова.

Охвачен! Мой город охвачен
Морозной зимы простотой.
И это есть счастье, иначе
Забуду ответы к задаче...

И город забит пустотой –
Такой, что зима лишь богаче,
Окутаны снегом все дачи,
И город становится зрячим.

Хоть окна в узорах из гжели,
Мне видно дыханье прохожих.
Похоже на счастье? Похоже!
Мороз мне печали дороже,
Мороз – как прекрасные трели.
Он мой собеседник дорожный,
Метелям родной. И я тоже...
Прекрасен здесь мир! И – дай Боже!

Я – эхо прошедшего дня,
Я – лёд вместо нежного сердца.
Мне так не хватает огня,
Ничем не могу я согреться.

Я – слово, забытое всеми.
Народ мой теперь негодует:
Где прошлого скрытое семя?
Куда ветер истины дует?

Я – памяти слабый источник,
Ручей – засыхающий, жалкий.
Я – слово в зачёркнутой строчке
И боль под безжалостным жалом.

Маргарита Шитикова родилась в Тамбове, окончила лицей № 6, ТГТУ и аспирантуру. Публиковалась в коллективных сборниках, журналах, в том числе, в журнале «Наша молодёжь». В настоящее время Маргарита готовит к печати отдельный сборник стихотворений.

Строки осени

1.

Полегли камыши от осенних нахлёстов,
Перепрятали ветры селенья синиц.
Облака не стесняются прятаться в слёзы,
А листва замороженно падает ниц.
Город благоговейно встречает Царевну,
Под гранат и янтарь украшая окрест
Неокрепшую позднюю летнюю ревность,
Забирая цветы до поры под арест.

Ах, усталость осенняя, выйди на поле
И пожухлую ниву залей мокрым сном!..
Лес задумчиво сник; отчего же он болен,
И, как хищницы, тучи летают рысцой?

Солнце, как в утешенье, коснётся участием
Неприветливой ивы у самой реки.
И обнимут ветра, и оставят качаться
На околице счастья последней строки.

2.

Лист её летает, прям и невесом,
И на юг стремятся зябнущие крылья...
Говорят, что осень не в ладах с весной,
Говорят, что зависть в слякоти укрылась.

Только с этим вовсе не согласна я.
Вглядываюсь снова я в листики-веснушки...
В луже дремлет тучка – дождевой синяк,
Ветерок крадётся, чуть меня коснувшись.

Разная погода, но душа одна
В мороси и в ливнях, в дуновенье ветра...
Осени особую прелесть не отнять:
Вот стоит рябина в шапочке из фетра.

Чуть поотдаль – клёны-часовые в ряд,
Стройно оцепили тихую аллею.
Листья и дождевики с ними говорят,
Солнце посылает поздний привкус летний.

Елена Яцкова родилась в Тамбове. Окончила исторический факультет ТГУ имени Г.Р. Державина, там же получила медицинское образование. Сейчас работает врачом, пишет стихи. Она – автор двух поэтических сборников, многих публикаций в газетах и коллективных сборниках.

Кораблик любви

А ты был прав, сказав однажды,
Что всё когда-нибудь пройдёт...
И вот корабликом бумажным
Любовь по ручейку плывёт.

Моя любовь, устав, промокнув
От слёз обильных, – в никуда...
Да, всё прошло – печаль, размолвки
Уносит талая вода.

Куда теперь? Там, на рассвете,
В лучах надежды золотой,
Любовь мою однажды встретит
Не ты, а кто-нибудь другой.

Февральская ночь

Морозный зимний вечер закрипел
Под окнами пушистым белым снегом...
Загадочно луна смотрела с неба.
Дед с папиросой на крыльце присел.

Он закурил, глаза прищурив. Вдаль
Взгляд устремил... Так тихо, хорошо!
Снежок, мелькая в лунном свете, шёл –
Вступал в свои владения февраль.

Мороз крепчал, и леденели звёзды...
Дотлела папираса. Перед сном
Вздыхнул он полной грудью свежий воздух
И поспешил, сутулясь, в тёплый дом.

А ветер, покружившись за дворами,
Вдруг спохватился и умчался прочь...
Окуталась неведомыми снами
Февральская заснеженная ночь.

Обман

Серый день мелькал в тумане
Крышами домов...
Мается любовь в капкане
Из фальшивых слов.

Как она, не понимаю,
Оказалась там?
Обещаньями дурманил,
Верила словам.

Верила глазам и клятвам
В отблеске луны.
Март заплакал виновато,
Он в ручьях весны

Прочь доверье унесётся
Так, что не догнать,
Холод в сердце разольётся...
Мне уже не стать

Той, которая умела
Слепо верить, но...
Что теперь, когда на белом
Чёрное пятно?

Ольга Терехова родилась в Тамбове, окончила лицей № 14. Учится в ТГТУ. Публиковалась в газетах, альманахах, журналах, в том числе, столичных. Она – победитель областных конкурсов на лучшее стихотворение о родном крае, о Великой Отечественной войне.

Город моей мечты

Мне снится порою город,
Укрытый шатром дерев...
Он так же стремителен, молод,
Он – как могучий лев.

А в городе трели фонтанов
Смешались со смехом детей,
И тени домов-великанов
Прохладой наполнили день.

Там трубы домов не ранят
Небес шелковистый покров.
И каждый убогий странник
Получит и хлеб, и кров.

В том городе – воздух лёгкий,
Сошедший с горных вершин,
И не отравляет лёгкие
Дыхание тысяч машин.

Там ясною ночью звёзды
На бархате неба видны,
И светлые детские грёзы
Собой наполняют сны.

На Марс...

Собираю чемоданы:
Не печалься, спешно, рьяно –
Ждёт такси, и со двора
Слышится: «Быстрее, пора!»

И, сбегая по ступеням,
Улыбаюсь всем соседям.
Ситец платья расписной
Треплет ветер озорной.

«Ты куда? Когда вернёшься?» –
Кто-то крикнет заплотшно.

Рассмеюсь ему в ответ:
«Может быть, в один рассвет...»

Вот уж здание вокзала.
Я его и не узнала:
Раньше в коконе листвы,
А теперь... «Неужто вы,
Мой голубчик? Постарели,
Запылились, полысели;
Штукатурки не видать.
Но осталась та же стать»...

Чемодан в руках я сжала:
«Мне билет... Один, пожалуй.
Это сон. Ведь вам не жалко?
Мне до Марса: там не жарко,

Нет воды, газопровода,
И истлела вся природа.
Но увидеть мне хоть раз,
Чем живёт великий Марс...»

Удивляетесь: «Зачем же?» –
Вы, прикрыв улыбки жемчуг...
Пыль да пепел, ни огня.
Чем пленил-то он меня?

Нет, не знаю. И, по чести,
Я, чураясь громкой лести,
Так скажу: «Пленил меня
Марс, мечтой к себе маня...»

Снег

Белым кружевом забвенья,
Колкой сахарной пургой,
Все деревья и селенья
Снег укрыл своей рукой.

Он пригрел в своих объятьях
Лес в нарядах кружевных,
Он одел деревья в платья,
Превратив ветра в портных.

Снег смеётся, снег кружится
В поднебесье, близ земли.
Словно сказочные птицы,
Облака плывут вдали.

Анастасия Челюбеева родилась в Тамбове. Окончила среднюю школу, начала трудовую жизнь. Поступила на заочное отделение в ТГУ имени Г.Р. Державина, где и учится сейчас на четвёртом курсе. Стихи начала писать в школьном возрасте, публиковалась в местной прессе, в коллективных сборниках.

Впадаю в детство...

Запущу бумажный самолётик,
На себе поймав косые взгляды:
«Двадцать лет, а будто – из детсада!»

Маму пузыри купить просила –
Мыльные, совсем не в шутку даже.
«Двадцать лет уже, а всё туда же!»

У меня котята на носочках,
И хочу с котятами обои...
«Двадцать лет... Да что ж это такое!»

Губы надуваю, обижаясь.
Как назло, не выдумано средства
От того, что я впадаю в детство...

Шоколад с орехами и кофе

Я с утра проснуться не могу –
Ведь привыкла спать я до обеда.
В институт, друзья, не побегу –
Лучше на автобусе поеду.
Вот сейчас немного полежу
(А лежать, вы знаете, я – профи),
А потом у мамы попрошу
Шоколад с орехами и кофе!





Лидия ПЕРЦЕВА

Сказание о святителе Питириме, епископе Тамбовском

Ночь подкралась мягкой тенью,
Загасила свечи дня,
Сеткой звёздного плетенья
Скрыла небо, заслоня.

Но взошла луна золотая,
Осветив глубокий мрак,
И, страницы дней листая,
Разбудила спящий зрак.

Так тревожно, еле слышно
Всплыли шорохи во тьме,
Расцвели виденья пышно
В отшумевшей старине.

Лидия Александровна Перцева – поэтесса, член Союза писателей России. Родилась в Йошкар-Оле, окончила Воронежский государственственный университет. Работала зам. председателя правления Союза научно-инженерных обществ Тамбовской области, избиралась депутатом Тамбовской городской Думы. Автор многочисленных поэтических книг, много пишет на православную тематику.

И правдиво или ложно,
Отголосками звеня,
На листы пав осторожно,
Осветили были дня...

Детство в Вязьме

Уста, шепча, творят молитвы...
В изнеможенье столько дней
Лежит на одре с хворью битвы
Немолодой архиерей.

Прожил, считай, уже полвека...
Келейник выпить дал воды.
Полегче стало человеку.
Вспоминанья, жизнь, труды...

Вот мать с отцом на скамьях рядом
Внушают сыну по уму,
Как жить в сем мире сложном надо,
Не доучая никому.

Творить добро и верить в Бога...
В монастыре Предтечев храм.
Он постигал там тайну слога
Церковной грамоты и сам

На клиросе пел часто в хоре.
Во умилении души
Любил высоких звуков море
И в полумраке служб, в тиши

Монахов хор благочестивый –
«Жених грядет в полунощи...»
Как были сладостны мотивы
В горенье плачущей свечи.

То было детство золотое
И верой, что Господь мог дать,
Так живо чуткою душою
Он ощущал всю благодать.

Ученье иконописи

С благословения родных
Учиться стал писать иконы
О развлечениях земных
Не помышлял, страстей препоны

Не властны были изменить
Традиций вязьмичей старинных.
Всю жизнь лишь Богу посвятить
Себя на службах строгих, длинных

Решил Прокопий. Нарекли
В рожденьи в честь Декаполита.
Благоговейно берегли
В сердцах ту святость, что излита

В сказаниях святых тогда.
В благочестивых нравах местных
Глубоко чтили в те года
Всех покровителей небесных.

Он вспомнил старца, что учил
Его, послушника в то время:
Левкасил доски, золотил –
Труд для него всегда не бремя

Вот минерал – он краски трёт,
И на доске графью проводит,

Ещё не ведая вперёд,
Какой, раскрывши, цвет находит.

Из беличьих хвостов вязал
Он кисти – всё с постом, с молитвой...
Заслышав колокол, бежал
На клирос – воин вечной битвы.

Трудиться был для Бога рад
Пострижен он в монахи скоро
Чернец, не ищущий наград,
Работу делал быстро, споро.

Зимой снег чистил, хлебы пёк...
Себя забывшим в утешенье,
Духовный мир ниспошлет Бог
За жертвы дивное смирение.

Постриг

Вспомнил пострига он вечер.
Свет лампадок тешит храм.
Братьев сонм, их путь извечен,
Как столпы недвижны там.

Он лежит, крестом распялся,
В храме, прямо на полу.
Лишь рубахи свет остался –
Белизною гонит тьму.

Хор неспешно среди ночи
Своды храма огласил:
«Ты потщись объятья Отча,
Мне отверсть, Владыко Сил...

Блудный сын к Тебе взывает...».
Ряд из мантий с двух сторон.
Сердце в голос в нём рыдает –
Он для мира погребён.

Вот с трудом он подползает
К алтарю, а на амвон
Всходит старец, приглашает
Встать его. Поднялся он.

«Что пришёл ты, раб смиренный?
Здесь отрады не ищи!
Ты от мира отреченный,
Взявши крест, не трепещи!

Коль решаешь свою волю
Ты отсечь на сем пути...
Дав обеты, свою долю
В Боге сможешь обрести»

Постригали трижды волосы,
Ново имя нарекли,
Облачили в клубок, рясу,
И в руке свечу зажгли.

Береги в душе то пламя,
Суть его не угаси,
Крест тебе вручён, как знамя,
Им спасайся и неси.

Стал отныне Питиримом;
Словно заново рождён
В покровительстве незримом
Был он твердо убеждён.

Игуменство

Едва лишь двадцать миновало,
Уж он – священник молодой.
Шли годы...братия избрала
За Божий разум, ум живой

Его игуменом. Подвижник
Знал наизусть святой Псалтирь
Не фарисей, не мрачный книжник,
Подрясник ветх от многих дыр.

Обители хозяин нужен!
Хоть старцев много и отцов,
Да круг достойных сильно сужен –
Полно некнижных простецов.

Да, старше есть и есть мудрее,
Но всё ж смиренье и любовь
Казались братии важнее
Иных достоинств и чинов.

Ведь от игумена так много
Зависит в жизни и судьбе
Любого инока. У Бога
Так предначертано тебе.

Был монастырь Иоаннов в Вязьме
Одним из лучших на Руси.
Неужто справится он? Разве?
Коль трудность – Господа проси!



Анатолий ТРУБА

Святые источники Богоявленского Благодичиния Мичуринской и Моршанской епархии

Происхождение святых источников различно. Одни появились на месте чудесного явления Божией Матери, святых или их икон. Другие вытекают из-под алтаря и почитаются как освящённая святыня храма. Над третьими ставят кресты и часовни, в которых помещают икону святого, которому посвящают источник. У четвёртых замечают целебные свойства помогать при различных заболеваниях. Но объединяет их одно: слава о таких родниках, наделённых особой Божьей благодатью, распространяется в народе. К ним начинается паломничество. Около них ищут прощения и отпущения грехов, освобождения от душевных и телесных болезней. Вода из таких источников являет чудодейственную помощь святых угодников Божиих. Сама она почитается как милость Бога к нам, и сами эти источники считаются Святыми.

Анатолий Сергеевич Труба родился в 1978 году в п. Первомайский Тамбовской области. В настоящее время профессор кафедры агробизнеса и менеджмента МичГАУ, доктор экономических наук, член Союза писателей России.

Часовня-родник в честь преподобного Сергия Радонежского

Есть такие места, которые без помощи знающих людей не каждый найдёт. Одно из них, в Иловай-Бригадирском, было освящено епископом Мичуринским и Моршанским Гермогеном 21 сентября 2014 года, на Рождество Пресвятой Богородицы.

Новоспасская земля известна в районе своими местами отдыха вдоль Хоботовского леса и реки Иловай. Ключи там пробиваются один рядом с другим, и вода в них считается целебной. Иловай-Бригадирский родник имеет свою историю. В прежние времена это был обычный ручеёк, вода в котором имела особые свойства. Ещё в годы войны он не раз выручал местных жителей. Старожилы помнят, как в детстве бегали сюда за водой. У источника совершались молебны в день Крещенского сочельника и в праздник Крещения Господня. Считается, что если человек приходит сюда с верой и искренне просит Бога об исцелении души и тела, Господь его обязательно услышит. В надежде на исцеление к источнику приходило много людей – и местных, и гостей села.

В 2014 году поставили беседку, настелили пол, установили скамейки, сделали удобную лестницу для спуска к роднику, администрацией сельсовета была обустроена кабина для купания. После того, как это уединённое место обрело достойный вид, местные жители направили в адрес епископа Мичуринского и Моршанского Гермогена письмо с просьбой освятить источник. Сделать это было решено в престольный праздник Иловай-Бригадирского – день Рождества Пресвятой Богородицы. Владыка, который совершил чин малого освящения воды, нарёк источник в честь Преподобного Сергия Радонежского.

Часовня-родник в честь Владимирской иконы Божией Матери

Часовня-родник Владимирской иконы Божией Матери в селе Иловой-Рождественское располагается за зданием школы в живописном месте, на берегу реки Иловой. Строили часовню над источником всем миром. Собрались односельчане, обсудили этапы благоустройства территории и приступили к работе. Вырубили всю лишнюю растительность, разровняли дорожку, установили металлический навес и ограждение, сделали деревянный настил, высадили цветы. Накануне праздника Владимирской иконы Божией Матери, одного из главных символов православной России, источник предстал во всей красе. Случилось и чудо. Незадолго до открытия из источника исчезла вода. Люди опасались, что он иссяк, однако перед освящением из недр земли вновь забила чистая прозрачная вода.

Чин освящения совершил настоятель Христорождественского храма отец Сергей (Баев). Он совершил молебен, троекратно опустил святой крест в источник и окропил присутствующих. Отец Сергей поведал, что освящённая вода очищает верующих людей, укрепляет их подвиг спасения в Боге. Впервые окунаясь в святую воду при крещении, человек получает омовение в этом таинстве от греховных нечистот, обновление и возрождение новой жизни во Христе. Чтобы святая вода приносила пользу, нужно заботиться о чистоте души, о светлости помыслов и дел, а при прикосновении к святой воде возносить в уме и в сердце молитву. Освящение источника состоялось 8 декабря 2014 года.

**Часовня-колодец в честь святых мучеников
Космы и Дамиана**

Источник Космы и Дамиана располагается в пяти километрах от села Старое Козьмодемьяновское. Родник источает свои воды уже более века. Сельчане за прохладу воды называли его «студёный колодец». И дачники, и местные жители давно протоптали дорожку к источнику – по всей видимости, частенько навещают его, чтобы испить водицы и омыться. Старожилы вспоминают, что ещё их бабушки и прабабушки ходили сюда за водой. Однако несколько десятилетий назад, в годы безверия, родник был в запустении.

В 2010 году на источнике было установлено два бетонных кольца, источник освятили малым чином. В 2013 году благодатное место облагородили: расчистили территорию, установили навес, две скамьи, металлическую кабинку, отсыпали щебнем дорожку у родника. Люди верят, что эта вода обладает благодатной энергией, дарованной свыше.

Освящение источника прошло 11 августа 2013 года. На этом таинстве отец Александр (Пронин) призвал с особым благоговением относиться к святой воде, а также пожелал этому месту преобразиться и впредь с Божьей помощью и, конечно, с помощью и вниманием всех неравнодушных людей. После освящения люди пили прохладную воду, набирали в ёмкости, умывались, обливались. Целительная сила святого источника в доброй атмосфере веры и добра почувствовалась сразу.

**Часовня-родник в честь пророка Божия Илии
(с. Новобогоявленское)**

Родник, расположенный на окраине села Новобогоявленского, имеет вековую историю. В советское время источник был запущен. А тот, кто не знал о нём, вряд ли смог заметить его сквозь заросли. Ухаживал за родником житель села Иван Романов.

7 июля 2013 года, в день празднования Рождества Иоанна Предтечи, состоялось освящение родника. Стоит отметить, что людей в тот день собралось очень много. Но прежде, чем совершить освящение, благочинный отец Александр (Пронин) рассказал о православном празднике, который в тот день отмечали христиане. Затем отец Александр отслужил молебен, троекратно опустил крест в источник и окропил освящённой водой всех собравшихся. В этот день стояла знойная погода и все молили о дожде, и вдруг после освящения источника пошёл сильный дождь: как пояснил отец Александр – это знак свыше. «Он говорит о том, что Всевышний поддерживает начинание местных жителей, и с этого дня источник поистине стал святым», – отметил благочинный.

**Источник в честь Илии Пророка
(с. Иловай-Дмитриевское)**

В селе Иловай-Дмитриевское находится целебный источник, к которому ежегодно совершаются крестные ходы. Родник находится на окраине села. С 1993 года в дни праздников Крещения Господня, пророка Илии, во время засухи из храма великомученика Димитрия Солунского к источнику совершаются крестные ходы. Вблизи источника есть кабины для купания. У часовни-родника никогда не бывает безлюдно.

По заверению старожилов села, в день памяти пророка Илии в это место ударила молния, после чего и заструился родник. По этой причине источник и стал именоваться в честь великого пророка. К роднику ходят прихожане просить дождя в засушливое лето, а также съезжаются люди со всех сёл района и области, чтобы набрать чистой родниковой воды. Вода из источника Илии Пророка помогает в лечении аллергических, бронхиальных и лёгочных болезней.

**Надкладезная часовня в честь иконы
Пресвятой Богородицы
«Живоносный Источник»**

Надкладезная часовня расположена на территории храма вмч. Димитрия Солунского (село Иловай-Дмитриевское). Часовня освящена 25 июня 2002 года. В часовне в летнее время иногда совершаются молебны с освящением воды.

Заключение

Врезались в память слова, произнесенные протоиереем Александром (Прониным) Богоявленского благочиния, о том, что его матушка считала, что если из земли бьёт чистый родник, то он уже святой. Остальное всё зависит от людей.



Цветы на граните

(о мемориальных досках тамбовским писателям)

Значимым событием для общественной, для литературной жизни Тамбова и, конечно же, для Тамбовской областной писательской организации стала установка мемориальных досок двум крупным литераторам прошлых лет – Майе Румянцевой и Ивану Кучину.

Майя Александровна Румянцева (1928-1980) родилась в Москве, где окончила Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева, Литературный институт имени А.М. Горького. С середины 1960-х Майя Румянцева проживала на Тамбовщине, а в 1968 году возглавила Тамбовскую областную писательскую организацию. Своей второй малой родине и её людям она посвятила множество чудесных стихотворений. До сих пор любителей поэзии всех возрастов привлекает творчество Майи Румянцевой, покоряя безграничным богатством духовного мира, простотой и пронзительным лиризмом и принося читателям неизменную радость приобщения к светлой и щедрой душе поэта. 20 ноября 2015 года в Тамбове по улице Советской, 118 состоялось открытие мемориальной доски поэту, приуроченное к 55-летию областной писательской организации. На открытии прозвучали стихи Майи Румянцевой в исполнении вице-губернатора Сергея Чеботарёва, ведущей актрисы Тамбовского драматического театра Валентины Поповой, поэтов Валентины Дорожкиной, Евстахия Начаса, Марии Знобищевой. Проект памятного знака разработан скульптором Виктором Остриковым. Он представляет собой триптих, в который вошли отрывки из поэм «Слово о “Правде”» («Черноземье моё, черноземье...»), «Война» и портрет Майи Александровны.

После кончины Майи Румянцевой в 1980 году ответственным секретарём писательской организации был

избран поэт-фронтовик *Иван Сергеевич Кучин* (1924-2000). В годы Великой Отечественной войны рядовым пулемётчиком он сражался на Юго-Западном фронте, под Сталинградом, был тяжело ранен, контужен. Впоследствии, окончив факультет русского языка и литературы Тамбовского педагогического института, работал в прессе и несколько лет возглавлял литературное объединение при областной газете «Тамбовская правда». Именно на базе этого объединения 11 ноября 1960 года было создано тамбовское отделение Союза писателей РСФСР. И в нынешнее время поэзия Ивана Кучина, строки его стихов, написанных «по мандату памяти и долга», образ лирического героя, смотрящего на мир глазами солдата и каждый свой нравственный поступок сверяющего с «вечным Сталинградом», обладают непреходящим значением для молодого поколения читателей. 4 мая 2016 года на доме по улице Энгельса, 8, где жил Иван Сергеевич, была открыта памятная доска, проект которой также был разработан скульптором Виктором Остриковым. Инициатива установки мемориала принадлежит председателю Тамбовской областной организации ветеранов и инвалидов ВОВ правоохранительных органов и вооружённых сил Александру Кузнецову.

Очень хочется надеяться, что в скором времени появится в городе Тамбове памятная доска ещё одному человеку, сыгравшему выдающуюся роль в становлении областной писательской организации, – прозаику и драматургу, а также её первому председателю Александру Васильевичу Стрыгину.

Александра НИКОЛАЕВА,
кандидат исторических наук,
член Союза писателей России

Есть над чем работать

(Корреспондент «Рассказ-газеты» беседует с председателем правления Тамбовского отделения СП России Юрием Мещеряковым)

– В Тамбовской областной писательской организации руководители меняются, как перчатки? Вы надолго в этом кресле?

– Провокационный вопрос. С моей стороны было бы некорректно по отношению к нашим писателям отвечать на него в ироничной форме. Речь идет о серьезных вещах. Тем более что многие писатели ждут от нового руководства позитивных изменений в литературном процессе нашего региона.

Если говорить по существу, то так называемая «текучка кадров» связана, на мой взгляд, с двумя вещами. Во-первых, заниматься серьезной административной работой на общественных началах совсем не просто. Во-вторых, эта должность в силу того, что отнимает немало времени и сил, препятствует творческому развитию самого руководителя писательской организации. Складывается довольно противоречивая ситуация. Председатель правления должен создавать условия для профессионального развития других писателей, но сам при этом в какой мере ставит крест на собственных творческих планах. Это тот случай, когда сложно усидеть одновременно на двух стульях. Поэтому рано или поздно, каждый делает свой выбор. Но сейчас я не могу подвести своих литературных товарищей: общественные интересы всё же выше личных. Может быть, это армейский принцип, но иначе у меня не выходит. Честно говоря, забегать куда-то далеко вперед не хочу. Главное – реализовать задуманное...

– О планах мы еще поговорим. Сейчас о другом. Недавно в Тамбовской областной библиотеке состоялась презентация нового литературного журнала. Организаторы прямо заявили, что не намерены печатать тамбовских авторов. Они утверждают, что в нашем регионе нет настоящих писателей.

– На мой взгляд, такие заявления характеризуют незрелость составителей, может быть, невысокий уровень их профессионализма. Если, например, известный поэт Александр Макаров или недавно ушедший писатель Виктор Герасин, как и многие другие тамбовские писатели вне тренда, то это не умаляет их достоинства. Да, наши авторы берутся за темы, которые так или иначе связаны с трагической историей Тамбовского края, с его самобытностью. Отсюда художественная правда, литературный язык и другие средства выражения, связанные именно с культурой русской деревни. Для молодого поколения литераторов это все чуждо. Они тяготеют к так называемой городской культуре. Поэтому дело не в литературе, а в её восприятии. Молодые умы разъедает идея моды, даже ощущение того, что компьютеры, мобильники, автомобили за год устаревают, что новое всегда лучше старого; все эти веяния через глянцевого журналы приходит и в литературу. Одним словом, форма побеждает содержание. К сожалению, современные писатели часто не знают собственного литературного наследия, рвется нить времен, нить традиции. В этом проблема. При этом СП России стоит на принципах классической школы русской литературы. Возможно, это кого-то раздражает. Но нам нужны четкие ориентиры, иначе окончательно заблудимся. При этом мы не отрицаем идеи модернизма, андеграунда и прочих направлений современной литературы. Главное, чтобы произведения писателей или тех, кто считает себя таковыми, были талантливо и профессионально.

– Кстати, как Вы оцениваете литературный процесс в нашем регионе?

– Как говорится, есть над чем работать. Сегодня большинство книг печатается за счет личных средств авторов. Одним словом – самиздат. Большой беды в этом нет. Зачастую это единственный способ заявить о себе. Но начинающий прозаик или поэт иногда не может адекватно оценить свое место в литературе. При этом литературная критика, которая призвана истолковывать и оценивать те или иные произведения, исчезла со страниц газет и журналов. Поэтому сегодня не только читатель дезориентирован, но и писатели зачастую не видят лучших и худших сторон своего творчества, не понимают в каком направлении развиваться. Кроме того, параллельно с критикой должен быть востребован институт редакторов, разумеется, это оплачиваемая работа. Как вы сами понимаете, никаких штатных единиц мы себе позволить не можем, наша организация существует на членские взносы, и подобные задачи ей не под силу.

Что же касается творческих площадок, – их несколько, они позволяют вовлекать в литературный процесс самых разных любителей литературы. Валентина Дорожкина занимается с детьми в «Тропинке», Татьяна Курбатова ведет литобъединение «Радуга», Юрий Расстегаев возглавил «Литературные пятницы», Мария Знобищева регулярно проводит творческие встречи в клубе «Свеча».

Но нам необходимо выходить на более высокий уровень профессионального мастерства. Поэтому в ближайшем будущем предполагается организовать и дважды в год проводить серьезные литературные семинары для всех желающих.

Издание книг, газет, журналов также неотъемлемая часть литературного процесса. После некоторого перерыва мы возобновили издание Тамбовского альманаха.

В этом году предполагается выпуск двух номеров. Кроме того, уже изданы два поэтических сборника Зинаиды Королевой и Александра Макарова. Хотелось бы в перспективе переиздавать книги наших выдающихся писателей. Но пока это бесплодные мечты. При поддержке Ольги Миловановой выходит в свет наша «Рассказ-газета».

Кстати, об Ольге Викторовне Миловановой нужно сказать отдельное слово. Сегодня только её торговое предприятие берет на реализацию книги тамбовских писателей, чем помогает их продвижению в читательской среде. У нас появились и свои лидеры продаж: Владимир Селиверстов, Елена Чистякова, Сергей Кочуков... Обратите внимание, это всё краеведческая литература.

Не так давно, в начале декабря, с группой товарищей побывал в Воронеже, в редакции «Подъёма», попытался укрепить связи с федеральным журналом, надеюсь, что это получилось, и наши авторы будут чаще публиковаться на его страницах. Любые связи полезны.

Возвращаясь к литпроцессу... На мой взгляд, недостаток в печатных изданиях сегодня нет. Необходимо сосредоточиться на качестве публикуемых материалов. Одновременно мы намерены развивать наш сайт: <http://www.spr-tambov.ru/about/> Пока собственных средств нам хватает лишь на создание новостной рубрики.

Но своей главной перспективной задачей вижу, создание литературного музея на Тамбовщине, который должен стать культурным и издательским центром, а также научной, творческой, дискуссионной площадкой, где могли бы собираться не только писатели, но и художники, артисты, любители художественной литературы. Думаю, нам есть, что сказать друг другу.

Интервью взял Олег Алёшин

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 14

Печатается в авторской редакции

Корректор *М.И. Знобищева*
Компьютерная верстка *Н.В. Поповой*

ISBN 978-5-905763-77-9



Подписано в печать 15.12.2016 г. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 14,07. Тираж 300 экз. Заказ 133/16

ООО «Принт-Сервис»
392000, г. Тамбов, пл. Л. Толстого, д. 4

Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г